

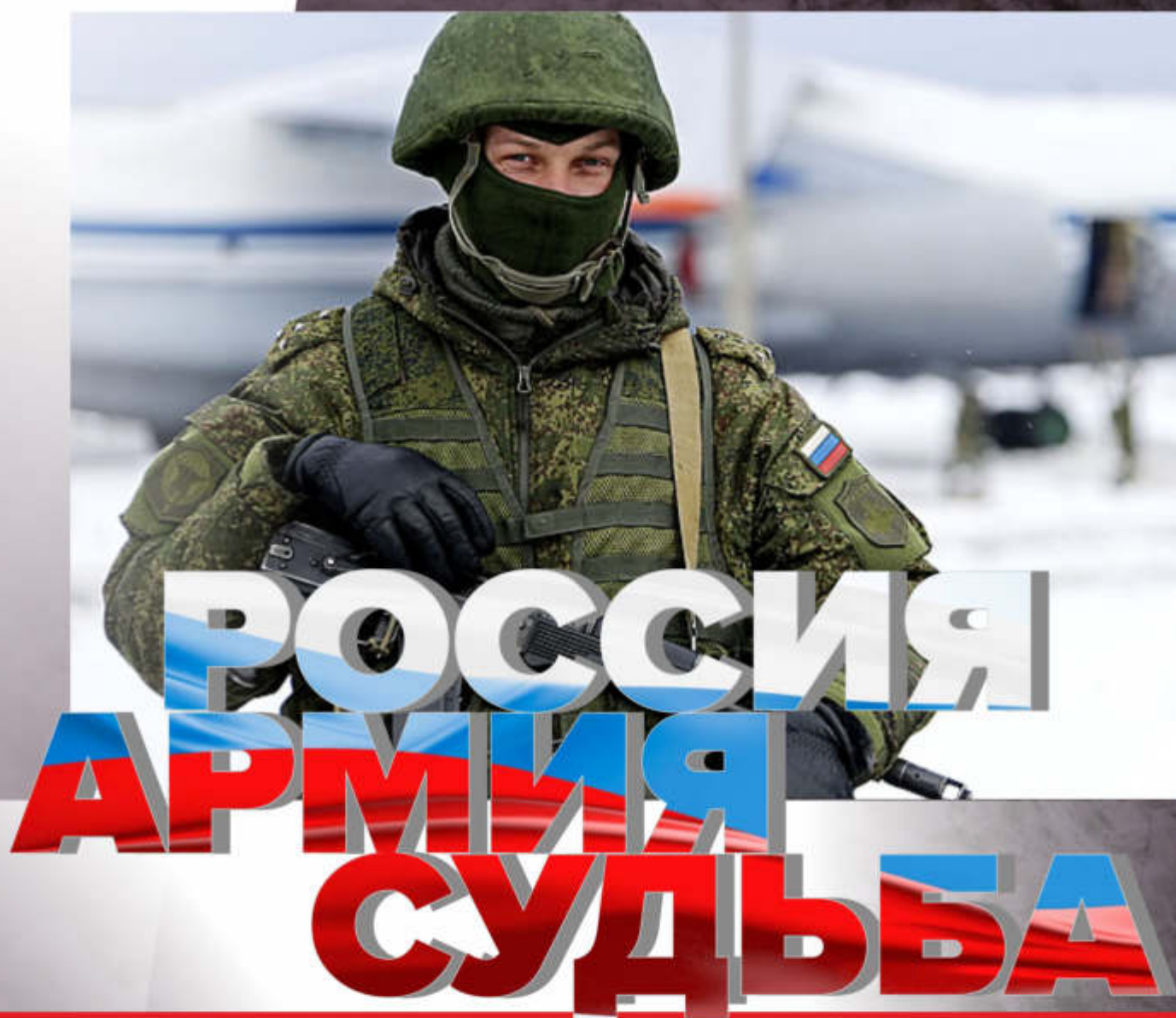
ЛАУРЕАТЫ
ВСЕАРМЕЙСКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ
КОНКУРСОВ

КНИЖНЫЕ
СЕРИИ ЦДРА

Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе

КНИГА ТРЕТЬЯ

РОССИЯ
АРМИЯ
СУДЬБА

ПОЭЗИЯ, ПРОЗА, ПУБЛИЦИСТИКА

2002 - 2021 ГОДЫ

Федеральное государственное бюджетное
учреждение культуры и искусства
«Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе»
Министерства обороны Российской Федерации

Военно-художественная студия писателей

РОССИЯ. АРМИЯ. СУДЬБА.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Поэзия, проза, публицистика

2002–2021 годы

Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе

Москва
2022

УДК 82-1, 82-3, 82-4
ББК 84 (2Рос=Рус)
Р76

Составитель В.А.Силкин

Р76 Россия. Армия. Судьба. Книга вторая. Поэзия, проза, публицистика. Составитель В.А. Силкин. – М.: Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе, 2022. – 170 с. (Лауреаты всеармейских литературных конкурсов: книжная серия ЦДРА).

В третью книгу- трилогию «Россия. Армия. Судьба» вошли произведения участников всероссийских литературных конкурсов имени генералиссимуса А.В.Суворова и «Твои, Россия, сыновья!», становившихся победителями и дипломантами этих литературных форумов в течение 21 года. Сборник содержит стихи, рассказы, отрывки из повестей и романов, а также очерки, посвященные прошлому и настоящему нашей Родины, мужеству и героизму защитников Отечества, любви к армии и флоту. В основном они принадлежат перу людей, не один год прослуживших в Вооруженных Силах СССР и России, не понаслышке знающих, что такое военная жизнь. Многие писатели прошли «горячие» точки и стали летописцами событий, произошедших в нашей стране и за ее пределами.

ЦДРА не несет ответственности за мнения авторов.

12+

© Коллектив авторов, 2022
© А.В. Кабин – обложка, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Пономарев, Александр Демаков-наш Герой!	4
Александр Поправко, Охота на черного ангела	8
Николай Прокудин, Вернуться живым	22
Анатолий Пуклич, Война и дети	42
Александр Салмин, Летчик от Бога	60
Владимир Скворцов, Простить нам не могут Победу	71
Борис Солдатенко, На переломе, или пуля для тени	83
Рафаэль Тимошев, Лермонтов	107
Александр Торопцев, Крепости	112
Валерий Тытенко, Дети волчицы	130
Александр Хвастов, Тень у березки	137
Вячеслав Черкасов, Соленый торт	147
Борис Цукер, Париж, спасенный под Москвой	153
Василий Цицанкин, Валерий Халилов. Любить всю жизнь	161

Владимир Алексеевич Пономарев.

Родился 13 июня 1959 года в г. Семипалатинске (Республика Казахстан).

Образование: военно-политическое, историческое, два юридических, экономическое, журналистское, философское. Кандидат исторических наук. Доцент отделения материаловедения Инженерной школы новых производственных технологий ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет».

Воин-интернационалист, много лет активно занимается военно-патриотическим воспитанием молодежи. Член Российского Союза ветеранов Афганистана (с 2003 года).

Заместитель председателя Юргинского отделения Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство» и ООО «Российский Союз ветеранов Афганистана» (Кемеровская область, г. Юрга).

Начальник Юргинского молодежного военно-патриотического центра «Звезда» имени Героя Советского Союза гвардии лейтенанта Александра Демакова Всероссийской общественной организации

ветеранов «Боевое братство» (с сентября 2003 года).

Подполковник запаса. Ветеран военной службы. Ветеран труда.

Выполнял боевые и специальные задания командования в период 1986-1992 гг. (Республика Афганистан и др.).

Дипломант Всероссийского литературного конкурса имени генералиссимуса А.В. Суворова 2019 года.

АЛЕКСАНДР ДЕМАКОВ-НАШ ГЕРОЙ!

Очерк

Более девяти лет (с декабря 1979 по февраль 1989 гг.) Афганистан был для нас незаживающей раной. Война в Афганистане – одна из печальных страниц нашей истории.

Советские солдаты, посланные за Амударью, самоотверженно выполняли свой интернациональный долг. Долго наш народ не знал, что в горах Гиндукуша советские люди участвуют в боях, говорили, что солдаты помогают населению Афганистана строить свою мирную жизнь. Газеты не писали о жестоких схватках с «душманами», об убитых и раненых. И только с приходом «гласности» страна узнала правду об афганских событиях.

Более 15 тысяч советских воинов погибли в этой необъявленной войне, десятки тысяч стали инвалидами, более трехсот человек пропали без вести.

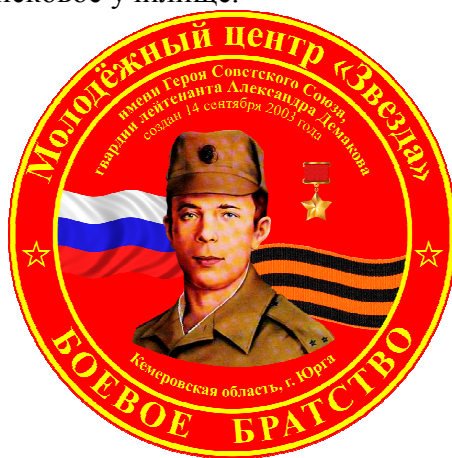
15 февраля 1989 года последний советский солдат покинул землю Афганистана.

В числе 600 тысяч «шурави» (шуравí (перс. شوروی – русский эквивалент слова шоурави – *šouravī*: советский, от араб. شورا – *šourā* – совет – образ советских военнослужащих в Афганистане, тесно связанный с образом советского солдата, произошел от афганского названия советских специалистов и служащих Советской Армии, мобилизованных для войны в Афганистане), пришедших на помощь афганскому народу, был и выпускник 13 курсантской роты Новосибирского высшего военно-политического общевоинского училища 1981 года лейтенант Александр Демаков.

Он родился 6 августа 1960 года в селе Верх-Ирмень Ордынского района Новосибирской области. С раннего детства Саша мечтал стать военным, усиленно занимался спортом, прочел много книг на военную тематику, в общем, основательно готовился стать офицером.

Александр хотел быть похожим на своего земляка из Ордынского района, летчика, Героя Советского Союза, капитана Алексея Гаранина, который в сентябре 1941 года бомбил Берлин и героически погиб в воздушном бою в 1943 году.

Его мечта сбылась: по окончании школы он поступает в Новосибирское высшее военно-политическое общевоинское училище.

Годы учебы пролетели незаметно. А в это время в Афганистане уже третий год шла война. Летом 1981 года, окончив учебу, лейтенант Александр Демаков написал рапорт и добровольно отправился служить в Афганистан на должность заместителя командира роты по политической части.

Воевал храбро, умело, был представлен к ордену Красной Звезды, но получить его не успел (награда пришла в часть позже – в мае).

21 апреля 1982 года гвардии лейтенант Демаков с небольшим отрядом из своего подразделения выехал в отдаленный горный кишлак Рудод провинции Парван проводить агитационную работу среди афганских крестьян и оказать им помощь в сельхозработах. Не доехав до места назначения, отряд попал в засаду.

Демаков в то время был уже опытным офицером. Быстро оценив обстановку (силы были неравные и не в пользу советских солдат), он принял единственно правильное на тот момент решение: приказал солдатам отходить, а сам остался прикрывать отход своих боевых товарищей.

Несколько часов отважный офицер сдерживал атаки многочисленной банды душманов. У Александра кончились патроны, он был четырежды ранен, но успел передать в эфир по радиостанции: «Осталась последняя граната. Передайте всем, что я умираю, как наш советский человек!».

Оглушительный взрыв эхом отозвался в горах! Последней гранатой он подорвал себя и наседавших врагов.

Так героически погиб гвардии лейтенант Демаков. Ему был 21 год.

Взрыв оглушительный горы потряс!
Жизни последний источник угас...
Солнце уходит за гребни вершин,
Здесь наш Герой славный путь завершил.

В этот же день у его мамы Фаины Егоровны был день рождения. Она отмечала свое сорокапятилетие.

Сытым, богатым был праздничный стол!
Как и всегда, на столе – разносол.
Кто же мог знать, что в горах в этот час
Саша последний свой бой вел сейчас?

Лейтенант Александр Демаков был посмертно представлен к званию Героя Советского Союза. Его бюст установлен на Аллее Героев Новосибирского военного училища.

В нашем училище память хранят.
Бюсты Героев в Аллее стоят.
Много цветов здесь всегда, круглый год –
Мимо аллеи никто не пройдет.

Уже 35 лет Александра нет с нами, но память о нем жива. После гибели сына Фаина Егоровна осталась совсем одна, но нет такого дня, чтобы ее кто-нибудь не навещал, ежедневно раздаются звонки, приходят телеграммы и письма.

День 21 апреля особо знаменателен для жителей села Верх-Ирмень Ордынского района Новосибирской области – взрослых и детей. Ежегодно в этот памятный день собираются друзья Александра Демакова, сослуживцы, знакомые, родственники, приезжают представители Администрации Новосибирской области и Ордынского района, многочисленные гости.

21 апреля 2017 года на сельском кладбище состоялся траурный митинг. К памятнику Героя были возложены цветы. Затем мероприятия продолжились в Доме культуры. В этот день были вручены медали «Родина и Братство» Кемеровской областной организации общероссийской общественной организации «Российский Союз ветеранов Афганистана»: маме Героя – Ф. Е. Демаковой и Верх-Ирменской средней школе – за активную работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи.

Гвардии лейтенант Демаков стал для всех нас символом мужества, доблести, отваги и чести. На его подвиге воспитывается молодое поколение. Его именем названы школа и улица в городе Новосибирске. Таким должен быть современный молодой человек – честным, храбрым, преданным Родине и народу!

Члены Юргинского отделения ВООВ «Боевое братство» и студенты ЮТИ ТПУ – воспитанники Молодежного центра «Звезда» давно тесно сотрудничают с Верх-Ирменской школой и Ф. Е. Демаковой. Уже много лет в этот памятный день они отправляются на Урок мужества, где участвуют в мероприятиях, посвященных подвигу Героя.

Гости из Юрги посетили квартиру Демаковых, комнату, где жил Александр, и ознакомились с экспонатами домашнего музея, которые уже 35 лет бережно собирает Фаина Егоровна Демакова. В этот же день она отметила свой юбилейный день рождения. Ей исполнилось 80 лет.

Участники встречи узнали много нового из жизни Александра, о его детстве: чем он занимался в свободное время, о его занятиях спортом – хоккеем, футболом.

С 2005 года в составе ЮО ВООВ «Боевое братство» действует Юргинский молодежный военно-патриотический центр «Звезда» имени Героя Советского Союза, гвардии лейтенанта А.И. Демакова, а в 2012 году МЦ «Звезда» учредил памятную медаль «Герой Советского Союза, гвардии лейтенант А.И. Демаков» для награждения «За особый вклад в военно-патриотическую работу».

Наша память о Герое не подвластна времени. Она живет, и будет жить в новых поколениях патриотов России.

В этом году Новосибирскому военному училищу исполняется 50 лет. На торжественные мероприятия приедут выпускники разных лет. И мы снова будем вспоминать своих однокурсников, боевых товарищей, их героические подвиги.

Подвиг Героя Советского Союза, гвардии лейтенанта Александра Демакова мы будем помнить всегда. Он и сейчас с нами в едином боевом строю.

***В роте Героя поверка идет.
Скоро «отбой», вот стоит Сашин взвод.
Будет всегда возглавлять этот строй
Он, лейтенант Демаков, наш Герой!***

Полковник запаса **Александр Николаевич Поправко**. Прозаик, сценарист. Родился 17 января 1969 года в Омской области. С августа 1986 по май 2019 года проходил воинскую службу на различных командных должностях, а также связанных с организацией и планированием разведки, в том числе и в период ведения боевых действий (суммарно до 5 лет нахождения в «горячих точках»), от командира взвода до старшего офицера Центрального аппарата Генерального штаба Вооруженных Сил РФ.

«Ветеран военной службы», «Ветеран боевых действий», «Ветеран военной разведки».

Консультант нескольких художественных фильмов.

Победитель 2-го Общероссийского конкурса «Кинопризыв-2014» в номинации «Сценарий кино» – 2014 г.

Награжден именными часами Президента Российской Федерации. Кавалер

ордена «За заслуги перед Отечеством» IV степени с мечами. Удостоен Почетной грамоты Председателя Правительства РФ.

Победитель Всероссийского литературного конкурса имени А.В. Суворова в номинации «Драматургия» – 2016 год;

ОХОТА НА ЧЕРНОГО АНГЕЛА

Отрывок из сценария

80. Нат. Горы. Ночь. У костра.

Погода опять ухудшается. Ударил мороз. Начинает идти снег, дует порывистый холодный ветер. Ночь обещает быть самой холодной. Солдаты собираются вокруг костра: обмороженные, вымотанные, кто-то чистит оружие, кто-то ест из котелка, кто-то спит. У всех без исключения на лицах смертельная усталость. От нечеловеческих перегрузок вся обувь разлетелась вдребезги. Приходится латать, чем попало. Немного разряжает общее унылое состояние новость о том, что у командира группы Алексея день рождения.

ГУМЛЯНКО:

Утром выходим. Твоя группа от меня справа пойдет. Аккуратней, вчера на этом маршруте трое сорвались. Живым нашли только рядового Смирнова. Поломался весь. А твоя группа пойдет от меня слева. Этим маршрутом еще не ходили. Я с группой Брелка по самому ущелью пойду, по руслу реки. Одна группа, твоя, остается здесь. Резерв. Быть в готовности прийти на помощь кому-то из нас. Задача одна, как в фильме: найти и уничтожить! Вопросы?

АЛЕКСЕЙ:

Вопросов нет. Товарищ подполковник, может быть, перед сном по глоточку. И повод есть, у меня сегодня день рождения.

ГУМЛЯНКО:

Хороший повод. Если только по глоточку. И подарить-то тебе нечего.

АЛЕКСЕЙ:

Да фляжка всего. После этой операции проставлюсь как положено. Приезжайте в отряд, в Шали.

ГУМЛЯНКО:

Спасибо. Семья есть?

АЛЕКСЕЙ:

Да, жена в Новосибирске. Сын недавно родился, еще не видел. После Нового года, в феврале, заканчивается командировка, вернусь в свою комнату в общежитии, заживем... Скучаю очень сильно.

ГУМЛЯНКО:

У меня тоже жена и дочь ждут. В Москве и тоже в общежитии. Хотел Новый год вместе отпраздновать, а оно вон как получилось... Ну, давайте за день рождения Алексея. Здоровья тебе и сыну, удачи всем!

Пуускают фляжку с коньяком по кругу. Выпивают все по паре глотков.

81. Москва. Инт. Квартира.

Поздний вечер. На кухне сидят жена Лариса, дочь Марина, семейная пара Игорь и Светлана.

ЛАРИСА:

Никаких вестей нет уже несколько дней. Игорь, так разве бывает? Так прошла уже эта неделя и никаких вестей, как он уехал. Уже и думать боюсь...

МАРИНА:

Мама!

ИГОРЬ:

По-всякому бывает. Через три дня Новый год. К нам приезжайте в гости, не забудьте.

ЛАРИСА:

Спасибо. Приедем. Только бы с моим было все хорошо...

82. Экст. Выход к пещере.

Начался очередной выход группы на поисковые действия по сложному маршруту, на котором уже несколько солдат погибло, сорвавшись в пропасть. И вот в какой-то момент движения, идущий первым, Махмуд поднимает голову и видит, как группа боевиков спускается со скал по веревкам. Вернее, спускаются на автоматных и пулеметных ремнях, снятых со своего оружия. Гумлянко запрещает вступать в бой, потому что положение очень невыгодное, боевики находятся сверху и им не составит труда забросать разведчиков гранатами. Решают провести скрытое наблюдение за боевиками с более выгодного и безопасного рубежа.

МАХМУД (поднимает руку, все приседают):

Командир, смотри.

Все поднимают головы вверх. На скалах несколько боевиков спускаются на веревках. На уступах стоят другие боевики и их поддерживают, помогают.

ГУМЛЯНКО:

Все за скалы! Укрыться! Володя, связь.

ГУМЛЯНКО:

Омега, Омега, я – Лавина. Как слышишь меня? Прием.

АЛЕКСАНДРОВ:

Лавина, Лавина, я – Омега. Вас слышу хорошо. Доложите обстановку. Я – Омега. Прием.

ГУМЛЯНКО:

Я – Лавина. Наблюдаю боевиков, спускающихся со скалы. Около 10-15 человек.

АЛЕКСАНДРОВ:

Атаковать сможете. Прием.

ГУМЛЯНКО:

Я- Лавина. Предлагаю дождаться, когда спустятся все, подготовиться и с более выгодных позиций атаковать. Мы сейчас находимся практически под ними, несколько гранат сверху вниз по нам и нам деваться некуда.

АЛЕКСАНДРОВ:

Я – Омега. Утверждаю твое решение. Отойти на безопасное расстояние, произвести наблюдение и в более выгодных условиях атаковать. Удачи, Лавина. Я Омега. Конец связи.

ГУМЛЯНКО:

Я – Лавина, вас понял. Володя, отходим!

Группа переходит на противоположный склон и укрывается за скалами. Темнеет. Боевики, спустившись, помогая друг другу, проходят по руслу реки и укрываются в небольшой расселине.

ТАЙСОН (сквозь оптический прицел):

Пещера, командир. Я ее не сразу сам заметил, пока туда они не зашли.

ГУМЛЯНКО:

Понятно. Они о ней знали. Кто-то из местных жителей с ними. Места глухие. К этой пещере они шли целенаправленно.

83. Экст. Ночь. У пещеры.

Боевики располагаются на ночлег. Разводят небольшой костер. Кто-то готовит огневые позиции, обкладывая место камнями, кто-то делает перевязку. Главарь разговаривает по спутниковому телефону.

84. Нат. Горы

Все это на глазах группы Гумлянко, пока совсем не стемнело.

ГУМЛЯНКО:

Давай Омегу.

СВЯЗИСТ:

Омега, я – Брелок. Прием. Передаю Лавине. Командир, Омега.

ГУМЛЯНКО:

Омега, Я – Лавина. Прием. Наблюдаю около 20 боевиков. Расположились на ночевку. Предлагаю рано утром атаковать. Я – Лавина. Прием.

АЛЕКСАНДРОВ:

Лавина, сейчас нет возможности атаковать? Прием.

ГУМЛЯНКО:

Есть возможность. Но уже темно и ничего не видно. Рано утром будет выгоднее. Никуда они от нас не денутся, Омега.

АЛЕКСАНДРОВ:

Хорошо, Лавина. Действуй утром. На выходе из ущелья две группы прикрывают пути возможного отхода бандитов. Так что рядом своих нет, бей все подряд, что шевелиться. Как понял меня Лавина? Прием.

ГУМЛЯНКО:

Я – Лавина. Вас понял. Володя, установи дежурство наблюдателей остальным – отдыхать.

Бойцы группы готовятся к отдыху прямо на позициях. Разворачивают спальные мешки и укладываются отдыхать.

85. Экст. Утро. У пещеры.

Гумлянюк переползает от одного бойца к другому с одним вопросом «Готов?».

Получив утвердительный ответ, переходит к другому бойцу. Занимает позицию. Рядом с ним Тайсон, связист, Федот. Видно, что боевики просыпаются, готовятся к выходу. По команде Гумлянюк Тайсон стреляет из гранатомета. Граната попадает в костер, разметав 2-3 бандитов. Начинается интенсивная стрельба. Боевики слаженно занимают позиции и организованно отвечают. Выше по руслу реки метрах в двадцати оказывается незамеченная ранее пулеметная огневая точка, которая сразу открывает огонь по спецназовцам. Слышатся крики «Аллах Акбар». Защелкали пули над головами. Тайсон берет вторую гранату РШГ и стреляет по пещере. Ему передают третью гранату и тут пуля снайпера попадает ему в шею. Тайсон хватается двумя руками за шею и падает. Из-под пальцев течет кровь, быстро впитываясь в снег. К Тайсону подползает Федот.

ФЕДОТ:

Тайсон, ты что? Как же так? Очнись! Азамат, друг, я тебя донесу, точно донесу, не умирай только. Я тебя тоже к себе приглашаю после дембеля, вот только выздоровеешь и приедешь ко мне... У меня мама, знаешь, такие пирожки печет... Можешь долго у меня жить... Сколько захочешь... Тайсон, ну ты что? Слышишь меня?

По щекам Федота текут слезы. К Федоту подползает Ансар.

АНСАР:

Федот, что с ним? Живой? Азамат, земляк, ты меня слышишь?

ФЕДОТ (лежа бинтуя шею Тайсона):

Живой, без сознания... Крови много потерял...

ГУМЛЯНКО (подползая):

Живой?

Федот и Ансар молча мотнули головой в знак согласия.

Эвакуируйте. Быстро только. Здесь сами справимся. Кент, ко мне. Помогите... Всем слушать меня! Интенсивный огонь, не дать гадам головы поднять! Прикроем ребят!

Гумлянюк провожает взглядом, как спецназовцы аккуратно, стараясь не причинить дополнительных страданий Тайсону, отползают в сторону. Федот ползет по склону, на плечах у него безвольное тело Тайсона. Ансар предлагает помощь. Федот зло отмахивается и продолжает один нести Тайсона на своих широких плечах. Остальные ведут перестрелку с бандитами.

86. Нат. Горный склон.

Федот ползком аккуратно на своих широких плечах тащит раненого Тайсона. Рядом, пытаясь помочь, ползет Ансар. Впереди ползет Кент. Недалеко слышен бой: автоматно-пулеметные очереди прерываются гранатными взрывами.

КЕНТ:

Я вперед, буду полегче путь искать, если что – помогу, зовите.

АНСАР:

Давай.

ФЕДОТ:

Тайсон, ты терпи. Ничего, я справлюсь, донесу тебя, ты только потерпи немного. Скоро водопад пройдем и все – пришли. Слышишь, наши духов бьют? Ничего, они и без нас справятся. Конечно, твоя снайперка сейчас бы им пригодилась, ну ничего, вот выздоровеешь и еще не одного духа завалишь. Я тебя знаю.

АНСАР:

Федот, давай помогу, тяжело ведь.

ФЕДОТ:

Отстань, сам донесу. За обстановкой следи, прикрывай нас. Не хватало еще, чтобы в Тайсона еще кто-нибудь попал. Ему и так тяжело досталось. А сил у меня хватит – донесу. Я же не толстый, я – сильный. Знаешь, в школе, в своем классе, больше меня никто не мог вес взять. Не веришь? Ансар, веришь мне?

АНСАР:

Федот, я верю тебе.

ФЕДОТ:

Ну, раз веришь, то отвянь.

АНСАР:

Остановись, Федот. Тайсон что-то затих. Кент, стой. Ползи обратно.

ФЕДОТ (останавливаясь и незаметно для Ансара переводит дух):

Тайсон, дружище, ты слышишь меня?

Тайсон не подает признаков жизни, смотрит широко открытыми глазами в небо.

ФЕДОТ (тормозит тело):

Тайсон, не умирай! Я прошу не умирай! Командир тебе приказывает не умирать! Вся группа просит не умирать! Что мы твоим родителя скажем? Что я им скажу? Что не донес своего товарища? Ты зачем нас бросаешь? Нам не нужен в группе другой снайпер. Ты – лучший! Ну-ка не закрывай глаза! Дыши давай! Я тебя донесу до врачей, они тебя поставят на ноги. Дыши, я сказал!

АНСАР:

Федот, успокойся. Все. Ушел от нас мой друг... Наш друг...

Федот не может сдержать слезы.

87. Нат. У пещеры.

Бой продолжается вплоть до наступления ночи. У бойцов заканчиваются патроны. Боевики не подпускают никого к пещере. Поступает приказ от Батина об эвакуации личного состава. Их задача выполнена, бандиты обнаружены и заблокированы в ущелье. Все пути возможного отхода противника перекрыты российскими спецназовцами, свежими группами, прибывшими на подмогу.

88. Нат. Горная стоянка. У копны с сеном.

Гумлянко и его солдаты возвращаются к полевому складу сена. Здесь их ждут Кент, Федот и Ансар, солдаты других групп. Под копной сена лежат два тела, укрытые плащ-палатками.

ФЕДОТ:

Командир, я его не донес! Это я его не донес! Его уже нет с нами... Я виноват, командир...

ГУМЛЯНКО:

Мы его будем помнить, всегда будем помнить... И отомстим... Кто второй?

КЕНТ:

Командир соседней группы, помните, у которого два дня назад был день рождения?

ГУМЛЯНКО:

Как? Алексей? Как так? Когда?

АНСАР:

Сегодня на горной тропе рядом с ним сорвался в пропасть солдат из группы, его связист, он бросился его спасать, успел схватить, но не смог вытянуть и оба сорвались в

пропасть. Командира группы вынесло из водопада и прибило к берегу, но он был уже мертвый, а его солдата-связиста пока не нашли. У них в группе за ночь еще двое сорвались в пропасть. Их тоже не нашли. Скоро должны из поиска вернуться.

Пару минут постояли молча...

ГУМЛЯНКО:

Идите к группе. Отдыхайте...

Гумлянко у костра наспех перекусывают с солдатами. Подходит связист группы.

СВЯЗИСТ:

Командир, вас Омега вызывает.

ГУМЛЯНКО:

Омега, я – Лавина. На связи. Прием.

АЛЕКСАНДРОВ:

Лавина, я – Омега. Слушай задачу: организовать минометный обстрел пещеры. Вести беспокоящий огонь. Район расположения пещеры и пути отхода блокированы группами спецназа. Минометчики в 07.30 прекращают вести огонь. Твоя задача, со свежей группой к 08.00 выдвинуться к месту боя к пещере, маршрут лучше тебя никто не знает, вступить в бой и добить банду, произвести досмотр. Как понял меня, Лавина? Я – Омега, прием.

ГУМЛЯНКО:

Омега, Омега, я – Лавина. Вас понял. Прием.

Подходит минометчик (прапорщик).

МИНОМЕТЧИК:

Товарищ подполковник, здравия желаю. Нужна Ваша помощь. Покажите, примерно, где находится данная пещера с бандитами? Поставлена задача до 07.30 утра обстреливать ее и не давать бандитам отдыха.

ГУМЛЯНКО:

Привет. Как зовут?

МИНОМЕТЧИК:

Игорь.

ГУМЛЯНКО:

Так, Игорь, сколько у тебя мин?

МИНОМЕТЧИК:

52.

ГУМЛЯНКО:

На всю ночь не хватит... Так... Давай так, как пристреляемся, через каждые 15 минут одну мину по пещере. Тогда должно хватить на ночь...

Гумлянко организывает беспокоящий минометный огонь по пещере с бандитами, который будет продолжаться до самого утра, пока не придет другая группа довершать начатое.

ГУМЛЯНКО:

С какого подразделения?

МИНОМЕТЧИК:

С Сенежа... «Подсолнухи».

ГУМЛЯНКО:

А-а, понятно... У тебя пары магазинов нет? Днем немного потратился...

МИНОМЕТЧИК:

Давайте пустые.

Обменявшись с Игорем пустыми автоматными магазинами на полные и организовав отдых на сене, заготовленном местными жителями, быстро перекусывают, готовясь ко сну, но не спится... Слышно, как с небольшими промежутками раздается минометный выстрел и

через некоторое время вдалеке глухой звук разрыва мины. Лежа в своем спальном мешке Гумлянко еще долго смотрел на чистое звездное ночное небо...

89. Флеш-бек. Горный полигон. Осень. Стрельбище.

Знакомство с Тайсоном.

На контрольной проверке по стрельбе неожиданно генерал ГРУ Сакмачев, находясь на вышке управления, хотел прекратить стрельбу из-за отсутствия видимости, как оператор мишенного поля на вышке ему докладывает, что все цели для поражения гранатометом поражены. Генерал засомневался в этом. Спустившись с вышки, он подозвал того, кто стрелял. И тогда-то Гумлянко, Володя (муж Анжелики) и все остальные офицеры увидели этого меткого спецназовца. Этим метким стрелком был как раз Азамат, такой крепкий, сбитый парень, поэтому и Тайсон. Генерал приказал еще раз поразить цель из гранатомета, которая еле-еле просматривалась из тумана. Выстрел. Доклад – попадание. Команда приказывает еще раз выстрелить. И опять попадание. Так спецназовец сделал еще 5 выстрелов и все они попали в цель...

90. Нат. Горы. Утро.

Гумлянко строит свежую группу и ставит им боевую задачу. И тут к нему подходит Савинов.

САВИНОВ:

Товарищ подполковник, Александр Николаевич, возьмите на выполнение задачи нашу группу. Солдаты хотят отомстить за погибших товарищей, да и по справедливости закончить это должны мы. Мы банду обнаружили, мы ее и добьем.

ГУМЛЯНКО:

Я же вижу, как вы устали.

САВИНОВ:

Вы же вчера сами с нами были и опять идете. Мы уже отдохнули. Тем более, мы там каждый камень знаем.

За спиной Савинова молча появляется вся его группа. Тяжелыми взглядами, не отрываясь, смотрят на Гумлянко, ждут решения.

АНСАР:

Командир, Азамат мой земляк, мы с детского сада вместе. И вы меня можете не брать?

ФЕДОТ (делая шаг вперед):

Командир...

ГУМЛЯНКО (перебивая):

Срочно меняйте свои пустые магазины на полные. Уже пора выдвигаться, отстаем от графика.

САВИНОВ:

Спасибо, товарищ подполковник. Мы мигом.

Группа Савинова меняется магазинами с вновь прибывшей группой и снова выдвигается в горы закончить то, что они начали. Во всех их движениях не было ни капли усталости, только сосредоточенность, да и видно, что и взгляды жестче, желваки гуляют, а на Гумлянко смотрят с молчаливым восхищением и одобрением.

ГУМЛЯНКО:

Строиться! Слушай боевую задачу: выдвигаемся к месту вчерашнего боя с задачей добить остатки банды. Идем по руслу реки по правому склону. Боевой порядок следующий: в головном дозоре – Кент, Федот и Тайс... Ансар, я – в ядре, со мной Махмуд и Халик. Володя (обращается к Савинову), ты – тыловой дозор и с тобой еще три человека. Твоя

задача: выдвигаешься по склону на удалении видимости и поддержки огнем, но выше нас. Связь с тобой по открытым каналам и то только в крайнем случае. Радист остается со мной.

САВИНОВ:

Понял.

ГУМЛЯНКО:

Хорошо. Пошли, ребята...

91. Нат. Утро. Горы. Выдвижение.

Подходят к водопаду, в который ранее упали и погибли двое, связист и командир группы Алексей. Сейчас перебираться уже легче, да и погода сжалилась, яркое солнце, ни одного облачка, даже жарко. Маскируясь в складках местности, пробираются вперед, опасаясь нарваться на огонь бандитов. Периодически Гумлянко докладывает:

ГУМЛЯНКО:

Омега... Я- Лавина, прошли 100 м – противник не обнаружен,

Прошли 200 м – противник не обнаружен...

Спецназовцы издали, видят место вчерашнего боя: все пространство в районе пещеры в черных точках от разрывов минометных мин.

ГУМЛЯНКО:

Молодцы минометчики, хорошо поработали.

ХАЛИК:

Командир, что-то подозрительно тихо.

Со всеми предосторожностями подходят к пещере на расстоянии 50 метров. Полная тишина. Все мертвы? Или удалось уйти? Молча наблюдают. 5 минут, 10 минут. Тишина. Только слышно, как внизу, в метрах пяти, ручей весело журчит между камней. Кент, идущий впереди колонны, поднимает согнутую правую руку вверх, заметив что-то. «Внимание!». Федот, идущий за ним, останавливается и приседает на корточки. На снегу лежат несколько трупов бандитов в спальнях мешках. Кент осторожно подходит к первому трупу, пинает его ногой – труп.

Второй – труп. Все это происходит на расстоянии десяти метров от пещеры и пятнадцати метров от остальных бойцов. Кент пинает третий спальный мешок, и тут тело садится, расстывает спальный мешок, а оттуда ствол американской винтовки М4. И на солдата. В упор. С одного метра. Щелк – осечка, щелк – выстрела нет. Кент цепенеет, но через мгновение выходит из оцепенения и открывает огонь по боевику, а потом и веером по всем мешкам.

В это же мгновение из пещеры наугад в сторону спецназа раздаются длинные очереди, стреляют из нескольких стволов. Солдаты падают на снег, кто на кого. Несколько человек скатываются вниз в речку. Одному из бандитов удается убежать буквально в одних трусах. Гумлянко подползает к одному из своих бойцов.

ГУМЛЯНКО:

Ансар, давай за ним.

Солдат скатывается в реку и, нагибаясь, по руслу реки бросается в погоню за беглецом.

Из пещеры продолжается интенсивный огонь. Спецназовцам никак не удается расположиться у входа в пещеру. Неожиданно стрекочут винты вертолета. Появляется Ми-24, все поднимают вверх головы, вертолет заходит на них по-боевому и выпускает длинную очередь. Снаряды разрываются от спецназовцев буквально в пяти метрах. И камни могут быть родными, если за ними безопасно. Вертолет идет на второй круг.

Гумлянко лихорадочно пытается связаться по рации с вертолетом.

ГУМЛЯНКО:

Зеленый, Зеленый, я – Земля. Прекратите огонь. Прекратите огонь. Вы бьете по своим. Как меня слышите? Я – Земля, прием.

ВЕРТОЛЁТЧИК:

Земля, Земля, вас слышу хорошо, но не вижу. Срочно обозначьте себя и наведите на цель.

Кто-то вытаскивает дымовую шашку, дергает за вытяжное кольцо и бросает почти себе под ноги. Оранжевый дым скрывает в своих клубах вход в пещеру.

ГУМЛЯНКО:

Зеленый, Зеленый, я – Земля, как наблюдаешь?

ВЕРТОЛЕТЧИК:

Земля, вижу хорошо. Куда работать?

ГУМЛЯНКО:

Курсом 240, по южному склону, от нас 50 м и дальше все твое.

ВЕРТОЛЕТЧИК:

Земля, Земля, вас понял. Спасибо и удачи.

Через считанные секунды вертолет влетает в узкое ущелье, почти цепляясь лопастями за скалы, на вираже выпускает залп по пещере и сразу уходит на развороте.

Опять тишина. Вертолетчики сделали отличный залп. Прямо у входа в пещеру разорвались ракеты.

Благодаря воздушной атаке спецназовцы занимают очень выгодное положение у пещеры и уже не выпускают из нее никого.

Несколько удачных выстрелов из РПГ-26 довершают уничтожение нескольких огневых точек у входа в пещеру.

Начинают методически отстреливать всех, кто хоть на секунду появляется на входе, замыкают кольцо вокруг пещеры. Бандиты выбрасывают гранаты, но эта тактика не приносит плодов, потому что солдаты находятся метра на два выше входа в пещеру и зачастую гранаты к бандитам же и скатываются.

ГУМЛЯНКО:

Приготовить гранаты...

ГУМЛЯНКО:

Дима, остались гранаты? На, возьми мои эфки, давай вниз, по берегу проползи и постарайся попасть в пещеру. Я тебя прикрою сверху. Хлопцы, по моей команде шквальный огонь по входу в пещеру. Ансар, вперед, родной.

После нескольких удачных бросков в пещеру, раздается женский визг и взрывом к ногам Гумлянку выбрасывает косметичку.

ГУМЛЯНКО:

Давай связь.

СВЯЗИСТ:

Закончилась закрытая связь. Батарейки сдохли, командир. Есть только открытая. Кенвуд.

ГУМЛЯНКО:

Давай.

Омега, я – Лавина. Прием. Омега, я – Лавина. Прием. Связь только открытая. Прием.

Раздается голос генерала Батина.

ОМЕГА (Батин):

Всем молчать в эфире. Говорит только Лавина. Доложить обстановку.

ГУМЛЯНКО:

Я – Лавина. Веду бой, потерь нет. Уничтожено несколько боевиков. В пещере предположительно находится женщина. Как понял меня? Прием.

ОМЕГА (Батин):

Лавина, я – Омега. Осторожней, на ней может быть надет «пояс шахидки». Береги ребят и возвращайтесь живыми. Как понял меня? Прием.

ГУМЛЯНКО:

Омега, я – Лавина. Вас понял. Прием.

Огонь противника практически прекращается. Несколько бросков гранат и вовсе наступает тишина... Надолго ли?

Солдаты поднимаются на ноги и уже почти открыто ждут сбоку от входа в пещеру в готовности немедленно открыть огонь. Надо производить осмотр пещеры. Две гранаты в пещеру. Взрывы. Тишина. По руслу возвращается Ансар. На вопросительный взгляд Гумлянка молча кивнул головой.

АНСАР:

Не надо убегать от российского спецназа. Все равно умрешь, но умрешь уставшим. Тем более, что в жопу раненый джигит далеко не убежит...

СВЯЗИСТ:

Командир, я ранен...

ГУМЛЯНКО:

Сильно? Куда?

СВЯЗИСТ:

В ногу. Куда-то в бедро.

ГУМЛЯНКО:

Присядь. Сейчас окажем тебе помощь.

После небольшой паузы приступают к осмотру пещеры. Вытягивают саперной кошкой наружу по одному убитых бандитов. Гумлянка замечает на одном новенькие иностранные альпинистские ботинки, подходит к телу, попинал своим разорванным ботинком по ноге бандита, рассматривая со всех сторон иностранную обувь, опускает глаза на свои разорванные, с намотанной поверх веревкой и торчащим полиэтиленовым пакетом вместо носков. Есть разница. Гумлянка громко вздыхает, это замечает Кент. Гумлянка еще раз посмотрел на хорошие целые ботинки, махнул разочарованно рукой и отошел в сторону.

92. Экст. У пещеры.

Солдаты выкладывают на снег огромные запасы захваченного оружия. Подходит офицер с новой группой для помощи. Гумлянка оставляет этого командира и его группу для охраны уничтоженных боевиков, оружия, а сам идет к своей сидящей в стороне группе. Солдаты выглядят нервно оживленными, несмотря на усталость. Связисту перевязывают бедро. По штанине и из ботинка течет кровь. Гумлянка обходит трупы бандитов, каждому вглядываясь в лицо. Подходит Ван.

ВАН:

Командир, кого ищешь?

ГУМЛЯНКО:

Да одного моего старого знакомого... Что-то не вижу его среди уничтоженных...

ВАН:

Их главного что ли?

Гумлянка утвердительно махнул головой, ногой переворачивая очередной труп бандита.

ГУМЛЯНКО:

Опять ушел, гад... Эх опять улизнул и уже нам его не достать и отвечать будет за деяния, не перед нашим законом...

ВАН:

Не огорчайся, командир, весь его путь – это тупик, который приведет к его смерти и если не здесь и сейчас, то он будет все равно рано или поздно наказан.

ГУМЛЯНКО:

Не хотелось бы поздно, хотелось бы сейчас...

Гумлянко связывается со штабом.

ГУМЛЯНКО:

Омега, Омега, я – Лавина. Бой закончен. Потерь нет. Один «трехсотый», требуется эвакуация.

АЛЕКСАНДРОВ:

Лавина, Лавина, я – Омега. Молодцы. Вас будут встречать местные ополченцы. У них есть лошади. Они помогут эвакуировать вашего раненого и травмированных из других групп. Еще слушай задачу: организуйте встречу корреспондента и помогите ему заснять место боя, пока не стемнело. Как понял? Прием.

ГУМЛЯНКО:

Только корреспондента здесь не хватало...

АЛЕКСАНДРОВ:

Плохо слышу, Лавина...

ГУМЛЯНКО:

Омега, я – Лавина. Вас понял, организуем в лучшем виде.

Гумлянко раздраженно кричит Савиному:

ГУМЛЯНКО:

Володя, поднимай своих. Уходим. Давай по нашему маршруту, иди встречай черного члена корреспондента. Ну, ты понял меня, у кого фотоаппарат на члене, не перепутаешь...

САВИНОВ:

А если женщина?

ГУМЛЯНКО:

Что, «женщина»?

САВИНОВ:

Ну, если корреспондент – женщина?

ГУМЛЯНКО:

Да не приведи Господь...

ГУМЛЯНКО:

Кент, иди сюда. Ты чего у пещеры замешкался? Я, когда увидел, что вещевой мешок «живой», сам чуть не обгадился.

КЕНТ:

Так это не я затормозил. Я сам опешил сначала, когда он на меня свою винтовку направил. А у бандита американская пукалка была, и скорее всего, перекося патрона. Если у него был бы наш Калашников, я бы сейчас с вами не разговаривал.

ФЕДОТ (поднимая с земли М4 и осматривая ее):

Да, Кент, ты прав, перекося патрона тебя спас.

ГУМЛЯНКО:

Никогда не думал, что буду благодарен американской винтовке.

КЕНТ:

Это точно, командир...

Федот отбрасывает американскую винтовку в сторону.

ФЕДОТ:

Дерьмо...

Федот почти с нежностью погладил свой автомат и повесил его на плечо.

ГУМЛЯНКО:

Володя, Дима остается со мной.

Группа Савинова ушла, по очереди помогая друг другу нести раненого. В этот момент возвращаются командир и его группа, которых Гумлянюк оставил сторожить трупы боевиков.

ГУМЛЯНКО:

Я не понял, что ты и твои солдаты здесь делают? Я тебе где приказал быть?

КОМАНДИР:

Товарищ подполковник, я рядом с трупами находиться не могу.

Гумлянюк на секунду теряет дар речи от такого ответа. У него сдают нервы. Сказывается нервное напряжение, которое сейчас выходит наружу.

ГУМЛЯНКО:

Быстро за мной! Все за мной!

Подходят к пещере. Гумлянюк берет одного из убитых террористов за ногу, поднимает ее.

ГУМЛЯНКО:

Ну и что в них такого, что ты не можешь рядом стоять? Они что кусаются?

Нога, оторванная по колено, видимо от гранаты, неожиданно остается у него в руке. Он бьет командира ногой по груди.

ГУМЛЯНКО:

Ну и что? Что они тебе сделают? Если сам не можешь стоять рядом, то поставь тех, кто сможет! И чтоб больше я тебя не видел и не слышал. Ты понял?

Гумлянюк отбрасывает ногу в сторону и уходит. Солдаты смотрят ему вслед, понутив головы. Гумлянюк и солдат группы Дима отходят в сторону и остаются ждать корреспондента.

ГУМЛЯНКО:

Давай перекусим? У меня банка тушенки есть.

По очереди перекусывают из банки. На склоне появляются спецназовцы. К Гумлянюку подходит офицер группы.

ОФИЦЕР:

Здравия желаю.

ГУМЛЯНКО:

Привет. Где корреспондент?

ОФИЦЕР:

Товарищ подполковник, корреспондент не смог с нами пойти, дошел только до Тазелей. Он полной комплекции, тяжело шел и долго, поэтому кинокамеру передал солдату, который умеет ею пользоваться и попросил самим все заснять. И просил поторопиться до темноты.

У Гумлянюка немного отлегло от души.

ГУМЛЯНКО:

Давай его сюда, своего спецкора.

Подшел солдат из группы с камерой.

ГУМЛЯНКО:

Умеешь пользоваться?

СОЛДАТ:

Так точно.

ГУМЛЯНКО:

Ну так смотри и слушай внимательно: если в кадр попадет хоть что-то типа контрольных попаданий в голову, отрезанных ушей или еще чего, считай, что ты погиб в неравном бою. Я тебя лично пристрелю. Ты понял?

Видно, что Гумлянюк еще был на нервах и его слова не на шутку испугали всех присутствующих.

И давай быстрее, а то уже темнеть начинается. Получится съемка?

СОЛДАТ:

Так точно...

На площадке перед пещерой работает корреспондент с камерой. Александр, не смотря на победу у пещеры, опустошен и подавлен. Пока из пещеры выносят тела, собирают оружие, Александр сидит в стороне. Солдат-корреспондент начал снимать на камеру лежащие трупы сначала общим видом, потом каждого отдельно, затем Гумлянко подозвал его и стал демонстрировать, находясь спиной к камере, обнаруженные паспорта, пролистывая их сначала фотографией, потом пропиской. Пролистав первый паспорт, Гумлянко понимает, что в своих рваных перчатках это делать тяжело и неудобно, поэтому зубами срывает порванную на пальцах вязаную черную перчатку с правой руки и продолжает демонстрировать на камеру документы бандитов. На безымянном пальце правой руки блеснули два кольца, надетых вместе.

Подходит солдат. Хорошо видны руки Александра с двумя кольцами...

ГУМЛЯНКО:

Все снял?

СОЛДАТ:

Так точно.

93. Нат. На склоне. В горах.

Темнеет. Группа спускается с гор по знакомой тропе. Каждый шаг дается с огромным трудом. Сил больше нет, эмоций не осталось даже на простой разговор. Все молчат. Местный житель под узды ведет лошадь, на спине которой лежит раненый связист. Лошадь, чувствуя запах крови, фыркает и норовит скинуть незваного седока. Местный житель успокаивает лошадь. Рядом с Гумлянко плетется полный корреспондент с камерой. Он устал больше других.

94. Инт. Школа.

Спецназовцы прибывают в школу Метрады, их встретил Александров. Гумлянко ложится спать, практически не раздеваясь. Сил хватило только чтобы разуться. Гумлянко не видит и не слышит, как Александров докладывает Батину, что запись произведена и пленка доставлена в Метраду. Не слышит, как Батин ставит задачу рано утром доставить корреспондента с материалами на вертолетную площадку для отправки далее в Москву...

Гумлянко быстро засыпает.

ЗТМ

95. Инт. Утро. Квартира. Идет по ТВ Выпуск новостей.

Лариса дома с дочерью. Дочь зовет мать к телевизору. Показывают результаты спецоперации в Дагестане.

ДИКТОР:

Срочное сообщение: в Цумадинском районе Республики Дагестан завершено уничтожение бандформирования так называемого «бригадного генерала» армии Дудаева, дважды судимого за разбой, вице-премьера, министра обороны Ичкерии Руслана Гаджиева, который называл себя «Черным ангелом». Он известен также своими кровавыми преступлениями в Абхазии, в Чечне, в Грузии, в Ингушетии и в Дагестане. Всегда отличался крайней жестокостью, даже к своим соратникам. Гаджиев проходил подготовку в лагерях «Аль-Каиды», Исламского движения талибов в Афганистане и в Пакистане. С ним постоянно поддерживали связь представители иностранных спецслужб и террористических организаций. В течение последних десяти лет «Черный ангел» уходил от преследования.

Зачастую, когда его банду брали в кольцо, он, жертвуя своими людьми, уходил. Группа боевиков, ранее захватившая школу и больницу в Цумадинском районе Дагестана, уничтожена практически полностью, однако не исключено, что некоторые бандиты укрылись в расщелинах. Ряд мероприятий в районе, где была блокирована и уничтожена банда, прежде всего прочесывание местности, продолжаются, но можно сказать, что операция практически завершена. У нас есть эксклюзивные кадры с места боестолкновения армейского спецназа с бандгруппой Руслана Гаджиева.

Показываются кадры с места боя, на которых сидящий спиной к камере в белом маскировочном халате спецназовец, у которого не видно лица, листает документы уничтоженных бандитов, показывая их через левое плечо. На руке спецназовца мелькают два кольца. По кольцам Лариса узнала руки мужа...

Жена Лариса плачет.

ЛАРИСА:

Боже мой, это же Саша. Он так носит и никогда их не снимает. Марина, смотри, это же наш папа. Живой!

МАРИНА:

Мама, я же тебе говорила, что все будет хорошо.

Заставка (из архива): церемония награждения спецназовцев Президентом России В.В. Путиным от 06 января 2004 года (до 3 минут).

Голос за кадром:

«Так завершила свое существование одна из самых крупных и кровавых банд известного полевого командира Руслана Гелаева. Это была последняя крупная банда сепаратистов, после уничтожения которой, на территории Чеченской Республики остались действовать только мелкие разрозненные группки и одиночки, лишённые единого руководства и финансирования.

Министр обороны Российской Федерации Сергей Иванов доложил Президенту В.В. Путину о ликвидации боевиков. Глава государства подписал Указ о награждении участников операции государственными наградами. Военнослужащим специальных подразделений Министерства обороны Российской Федерации старшему лейтенанту Дергунову Алексею, рядовому Тасимову Азамату, военнослужащим Федеральной пограничной службы ФСБ России капитану Халикову Радиму, старшине Сулейманову Мухтару и старшему сержанту Курбанову Абдулхалику Указом Президента РФ присвоены звания Героев России (посмертно).

С ликвидацией «шайтанов», как говорит Президент Чеченской Республики Рамзан Кадыров, на этой земле наступит мир и народ построит процветающую республику в составе великой России».

Николай Николаевич Прокудин.

Прозаик, детский писатель, автор 20 книг для взрослых и детей. Родился 7 августа 1961 году в г. Ленинск-Кузнецком Кемеровской области. В Вооруженных Силах СССР-РФ с ноября 1979 года (оператор радио-минер МВО и ДальВО). Окончил Свердловское ВВПАУ в 1984 году.

Ветеран войны в Афганистане (1985-87 годы в составе рейдового батальона 180 мсп 108 мсд), награжден двумя орденами «Красная звезда», медалями. Военный пенсионер с 1998 года, майор запаса. Участник антипиратских операций против сомалийских и нигерийских пиратов с 2011 года и по настоящее время в Индийском и Атлантическом океанах (совершил 40 боевых походов, прошел 140 тысяч морских миль).

Член Союза писателей Санкт-Петербурга, председатель комиссии по военной литературе Союза российских писателей. Лауреат нескольких литературных премий. Проживает в г. Сертолово Ленинградской области.

Лауреат Всероссийского литературного конкурса имени генералиссимуса А.В.Суворова 2021 года.

ВЕРНУТЬСЯ ЖИВЫМ

Отрывки из романа

НЕСКОЛЬКО ВЫСТРЕЛОВ

Мой первый рейд на Афганской войне.

Вот уже десять минут как наша мотострелковая рота ползла по склону все выше и выше – первый подъем в горы.

– Как дела? Как самочувствие? – полюбопытствовал командир роты, догнав меня на склоне.

– Тяжеловато! Жарко! – промямлил я в ответ – особого желания болтать не было.

– Это все ерунда – разминка, – ухмыльнулся рыжий капитан. – А вот когда на три тысячи поползем, или тридцатикилометровый марш по хребтам, вот тут ты пожалеешь, что родился на свет божий. Тренируйся, привыкай.

Ротный дружески похлопал меня по спине.

Ротный взглянул в бинокль:

– Какой черт этих баб здесь носит? Куда бредут?

По ложине двигались два силуэта. Внезапно рядом хлестко щелкнул выстрел, и одна из фигур в парандже завалилась на бок и узел, который ханумка несла на голове, упал к ногам.

– Кто стрелял?! – заорал капитан. – Какая сволочь убила бабу?

– Я стрелял! – задорно крикнул тощий солдат, закидывая снайперскую винтовку за спину. – Неизвестно, может под этой паранджей не ханумка, а «душок» бородатый.

Это «отличился» наглый спецназовец, которого после госпиталя сослали в батальон.

Ротный подошел вплотную к снайперу, злобно пробуравил взглядом и резким ударом в челюсть сбил с ног.

– Без моего разрешения даже не дыши – еще один такой выстрел, и ты труп! За эту бабу местные нам могут крепко навалить!

Капитан равнодушно переступил через упавшего бойца.

– Пожалуйся – пойдешь под трибунал за бесчинство к местному населению. Боец, заткни пасть, вытри с физиономии кровь, сопли, и веселее шагай в гору.

Превозмогая усталость, я догнал ушедшего вперед командира: пот стекал ручейками по лицу и спине, ноги вверх идти не хотели. Ротный шагал весело – даже что-то насвистывал.

– Товарищ капитан! Может, не надо было ему морду разбивать? Пожалуйся в партком или замполиту – греха не оберемся!

– Никифор! Прекрати официальность, я для тебя просто Иван. Ты просто еще не понял, какая сволочь к нам в роту попала. Хладнокровный убийца! Почему после госпиталя его в спецназ не забрали? Сослали! Надо и нам от него избавиться...

Не прошло и часа, как рота выбралась на небольшое плато. Командир роты распределил взвода по трем точкам. Солдаты бодро и дружно взялись строить из камней что-то несурзное.

– Командир, а что они такое городят?

– Это эСПээС называется – стрелковое противопульное и противоосколочное сооружение: в них будем спать – наше укрытие, а если случится нападение – из них отбиваться. В горах окопы не роют...

– Понятно! А я голову ломал, как мы будем обороняться!

– Как говорится, учись, студент, пока ветераны живы! – хмыкнул Иван, сладко позевывая и потягиваясь.

Почти весь день ушел на строительство – вокруг на многие километры других наших подразделений нет. Было жутковато, а голова пухла от вопросов: как быть с охраной? как будем спать? как будет организовано дежурство? А если все заснут и нас перережут во сне? Почему ротный не отдает приказы? Преодолев смущение – спросил.

Капитан заулыбался:

– Бывалые сержанты все знают и без меня – чего воздух сотрясать? Сейчас распределяют солдат по постам. Охранение трехсменное и круглосуточное! А мы, то есть ты и взводные, ночью будете часовых проверять, чтоб не храпели и охраняли мой сон заменщика!

– Понятно...

– А раз понятно, давай приступим к обеду, а заодно и отужинаем!

– Да я еще и не открывал сухпай.

– Всему тебя предстоит научить! Отдай зам. комвзвода свои банки в общий котел – все приготовят и позовут. Эй, санинструктор, чай готов? – громко рявкнул капитан.

– Чай, опять чай, – проворчал сержант. – Я шо, кашевар? Наверное, узбеки уже усэ сварили.

– Уточни! А не то сам будешь кипятить! Ты почему не беспокоишься о здоровье командира-заменщика?

Ворча под нос, санинструктор ушел к костру, разведенному за высокой грудой камней и, вскоре чертыхаясь, воротился с двумя кружками.

– Чай подан! – произнес медик с достоинством и высокомерием бывшего официанта ресторана «Метрополь». – Сейчас подоспеет каша.

Прихлебывая чай из железной кружки, я невольно загрустил – нахлынули мысли о двух годах с бесконечными тяжелыми маршами по горам. Не такой я представлял современную войну.

– Кто-то идэ к нам, но не понятно як! – доложил сержант Дубино.

– Как это «не понятно как»? – переспросил ротный. – Выражайся яснее!

– А так! Сами посмотрите...

В распадок между двумя склонами входила отара овец, а по склону в сторону наших позиций, опираясь на костыль и палку, спешил одноногий парнишка. Пастушок поднимался ловко и быстро и вскоре оказался рядом. Остановился чуть ниже и что-то прокричал.

– Просит не стрелять, – перевел пулеметчик-таджик Зибоев.

– Скажи, пусть хромает сюда, не тронем. Бойцы, живо по СПСам и не торчат столбами, чтоб не сосчитал. А ты Зибоев, стой рядом, будешь переводить!

Через пару минут мальчишка выбрался на вершину. Я испытал шок и таращил глаза на мальчишку – настоящая жертва войны: правая нога ниже колена отсутствовала. Дикое и ненормальное зрелище – одна из невинных жертв этой военной «мясорубки»!

Безногий пастушок – совсем еще ребенок, лет одиннадцати-двенадцати. Но как ловко передвигается по горам – видимо уже привык!

Черный лицом от загара и грязи мальчишка замер, опираясь на самодельные костыли. Заскорузлые совсем не детские руки в цыпках и царапках от повседневной тяжелой работы. Глаза острые, смысленные и хитрые. Из одежды серая длинная рубаха без карманов, во многих местах штопанная, такие же штопаные шаровары, на голове шапочка - паколь. Все одеяние грязное и убогое. От мальчишки исходил крепкий дух: смесь овчины, мочи и навоза.

Сверкая белыми зубами, пацаненок начал что-то быстро-быстро рассказывать.

– Говорит, он из кишлака – того что рядом у дороги: просит больше не стрелять и овец не убивать, – перевел солдат-таджик.

Капитан заверил мальчика, что все будет нормально:

– Стрельбы не будет, если нас ночью не будут долбить.

– А зачем ханумку убили? – перевел следующий вопрос Зибоев.

Ротный со злостью взглянул в сторону снайпера и простодушно ответил:

– Боец, переведи: был случайный выстрел, не разглядели, ошиблись, показалось, что душман убегает. Нечаянно. Так и передай старикам-аксакалам, наши извинения. Но если кто-то захочет отомстить, разнесем весь кишлак. А сейчас приглашаю быть нашим гостем – чай пить.

Солдаты выделили банку с кипятком, заварку, кусок сухаря, сахар. Мальчишка ловко уселся на землю, внимательно огляделся по сторонам. Взялся за банку грязными руками, подул на кипяток, разгрыз кусок сахара.

– Что случилось? Ногу «шурави» отстрелили? Ты душман? – пошутил санинструктор. – Хочешь, новую пришью? Я – медик!

Мальчишка засмеялся грубоватой шутке и начал что-то быстро лопотать переводчику.

– На мину наступил три года назад. Говорит, уже привык, обойдется без пришивания ноги! – перевел Зибоев.

– А почему в школу не ходишь? – вступил я в разговор.

– Какая школа? Я зарабатываю себе на жизнь – пасу овец...

– Совсем не учился?

– Всего год. Научился читать, писать, считать. Отец сказал – хватит.

Паренек встал на здоровую ногу, подхватил с земли костыли:

– Спасибо за чай...

Пацан по-взрослому пожал нам руки, попрощался и заторопился к отаре и взрослому пастуху.

– Парламентер, твою мать! Чертенюк! Все обсмотрел, сосчитал, если «духи» рядом – будут все про нас знать, – подвел итоги переговоров капитан Кавун. – Эй, Стёпа, созови ко мне на совет офицеров.

Взводные быстро собрались.

– Охранение на ночь усилить! – принялся ставить задачи капитан. – Офицерам спать по очереди и проверять посты. Пастухи – это явно «духовская» разведка. Связистам не дремать, быть постоянно на приеме! Поставить растяжки из сигналок и гранат, но подальше от укрытий, не дай Бог свои, засранцы, подорвутся. Да ставить растяжки, как стемнеет – чтоб из кишлака не видно было, сколько и где.

Вечерело. Солнце ползло за горный хребет – на душе было беспокойно, мутрно.

Едва солнце свалилось за вершину горы, как природа задышала: сразу подул легкий свежий ветерок, трава ожила и словно задышала, послышалось стрекотание сверчков, чирикание пташек.

Лежа на спине, я смотрел в черное-черное небо – сон не шел. Было неудобно: как можно спокойно спать на войне? Внизу «духовский» кишлак, возможно где-то в окрестностях бродит крупная банда мятежников-душманов, а мы тут спокойно дрыхнем, выставив лишь небольшое охранение. А вдруг снимут часовых и перережут всех как баранов.

Ветерок обдувал лицо, и после дневного зноя легко дышалось прохладным воздухом, и только камушки кололи спину сквозь спальный мешок и одежду, да автомат и магазины упирались в бок – непривычный походный быт. Пытался зажмуриться, но глаза сами собой открывались. Великолепное низкое небо: звезды необыкновенно яркие и близкие – возникало ощущение полета. Не уснуть! Не поворочаешься – наши тела спрессованы малым пространством укрытия. Растегнул молнию на спальном мешке и осторожно вылез, стараясь не мешать сопящим соседям.

Натянул кроссовки, взял автомат и пошел в обход постов. Все три ближайших поста на высоте, где расположилось управление, меня предусмотрительно окликнули:

– Стой, кто идет?!

Почти никто из солдат еще не спали – бодрствовали не только часовые.

Будильник электронных часов запиликал в разгар приятного сновидения. Нехотя открыл глаза: досадно – так хорошо спалось! Небо еще темное, но на востоке уже едва-едва намечался рассвет. Одежда пронизана сыростью выпавшей росы, а ветерок, который вечером доставлял удовольствие, теперь вызывал дрожь в теле и дискомфорт.

Солдат-связист ответил в полудреме, мол, все нормально и спокойно. Бойцы на постах тряслись от прохлады и сырости, а молодые солдаты вдобавок от страха.

В низине видимость почти ноль, сколько я не вглядывался – густой туман полностью накрыл ущелье. Затянулся бы сигаретой – но не курю. Вместо этого попил водички, съел конфету, пожевал галету. Чтобы занять чем-нибудь мозг, пересчитал дни, проведенные в этой дикой стране – пока меньше месяца.

После завтрака ротный собрал офицеров:

– Солдат нужно занять строительством ячеек для стрельбы лежа, и возвести дополнительные СПСы для круговой обороны. Пусть трудятся чтобы не маялись дурью! И по очереди чистить оружие...

Я отправился по взводам: пообщался со взводными, поговорил с молодыми солдатами, которые откровенно боялись всего на этой непонятной войне и сильно устали морально и физически.

Из дальнего укрытия окликнул заместитель ротного старший лейтенант Грошиков.

– Заходи в гости!

Сели пить чай.

– Сергей! А где и как тебя контузило?

– Ай... старая история, – старлей небрежно махнул рукой. – Дело было в Панджшере в прошлом году: поднимались на вершину, камушек из-под моей ноги неудачно выскользнул. Лечу по гладкой отвесной стене вниз головой, и лицом в небо. Раскинул руки в стороны как распятый Иисус. Пятками и ногтями пытаюсь тормозить – метров тридцать скользил к пропасти, пока голова на какой-то валун не наткнулась. Вырубился! Как меня нашли – не помню. Говорят, когда меня примерно через полчаса вытащили и вкололи промедол (обезболивающего), чуть очухался – ржу как идиот. Меня буквально перевернуло, я ведь на голове долго простоял. Руки не работают, ноги не идут, голова «не варит», одежда в крови и морда разбита. Вертушкой вывезли в Кабул, оттуда в Ташкент. Оказалось, много повреждений: сотрясение мозга, трещина черепа, компрессионный перелом позвоночника, хорошо, что без смещений. Однако дубовая голова все выдержала! – и Сергей раскатисто засмеялся.

К укрытию подбежал чумазый солдат с радиостанцией:

– Товарищ старший лейтенант! Вас командир роты!

– Второй слушает!

– Внизу родник, можешь сходить за водой, попить, умыться. Только прикрытие организуй!

– Понял, командир. Выдвигаюсь.

– Ник, за водой пойдешь? Хочешь умыться?

Грошикову явно хотелось, чтобы я составил компанию.

– Конечно! А потом от родника вернусь к ротному.

Три бойца собрали фляжки и, оставив для прикрытия пулеметчика на ближайшей вершинке, мы спустились к роднику.

Бойцы торопливо наполняли фляжки, умывались, и мы с Грошиковым присоединились к ним. Внезапно, глупо и нагло улыбаясь, старлей заявил:

– Не люблю я вас, замполитов! Хочешь, тебя грохну?

Я догадался, что это его очередная идиотская шутка, и поддержал игру:

– Стреляй, ты же контуженный на голову! – ответил я как можно равнодушной.

Грошиков отсоединил магазин и медленно направил на меня ствол автомата.

– Испытание замполита на пуленепробиваемость!

Мне стало слегка не по себе:

– Хватит дурить!

Внезапно глупо ухмыляясь, Сергей нажал на спусковой крючок – вместо глухого щелчка раздался громкий выстрел. Грошиков посерел, затем позеленел, руки задрожали, и он выронил автомат в ручей.

– Я ж-ж-жив? – выдавил я жужжа.

– Прости болвана! Я идиот! И как получилось, что патрон оказался в патроннике! О, я безмозглый! – старший лейтенант что есть силы врезал себе по лбу кулаком-кувалдой. – Брат, прости!

– Да пош-ш-шел т-ты...

– Хорошо я взял чуток выше плеча! Ну, я дурак! – старший лейтенант был шокирован, впрочем, как и я.

– Видел дураков, но ты самый отъявленный!

– И как я не попал?! О, Боже!

– Переживаешь или жалеешь, что промазал? – я искренне возмущен, понемногу отходя от шока.

Мои руки и ноги невольно подергивались мелкой дрожью, сердце стучало, как молот.

Ошалелые бойцы таращились на нас. Вокруг стояла кладбищенская тишина, и лишь неподалеку еле журчал ручей. Пауза затянулась.

– Ротный! – боец-связист протянул Грошикову наушник. Дрожащими пальцами Сергей взял радиостанцию.

– Второй на приеме!

Выслушал и проямлил:

– У нас все нормально, поднимаемся!

– Что сказал Кавун? – переспросил я.

– Велел возвращаться через КП роты.

Нагрузив флягами мешки, солдаты медленно побрели вверх по склону.

– Никифор, прости меня, дурака. Хотел пошутить, но так глупо получилось! – Серега обнял меня за плечи, и крепко сжал руку возле запястья: – Простишь? С меня по возвращению накрытый стол...

– Да пошел ты, дурак!..

– Ага! Прощаешь? – обрадовался Грошиков. – Не дуйся, как будто тебя каждый день расстреливают! Это же событие! Забыли?

– Отвали...

На вершине горки стоял ротный – лицо было злющим.

– Что это было?

– Нечаянно чуть замполита не убил! – чистосердечно признался Грошиков. – Патрон в патроннике оказался... Глупо получилось...

– Все мозги через дырку в башке вытекли? Ничего не осталось?

– Я уже повинился и прощения попросил! Признаю – глупо пошутил...

– На редкость не умно. В полку между следующими рейдами все караулы твои – чтоб дурь в башке не кипела...

– Слушаюсь! – козырнул Сергей и заметно сутулясь, побрел на позицию.

Ротный взглянул на меня и покачал головой:

– Ну и офицеры! Э-эх! Одни зеленые мальчишки, да круглые идиоты! И этот заместитель – большая фигура, да дура! Вымахал под два метра, а ума не нажил. Надеюсь, он все понял.

– Пока до него дойдет, как до жирафа...

– Как самочувствие, вояка? Штаны сухие?

– Да ничего, терпимо, могло быть и хуже...

– Могло. И списали бы на духовского снайпера. Рассказывай, что было...

– Что говорить? Нелепость, глупая шутка. Прямо идиотизм какой-то! В первом рейде мог погибнуть от пули своего же придурка...

– Вот-вот! Кстати, убивают, как правило, в основном новичков в самые первые дни, да заменчиков в последние месяцы. А также гибнут часто перед отпуском и после отпуска, и перед заменой. Отсутствует концентрация – о доме думают. Сейчас мы с тобой в равном положении: и ты, и я находимся в периоде повышенной убиваемости. Статистика! Да вот только у меня большое преимущество: я об этой войне знаю почти все! Когда пригнуться, где упасть, куда наступить, да и мне всего-то месяц-другой остался! А тебе еще ого-го..., и кто знает, что тебе предстоит! Эх, послужишь с мое...

– А что было у тебя, самое жуткое на войне?

– Самое... Э-э... Я тогда был командиром девятой роты третьего батальона и стоял на заставе на Джелалабадской дороге. В зону нашей ответственности дополнительно ввели батальон спецназа из Союза: удали, самодовольства, самоуверенности много, а мозгов и опыта мало. Как-то раз две роты вошли в ущелье, а поверху пустили лишь взвод. Душманы тот взвод перебили за полчаса, а затем взяли за передовую роту. Моя рота охранения к

бойне была самой ближней: я примчался на трех БМП, но пробиться в ущелье не получилось – дороги нет. Вскоре к нам выбрались несколько раненых бойцов: закрепились, заняли круговую оборону, а потом на выручку подоспела еще рота спецназа и рейдовый батальон нашего полка и вертушки с воздуха поддержали.

Вошли в ущелье и нас сразу накрыли огнем – прижали. Добраться до места бойни смогли только на следующий день: трупы почти трое суток вытаскивали под непрерывным огнем. Большая часть раненых не выжили – умерли. После того боя я первые седые волосы в рыжей шевелюре обнаружил.

Капитан чуть помолчал и продолжил:

– Мертвых выносить замучались: все ползком! Столько крови никогда больше не видел, и надеюсь, не увижу! А Грошиков только хорохорится и бравировует, а опыта почти никакого. Из полутора лет войны – девять месяцев болтался по госпиталям да отпускам. И взводные такие же новички, как и ты. Держись меня: учись, запоминай, набирайся опыта. Старайся выжить!

– Иван, ты нас пацанами называешь, а самому-то сколько лет?

– Двадцать семь.

– А мне двадцать четыре!

– Но у меня два года войны – каждый идет в зачет за три!

Целую неделю мы охраняли дорогу под горой: по шоссе время от времени проходили колонны машин и боевой техники на большой скорости. И день за днем перед глазами одна и та же не оптимистичная картина: на трассе ржавело несколько остовов обгоревших автомашин и БТР – результаты засад мятежников.

Рейд завершился. Мы получили приказ сниматься с позиции, оставив заставу из десяти человек с тяжелым оружием: АГС и миномет. Оборудовать заставу выпало Грошикову с усиленным взводом, а остальная рота уходила к дороге.

В три ночи попрощались, а Сергей проводил меня напутствием:

– Никифор! Обещаю, что после моего неудачного выстрела жить будешь очень долго!

И потихонечку заржал.

Кавун крепкими матерками подгонял бойцов.

Впереди метрах в пятидесяти шло охранение, затем почти беззвучно двигались остальные. Спустились к дороге, залегли, замерли. Внезапно со стороны окраины кишлака прозвучал одиночный выстрел, и трассирующая пуля недалеко от меня с визгом отрикошетила от асфальта – улетела в темноту. Затем ночное небо рассекла длинная очередь – пули просвистели поверх залегшей на обочине роты. До нас донесся чей-то гортанный крик.

Капитан передал по живой цепочке свистящим шепотом:

– Не стрелять, в бой не ввязываться! Лежать тихо!

Цепь зашептала, зашелестела, дублируя команду:

– Не стрелять... Не стрелять...

– Лучше не связываться. Кто их знает, сколько тут «духов»! А может, это «царандой»? Обойдемся без перестрелки, – прошептал Иван.

Стелясь по земле, словно призраки, рота поползала дальше от кишлака. А действительно, сколько «духов» может оказаться поблизости? Вероятно, капитан был прав, не вступая в бой...

Вскоре на шоссе послышался шум приближающейся бронетехники. Наконец из темноты из-за поворота вырвались яркие огни фар. Пехота за пару минут загрузились на БМПшки и машины умчались прочь – как будто нас здесь никогда и не было...

ЛУЧШЕ НЕТ КРАСОТЫ...

Четыре часа непрерывного изнурительного марша и ротный наконец-то «протрубил» привал. Осталась меньшая часть пути, но, никто не обольщался: впереди трудный подъем. Возвышающаяся над нами ледяная вершина была уже как на ладони. Я уже замучился толкать и подгонять «умирающий» арьергард роты – в основном это была необстрелянная молодежь. С удовольствием сменил бы идущего в голове колонны командира первого взвода. Благо идем без минометчиков. А не то мне и мины пришлось бы тащить за умирающих: почему-то наш миномет комбат отдал разведчикам.

Пока осенняя погода баловала: легкий ветерок, тучки – не жарко.

Привал. Отошел метров на пятнадцать в сторону от толпы к обрыву – облегчить мочевой пузырь. Как у нас говорят: лучше нет красоты, чем пописать с высоты...

Встал на край, глянул вниз... и резко отпрыгнул назад. Опустился на колени, прилег, осторожно подполз обратно к краю. Далеко внизу вдоль русла полувысохшей реки, текла другая живая река: люди, коровы, лошади, козы, овцы. Население уходит из тех мест, куда мы идем. Посмотрел в бинокль – в толпе много вооруженных.

Помчался к ротному:

– Иван! Там «духи» по ущелью уходят!

– Как ты заметил духов?

– Да, чуть не поссал на них...

– Забавно. Но молодец! Рота, слушай мою команду! – резко скомандовал капитан. – За мной к обрыву!

Залегли на краю пропасти – духи нас пока не заметили.

Ротный взглянул в бинокль. Мстительно улыбнулся и отдал приказ:

– Передать по цепи! Огонь по моей команде! По два магазина! Затем бросить в ущелье по одной гранате РГО. Снайперам выбрать достойные мишени. Повеселимся!

– Вроде там много мирных жителей?.. – с сомнением в голосе произнес я, не желая нарушать законы войны.

– А мы их не тронем! – ухмыльнулся капитан, – стреляй только по вооруженным. Мы вчера с утра тоже были очень мирные и никого не трогали... А скольких бойцов духи убили!

– То ж был бой...

– И сейчас будет бой. Огонь!!!

Бух! Тра-та-та-та-та! Бабах!

Рота полыхнула дружным автоматным и пулеметным огнем.

Ах-ах-ах! – отозвалось эхом ущелье.

Расстрел неорганизованной толпы продолжался минут пять. Вначале внизу народ бросился врассыпную, часть мятежников попадала ранеными и убитыми. Паника. Но вскоре уцелевшие начали стрелять в ответ.

– Прекратить огонь! Уходим! – скомандовал капитан. Злые огоньки удовлетворенной мести плясали в его глазах. – Это им месть за вчерашнее! Бегом на задачу! Не задерживаться – вперед! Живее на гору!

В последний раз я взглянул вниз: открылась жуткая картина: трупы, раненые, вопли, стоны, и редкий ответный запоздалый огонь. На этот раз не повезло «духам».

Ротный радостно потирал руки:

– Замполит, ты – молодец! Шикарно на «духов» пописал – в нужном месте пустил струю. Сейчас доложу, причину стрельбы, пока комбат не визжит...

После коротких переговоров по связи капитан вновь разорался:

– Что рты раззявили? Комбат бесится, что мы еще не на задаче! Первый взвод не задерживаться, шустрее! Бегом, вперед!..

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Новый год – любимый и долгожданный праздник! А мы опять в рейде...

Рота поднималась выше, а снег становился все глубже. Командир роты отправил меня на самый верх «задачи». Холод собачий! Какие банды «бородатых» осмелятся бродить в такую погоду по горам? Чтобы замерзнуть?!

Разбили лагерь, вырыли в снегу лежанки, обложив их камнями. Три круглосуточных поста: у одного поста – я, а у двух других сержанты.

Мокрый снег, ветер, вокруг ни черта не видно. Холодно, морозно. Бр-р.

Сутки прошли в наблюдении. И в дрожи на ветру. Одежда, обувь, нательное белье сырые. Днем поступил новый приказ: сидеть на задачах, затаиться и никуда не двигаться.

А двигаться и не хочется в такой собачий холод! Мы же не психи лазить по горным вершинам. Весь день пролежал на снегу, глядя в небо, и понемногу застывал. В небесах – сумрачно, по сторонам – белым-бело. В долине стоит многочисленная броня, тысячи людей суетятся, жаркие костры горят – внизу гораздо теплее и веселее. Какая-то черная комедия: центр Азии, где люди обычно от жары и жажды умирают, а мы от холода дубеем. Парадокс! Для замерзания существует Сибирь и крайний север!

К ночи похолодало еще сильнее. Один плюс – тучи ветром разогнало: мириады звезд на огромном небосводе еще больше подчеркивали ничтожность и быстротечность существования человека, тем более на войне. Время к полуночи. В тылах народ активизировался: костры загорелись ярче, люди-человеки быстрее замельтешили у техники. Из долины слышались звуки радио через «колокол» клубной машины, и вдруг ударили Кремлевские куранты!

К звездам понеслись пулеметные и автоматные трассы, а артиллеристы повесили «люстры» – осветительные снаряды и мины: кто-то выстрелил из орудия, кто-то бахнул из БМП, и холодное ночное небо ярко озарилось светом тысяч ракет. В горах, над нашими задачами, где расположились другие роты, тоже началась стрельба. Я дал от избытка чувств в небо длинную очередь, выпустив целый магазин. И мои солдаты дружно салютовали очередями в ночное небо. Таджик-пулеметчик, громко матерясь, расписался по черной бездне трассирующими пулями.

Бойцы кричали ура и подбрасывали шапки.

По связи с брони вышел комбат и принялся ругать нас за беспорядочную и беспричинную стрельбу, хотя только что именно с его командного пункта тоже палили. Ему в «кунге» хорошо: коньяк, шашлык, игра в карты, а тут одна радость – трассеры пускать.

Над Баграмом и Кабулом небо также в огнях. Бойцы в горах стрелять закончили быстро – патроны сэкономили, а внизу успокоились не скоро.

Я лег в спальник, продырявил баночку с соком и выпил за наступивший Новый год. Романтика блин...

Далее началась ночь кошмара: лег одетым в спальный мешок, постелив бушлат под себя, чтоб не примерзнуть к ткани спальника. Проклятый холод! Тело било дрожью ночь напролет. Минутное забытие и снова пробуждение – как в бреду.

Время от времени окрикивал: «часовой!»

Бойцы с постов тебе отвечали: я, я, я!!!

Но если ответа не было, приходилось, преодолевая лень и холод, надевать полусапожки, выбираться из мешка, идти на пост и пинать заснувшего бойца: рычать ему в лицо, стучать по башке, натирать снегом сонную и грязную от сажи и копоти физиономию, грубо материть.

Возвращаться на лежбище еще противнее: разуваться, снимать бушлат, застегивать спальник, пытаться принять удобную позу, чтобы в спину впивалось как можно меньше камней.

Среди ночи новый приказ – усилить охранение.

Выставил еще один пост.

Утром все бойцы разбиты и измучены. С восходом яркого солнца начался отдых и альпийский курорт. Завтрак, а затем сон с громким храпом усталых бойцов. Конечно, за исключением часовых на постах.

Вечером спускаемся вниз на броню – рейд обратно к «зеленке». Зачем мотострелков и десантуру загнали под Новый год в горы из кишлаков? Поиздеваться? А, может, спасли от потерь?

С боем возвращаемся в кишлак на недавно оставленные посты. Проверили – мин нет. Осматривая развалины, заметили четверых «духов» – постреляли друг в друга. Враги убежали, унося раненого, словно растворились в винограднике: кровь на тропе тонкой дорожкой уходила в глубокий кяриз. Приказал всюду поставить побольше растяжек – ночью сработали две.

Бах-бах!!! Утром на тропе находим капли запекшейся крови. «Бородатые» вылезали из кяризов?

Мимо позиций прошли автомашины под конвоем бронегруппы – доставили продукты, боеприпасы, вывезли дембелей из «зеленки» и завозят молодежь – бедняги будут сидеть в этой дыре два года, не высывая носа. Если «повезет» и заболеют гепатитом – побывают на «большой земле» в госпитале...

ОХОТА НА ЕЖЕЙ

Предстоящая неделя не предвещала легкой жизни: бойцов не хватало, среди оставшихся многие в госпиталях – болели. Бывалые сержанты и солдаты отслужили и уехали в Союз, а на замену прибыла необстрелянная молодежь: толком не обученная войне в горах и боям в «зеленке».

Батальон вошел в кишлак и сразу три мины разорвались за арыком среди толпы зевак-аборигенов и возле наших тыловых машин. Какие-то шустрые и любопытные мальчуганы-бачата схлопотали осколки – один тяжело ранен в живот.

Полковые медики бросились на помощь, но рана у пацана оказалась смертельной, а двух других бачат на «санитарке» отвезли оперировать в госпиталь.

Комбат скомандовал: срочно вступать в кишлак – зачищать развалины. Рассредоточились, машины вышли из зоны минометного обстрела. Пушки и пулеметы строчили по сторонам, бронетехника с лязгом пробиралась все дальше.

Я бежал вместе с бойцами вдоль высокого дувала, прикрываясь бортом БМП. В ушах стоял сплошной гул, в горле пересохло, к маскировочному халату налипли острые комочки. Расстрелял три магазина, пока добрался до долгожданной заставы.

Два взвода заняли оборону на подступах к заставе, а я присоединился к третьему взводу Марасканова, и мы двинулись дальше, вглубь кишлака. Постреляв для остротки из пушек и пулеметов, по виноградникам и развалинам – заняли круговую оборону между двух высоких дувалов.

Позиция ненадежная: сзади недружественный кишлак, впереди канал, за которым мятежников как блох на бродячей собаке. На флангах густые сады и руины.

Мы в самом центре «черной дыры» под названием Баграмская долина. Сюда можно ввести дополнительно целую армию, посадить по взводу в каждый дом, но полного контроля не добьешься.

А как контролировать аборигенов? Днем они мирно пашущие крестьянине-дехкане с мотыгами и кирками, а ночью достают автоматы, пулеметы, гранатометы – и уже «моджахеды». Собираются в банду и бьют по заставе из зарослей виноградника.

Первым делом, войдя в кишлак, рота задымила кяризы дымовыми гранатами, шашками и минами – чтобы «духи» не вылезли снизу и не ударили в спину. В кяризах могут укрыться и мирные жители, но мы об этом стараемся не думать. Столбы густого едкого дыма поднимаются из всех дворов, из виноградников и садов. Если кто-то укрылся внизу – далеко живым не уйти. Задохнется.

Кяризы – это разветвленная сеть колодцев, которая тянется по всей «зеленке»: через каждые тридцать-сорок метров глубокий колодец и ходы сообщений между ними. Эта сеть орошения посредством кяризы создана вроде бы еще со времен Александра Македонского, а то и раньше. Глубина колодца зависит от глубины залегания грунтовых вод. Порой глянешь вниз, а там метров двадцать и даже больше! Говорят, колодцы роют мальчишки примерно лет десяти: кто-то копает, кто-то ведра с грунтом вытягивает наверх. Вода иссякает – роют новый и затем соединяют его тоннелями с соседними. Никакого счастливого детства в нашем понимании...

А лет в двенадцать отец дает сыну оружие, и он становится членом отряда самообороны – банды.

В основном афганские мальчишки в школе учатся год-два: учатся читать, писать и считать, а девочки и того меньше, а кто-то вообще в школу не ходит. Лет в десять надевают на малышку паранджу и начинают продавать как товар – замуж: на коров меняют, на овец, на верблюдов или продают за деньги. Маленькая женщина — это товар!

А у кого нет денег – идут грабить. Собирается вооруженная банда женихов и в поход за невестами. Невест никто даром не отдаст, поэтому захватывать их приходится силой. А

тут уж кому повезет: кто-то невесту захватит, а кому-то не повезет – ранят или убьют. И в кишлаке одновременно два мероприятия: у кого-то свадьба, а у кого-то похороны.

Наш сектор обороны – четыре стены вокруг небольшого сада, завалившийся сарай, неглубокий арык. Обживаемся.

С криком «кия!», взводный толкает стенку в прыжке – неловко приземляется. Часть стены завалилась, а Марасканов подворачивает левую ногу. Ступня распухает на глазах.

– Воевать еще толком не приступили, а уже несем небоевые потери, – ухмыльнулся я. – На кой черт тебе сдалась та стена? Даже не знаю докладывать ли о тяжелой травме, полученной офицером роты – нарушение мер безопасности.

– Морда ты неблагодарная, – обиделся Игорь. – Я тебя укрывал от холода в своем спальном мешке, отдавал последний сухарь.

Я вновь ухмыльнулся:

– Не того в горах прикормил.

– Прикажу Якубову, чтоб больше не кормил.

– Эй, Гурбон! – окликнул я солдата. – Командиру взвода до замены месяц, а мне чуть больше года! Будешь ты кормить меня или нет?

– Трудная задача, – расплылся в широкой улыбке сержант. – Приказ – закон! Но и если вы умрете от голода, тоже ничего хорошего. Буду кормить тайком, но самым вкусным...

– Эх, Гурбон! Этих замполитов отстреливать нужно, а ты ему самое лучшее обещаешь.

– Зачем отстреливать? Лейтенант Ростовцев очень хороший человек, пулемет помогал нести в горах, когда я обессилил. По душам разговаривает, к медали представил, значком наградил, в гости собирается приехать после войны. И в партию обещал принять.

– Вот видишь, Игорь! Не уморить меня голодом.

– За значок проданся?

– Не проданся, а сагитирован!

– Из «басмачей» коммунистов лепишь? Зачем тебе в партию, Гурбон?

– Как зачем? Папы богатого у меня нет, калыма не собрать. Вернусь домой с медалью или орденом, да еще партийным, очень быстро директором ресторана стану! – заулыбался боец.

Ночи стояли теплые и тихие. В десанте спать душно, и я лег под яблоней, разглядывая свои любимые звезды. В темноте кто-то пробежал возле ног, шурша прошлогодней опавшей листвой. Затем неизвестный любопытный зверь осторожно подкрался к моему лицу, громко фыркая и принюхиваясь.

– Кыш, брысь, зараза! – заорал я испуганно, взмахнув руками. Дрема мгновенно улетучилась.

Существо испуганно метнулось в сторону, за ним побежал рядовой Витька Свекольников.

– Что случилось? – всполошился Игорь, высовываясь из десантного отделения. – Никифор, чего орешь?

– Ужас! Привидится же такое! Только задремал, как перед глазами возникла отвратительнейшая рожа. Черт какой-то! Большие уши, длинный нос, глазища черными пуговками. Обнюхал. Я подумал укусит...

– У тебя, наверное, «крыша поехала». Скажешь тоже, черт! Наверное, крыса хотела поужинать кусочком твоего длинного носа.

– Сам ты длинноносый!

Тем временем Витька метался по кустам, с громким треском ломая ветки.

– Поймал, поймал! – заорал радостно солдат.

– Витька, на кой хрен нам крыса? Шашлык из нее делать? – поинтересовался взводный. – Это даже не собака и не кот, а мы не корейцы.

- Это не крыса – ежик!
- Какой ещё ежик? – не поверил я. – Я, что ежей никогда не видал?! У этого зверя длинный нос!
- Это пустынный ежик. Я таких дома видел.
В солдатской панаме лежал колючий комок.
- Гляди-ка, какой большой! – восхитился я. – А ну, Витек, выпусти его в коробку из-под сухих пайков.
- Попался, чертенок! – млел Витька.
Зверек полежал минут пять, осмелел, начал разворачиваться из клубка, затем встал на ножки, которые действительно оказались довольно длинными. Чудной! Большие уши, длинный нос, тонкий крысиный хвост – пародия на ежа!
- Как в анекдоте про верблюда: «Это кто так лошадь излупил и изуродовал?»
- Свекольников, зачем он тебе? Выпусти! – простонал, потирая распухшую ногу, взводный.
- Пусть в казарме крыс и мышей ловит. Хор-ро-ший! Е-е-ежик! – произнес восторженно солдат, протягивая зверьку кусочек сахара. Однако пустынный сразу свернулся и угрожающе зашипел.
- Игорь усмехнулся:
- Ты к нему со всей душой, а он... Не понимает. Дикий, неукротенный. Дрессируй! Клоун у нас в роте есть, теперь еще будет укротитель ежей. Цирк «Шапито»!
- Ночью зверек бегал по коробке и пытался найти выход. Чавкал, пережевывая кусочки мяса и каши, сопел, тяжело и грустно вздыхал.
- А следующим вечером неугомонный Витька, ползая на брюхе в кустарнике, опять поймал ежика, но другого вида: с нормальными носом и ушками, короткими ножками и без длинного хвоста.
- Витька, ты собрался всех ежей Афганистана переловить? – поинтересовался Игорь.
- Прикормлю. Они хорошие, интересные.
- Ежелов! Ты, главное, связь не прости с командиром роты. А не то я этих ежей тебе в задницу засуну! – пригрозил взводный.
- Тяжело вздыхая, Свекольников поправил на оттопыренном ухе наушник радиостанции и продолжил наблюдать за зверьками. Вскоре боец наполнил коробку листьями, травой, набросал сухих груш, вишен и айвы.
- Старший лейтенант всплеснул руками и пробормотал:
- Витька, ты бы лучше так заботился о больном командире: ни айвы нарвать не могу, ни к костру лишней раз сходить чаю попить – нога жутко ноет. Угощенья только ежам. Уволю из связистов и отправлю часовым в узбекское отделение.
- Не надо! Я буду заботиться. Я и так беспокоюсь о вашем здоровье.
- Интересно в чем это выражается?
- Переживаю...
- Переживаешь, это уже хорошо. А то дам пулемет Якубова в горы носить. Тот хоть и «тормоз», но про чай никогда не забудет. Намек понял?
- Отчего же не понять...
- Солдат сорвался с места, затрусил в сторону костра и вскоре вернулся с двумя глубокими мисками, до краев наполненными пловом и голубцами в виноградных листьях.
- Кушайте на здоровье, товарищи офицеры!
- Молодец! Ладно, оставайся при радиостанции, но не расслабляйся... – амнистировал солдата Марасканов.
- Голубцы были замечательными, но по поводу качества плова Игорь высказал ряд замечаний:
- Рис перетомили, не хватает морковки, довольно суховат.

– Не придирайся. Жуи и радуйся, что это не прогоркляя перловка из сухого пайка.

После захода солнца Витька поставил коробку с ежами в левый десант БМП, предварительно поинтересовавшись свободно ли место?

– Нет, Свекольников, не лягу. Под деревом свежий воздух и ветерок, небо звездное. А там бронированная жестянка. Пахнет соляжкой и мазутом, пороховой гари, да вонь от портянок Кобылина.

– А чего это воняет именно от моих портянок? – обиделся механик-водитель. – Может, это портянки Свекольникова?

– Да нет, дорогой, это твои портянки. Такой специфический запах не спутать ни с чем другим во взводе. Ноги нужно мыть чаще! Когда мылся в последний раз?

– Каждый раз, когда в баню хожу, – произнес солдат протяжно, как говорят в Поволжье, почти нараспев.

Стоящие рядом бойцы дружно рассмеялись над незадачливым бывшим сельским трактористом.

– Кобылин, слушай приказ! – разозлился я на неряху. – Умываться каждый день! Регулярно чистить зубы и портянки стирать! Ноги мыть не только раз в неделю в бане, а каждый вечер.

– Уф-ф, не забыть бы... – тяжело выдохнул солдат. – Слишком много наговорили...

Итак, ежики поселились в чреве бронемашин. Но однажды им что-то сильно не понравилось, и зверюшки принялись бегать, прыгать, скакать по коробке. Особенно старался длинноухий. Каким-то образом, «пустынник» выскочил из тюремной камеры – возможно, он забрался на маленького ежа и высоко подпрыгнул.

Свекольников вернулся с поста и обнаружил испуганного зверька, обнюхивающего край сиденья. «Пустынник» глядел вниз: прыгать было довольно высоко, даже для длинноногого.

– Ежик, милый, ты куда? Вернись в коробку, глупенький. Не бойся. Я тебе «кишмиш» принес, – ласково заворковал солдатик.

– Свекольников, негодяй! – взвыл проснувшийся Игорь. – Нога ноет – еле-еле заснул! Воркуешь тут с ежами – разбудил. Пойди с глаз долой! Теперь мне всю ночь мучиться...

– Я не виноват. Это ежик сбежать хотел. Я ему еды принес.

– Ты не его, а командира изюмом угости.

– Изюма на всех хватит: и вам, и лейтенанту Ростовцеву.

– Студент-недоучка! Тебе надо с философского факультета перейти на биофак.

Свекольников угостил деликатесами и нас и ежей, затем вытащил коробку с живностью на воздух.

Осторожно приносиваясь, зверьки поедали угощения.

– Слушай меня, юный натуралист, – строго произнес командир взвода. – Можешь даже спать вместе с ними в коробке, можешь пыхтеть и фыркать дружно с ежами, но только уйди подальше. Разрешаю лечь рядом с замполитом. Но забери эти «клубки колючие» с собой и не мешай спокойно болеть.

– Понял... Ухожу...

Шум и суэта переместились в мою сторону. Пока была моя очередь бодрствовать и проверять посты, я терпел этот «зоосад», но затем пришло время моего отдыха. А зверюшки все вздыхали, пыхтели, чихали.

Теперь я возмущен:

– Уйми зверей или уйди с ними прочь. Не надо дословно воспринимать приказ взводного. Вокруг БМП места много – марш, под дальнюю яблоню!

Кишлак заминировали и боевые действия завершились. Пришло время сниматься с позиций.

– Витька! Главное – ежей не упустить?

– Точно! – улыбнулся солдат. – Будет в нашей казарме зооуголок. Попугайчиков бы еще поймать...

Ох, юный натуралист! Ежовое «сафари» завершилось...

ЛУННАЯ РАДУГА

Очередной тяжелый рейд к границе с Пакистаном.

Привал. Охраняем перевернувшийся транспортер с ракетами.

Взвод залег на ночевку между каменным поребриком дороги и БМП. Отбиваемся от полчищ вражеских речных комаров.

Черная ночь мгновенно завладела ущельем – ворвалась в кишлак, словно демон зла. Мгновение и вокруг стало темно – ни огонька.

В ущелье довольно тихо: армия ушла далеко за перевал и звуков стрельбы, и рева двигателей не слышно. А местные жители ложатся спать сразу с заходом солнца – вероятно, у них потому так много детей. Чем еще можно заняться в кромешной тьме, имея гарем?

Ночь хороша своей прохладой, но одновременно и ужасна – обволакивает липкий страх. Какие-то шорохи, вскрики птиц, треск веток, шум ветра, далекие жуткие завывания собак – все это нервирует бойцов.

Хуже нет ночевать в жилом кишлаке или вблизи него. Гораздо лучше остановиться в развалинах или в опустевшем кишлаке – покинутые дома и закоулки можно хотя бы заминировать, «сюрпризов» всяких наставить. А что можно предпринять для своей защиты, когда вокруг спуют люди и живность?

Полночь. Большая и яркая луна взошла и осветила окрестности. Собаки заметно осмелели и принялись задорно твякать во дворах, словно они переговаривались и одновременно успокаивали друг друга. Внезапно поднялся сильный ветер, и вокруг лунного диска возникло широкое яркое свечение, которое постепенно все увеличивалось и, наконец, захватило почти весь видимый небосвод.

Замычали коровы, заблеяли овцы, проснулись и подняли галдеж птицы, а собаки словно взбесились: одни оглушительно выли, другие лаяли до хрипоты.

– Это шо, конэць свиту? – испугался сержант Дубино и грязно многоэтажно выругался. – Твою мать! Не дожить до дембеля!

– Спокойно, бойцы! Это «лунная радуга»! Поживете, еще и не такое увидите, молодые люди! В прошлом году такой оптический эффект я уже однажды наблюдал, – постарался я как мог успокоить бойцов. – Но тогда мы сидели высоко в горах. Довольно редкое явление, однако, я его уже второй раз наблюдаю!

Дикий страх парализовал бойцов.

– Сейчас же успокоиться! Раз замполит говорит «лунная радуга», хрен с ней, пусть будет так! Говорит – значит знает. Всем по местам, «духи» опаснее! – скомандовал Марасканов. – А ты, Никифор, откуда знаешь про это явление? Где-то прочитал?

– Ротный назвал в прошлый раз – он где-то читал об этой «радуге». Скоро все закончится.

И действительно, вскоре свечение прекратилось, зверье успокоилось, никаких всепланетных космических катаклизмов не произошло – опять наступила тишина.

– Скажу честно, думал «летающая тарелка» объявилась! Я в детстве много фантастики читал, – с придыханием пробормотал Свекольников.

– Если связь проспишь, будешь летающей «свеклой»! – усмехнулся взводный в усы.

– В прошлом году я тоже подумал – тарелка прилетела! – успокоил я солдата. – Инопланетяне и все такое прочее...

– А все же было замечательно наблюдать эту вашу «радугу»! Изумительное по красоте явление! – заявил Игорь. – Я человек не особо впечатлительный, но это было что-то невероятное!

– Космос загадочен, особенно когда не знаешь объяснений физических явлений. Нужно больше читать, верно, Витька?

– Так точно, товарищ лейтенант! – радостно откликнулся солдат. – Я люблю узнавать про все таинственное и необычное.

– Тогда слушай занимательную историю, собиратель загадочного! – начал я свой рассказ. – Это было семь лет назад, на Украине, в Днепропетровске. Как и ты, я тогда много читал фантастики и приключений: был уверен в присутствии инопланетян рядом с нашей планетой, и их наблюдениями за нашей жизнью. Вот однажды, как сейчас помню, двадцать седьмого октября, поздним вечером я пошел в магазин. Иду по тенистой дорожке, листва с вишен и абрикосов еще не совсем опала, вглядываюсь в звездное небо, мелодию насвистываю веселенькую. И вдруг что-то в небе среди звезд пронеслось. Наблюдал я за этим неизвестным объектом примерно секунды две: нечто промелькнуло бесшумно, без малейшего звука, в форме огромного дельтаплана, с семью или девятью огнями по периметру силуэта. Таинственный черный-черный объект был темнее неба – промелькнул и мгновенно исчез из виду. Ветки помешали – закрыли обзор. Я выскочил на широкую дорогу, но объект исчез! Беззвучно, бесшумно, бесследно – как будто ничего и не было. Но это был не самолет и не ракета – не было слышно никакого шума двигателей. А летело это нечто на высоте примерно пару сотен метров. Скорость – около километра в секунду! Что это такое было? Таинственно и загадочно...

– Ты прямо заморозил своим рассказом! – улыбнулся Игорь, переводя дыхание. – Витька даже рот раскрыл от изумления. Ладно, басни закончились! Свекольников, закрывай «варежку» и марш на пост!

– Товарищ лейтенант! Вы и сейчас в пришельцев верите? – переспросил Якубов.

– Гурбон, если скажу, что верю, старший лейтенант Марасканов завтра меня в психушку упечет! Настучит, чтобы должность мою захватить. Скажет, мол, у замполита крыша от войны поехала!

Бойцы ушли в темноту на посты, а я подбросил веток в костерок, подлил в кружку горячего чая.

– Ты байку травил или, правда, что-то видел? Не соврал? – уточнил взводный.

– Хочешь – верь, хочешь – нет, не вру я! Это вовсе не плод фантазии, вызванной прочитанными книгами. Не знаю, что это такое было: секретный военный аппарат или все же НЛО, но что-то летело! К тому же я был совсем юн, спиртного не пил, если ты об этом подумал – на пьяные глаза не свалишь.

– Да, замполит, окончательно с толку сбил. Мало нам твоей «лунной радуги», так еще пришельцы! Тьфу, черт! Теперь не заснуть!

ЮНЫЙ СТРЕЛОК

Утром осматриваем охраняемый груз. В реке лежат четыре упавшие с транспортера упаковки с шестиметровыми ракетами-сигарами: металлическая арматура, сваренная из уголка, кое-где смялась, и погнулась. Вдвоем попытались приподнять кассеты за край или хотя бы пошевелить их – ничего не получилось Тяжелые!

Мимо по грунтовке двигалась и двигалась военная техника. По счастью, с нами на БМП оказался пулеметчик-таджик Зибоев. Значит, сможем без проблем общаться с местными племенами. А племена эти уже начали проявлять искреннее любопытство. Вооруженная группа местных жителей теснилась вдоль парапета, афганцы что-то восхищенно горланили, о чем-то спрашивали, жестикулировали. Явно восхищены грудой нашего металла.

– Зибоев, чего им нужно? Что за банда? – обратился я к мужику, по виду явно главарю.

– Говорят, отряд самообороны. Интересуются, надолго ли приехали. Опасаются, не будем ли взрывать ракеты! – перевел солдат.

– Успокой аборигенов: взрывать не будем, остальное их не касается! – ответил я переводчику.

Экипаж занялся строительством укрытия. Тем временем очередная армейская колонна прошла мимо нашего поста.

– Товарищ лейтенант, кто-то иде к нам! – крикнул с башни сержант Дубино.

– Кто идет? – уточнил взводный. – Говори конкретнее...

– Та «духи», кто ж ешо туточки може быти! У таком захолусте тильки «душманы» и обитають.

По дороге медленно и осторожно, боком, шли три фигуры, приветливо размахивая руками. Один одет в старую, мятую шинель афганской армии и вооруженный длинным ружьем, другой – в широком халате и опирался на длинный посох, третий – в новенькой зеленой пакистанской куртке и с автоматом Калашникова.

– Бача буру (уходи)! – замах я руками.

– Шурави, дуст, дуст (русские, мы друзья)! – закричали афганцы в ответ. – Салам!

– Вот черт! Свалились на нашу голову гости. Что будем делать, Игорь? – спросил я озабоченно.

– А хрен знает! Может, поговорим?

– Из меня лингвист никакой. Могу сказать только «привет», да «пошел ты на ...». Вот и весь словарный запас на фарси. Зибоева необходимо вызывать и быстрее! – ответил я, почесав затылок. – Переговоры, так переговоры...

– А чего с ними балакать – очередь дам вместо приветствия! Пока по нам не пальнули! – пробурчал сержант.

– Дубино, дипломат доморощенный! Живо зови нашего толмача «мусульманина»! – велел я сержанту. – Этих трех завалим – через полчаса сотня сбежится. Никто не знает, сколько «бородатых» в горах и кишлаках в округе! Не сейчас так ночью ползут. Хотят переговоры – будем говорить. На высшем дипломатическом уровне: чай, анекдоты, экскурсия!

– Куды экскурсия? – ухмыльнулся Мишка.

– Куды-куды... К ракетам! Пугать будем нашей мощью! – пояснил я сержанту. – Советской военной угрозой!

– Точно! Мол, этими ракетами да по их хибарам бабахнем! – улыбнулся взводный. – Хорошая мысль, порой приходит даже в голову замполиту.

– Шурави, салам, салам! – забормотали подошедшие афганцы.

– Салам, аксакалы!

Афганцы подошли поближе и принялись здороваться, тыкая в себя пальцами: «сарбос» (солдаты).

– Они хотят мира! – перевел с «фарси» Зибоев. – Просят ничего не взрывать, не стрелять. И не грабить.

– Скажи афганцам, что мы не грабители, а солдаты! Они могут быть спокойны. Мы – их друзья.

– Афганцы говорят, что друзья не приходят без приглашения и не ломают дом хозяина, – продолжал переводчик.

– Лично я тут еще ничего не сломал. Скажи им, что очень они разговорчивые! Если будут себя плохо вести, мы выстрелим вон теми ракетами, что в речке валяются. Вокруг все взорвется! – велел Игорь переводчику. – Чтоб никто к нам не лез!

Афганцы присели на корточки у парапета и что-то оживленно обсуждали.

– Чего они галдят, Зибоев?

– Не верят, что это ракеты. Эрэсы – маленькие!

– Ну что же, начнем с экскурсии, чай предложим потом, – внес Марасканов изменения в дипломатическую программу. – Пошли, посмотрите, чем русский «шайтан-миномет» стреляет.

– Зибоев, о чем они с хитрыми рожами, глядя на тебя «бакланят»? – уточнил я настороженно.

– Спрашивают, почему за русских воюю? Почему не с мусульманами? Предлагают к ним переходить – в кишлаке мне ханумка будет. А если захочу, даже две жены получу. Только мой пулемет прихватить с собой.

– А ты что им ответил? – забеспокоился взводный.

– Зачем мне столько? Денег не напасешься, чтобы прокормить. Да и что я в их убогом кишлаке забыл? Телевизора нет!

– А если б и телевизор, и электричество, деньги и две жены в придачу? – спросил я с подозрением.

Зибоев хитро улыбнулся и промолчал.

– Страна жуликов! Приходят, в дружбе клянутся, к столу приглашаешь, а они солдата с пулеметом увести хотят! Что ж, подыграем этой шайке – обманем в ответ! – усмехнулся в усы старший лейтенант. – Бача, покупай большие ракеты, по Пакистану можно стрелять, по Гардезу.

– Спрашивает: неужели в Гардез попадет? – перевел Зибоев.

– Попадет, если хорошо прицелится! – заверил Марасканов. – Большие доски кладешь на пригорок, сверху ракету, аккумулятор подсоединяешь от «барбухайки» и – бабах! Куда хочешь, стреляй. Самым уважаемым в округе будет кишлак. Ни у кого такого «огненного шайтана» нет, а у вас будет!

– Дорого? Сколько стоит ракета?

– Сто тысяч афгани! – назвал цену товару Игорь.

– За все?

– Каждая упаковка! Всего четыреста тысяч, тебе по дружбе отдам за триста пятьдесят тысяч! – хлопнул я по плечу старого афганца. – Покупай, пока не продали соседям!

– Вах-вах-вах! – дружно закачали головами пуштуны.

– Какой хороший «эРэС»! Спрашивает, унести можно сейчас же? – перевел Зибоев вопрос командира местного афганского ополчения.

– Деньги плати – и, пожалуйста, забирай. Но деньги вперед! – поддержал я розыгрыш туземцев.

К первой группе собеседников подтянулась еще пара колоритных личностей: один в старом потертом кителе офицера афганской королевской армии и в шароварах, а другой – в длинной армейской шинели. Количество местных жителей увеличивалось с каждой минутой. Бородачи подходили, ощупывали арматуру из толстого швеллера, гладили ракеты, втроем-вчетвером пытались приподнять упаковку – эти попытки ни к чему не приводили, ракеты даже не шевелились.

Афганцы, очевидно, догадались, что их разыгрывают и вскоре потеряли коммерческий интерес к ракетам. Громко, обсуждая аварию, случившуюся рядом с кишлаком – удалились. Остались лишь первые три афганца. Они сидели на корточках, напротив, тихо и в то же время оживленно о чем-то спорили, не сводя с нас глаз.

– Зибоев, переводы, о чем болтают! – поинтересовался Игорь. – Не тормози!

– Рассуждают, долго ли мы будем сидеть в их кишлаке? Получится ли что-нибудь у шурави украсть? Решают, что можно выпросить или обменять...

– Ты им объясни: если будут в нас стрелять, то мы тут построим заставу навсегда!

– Да, и скажи, что можем тут вокруг все подорвать к чертовой матери. Одной ракеты хватит уничтожить их хижины! – хмуро добавил я.

– Обещают вести себя хорошо и предлагают торговать.

– Жаль, нет «огненной воды», и побрякушки мы не взяли. Пустые цинки и ящики нужны? – спросил Игорь.

– Говорят, нужны! Обрадовались.

– Без продуктов на обмен ничего не получают! Надо быть внимательнее – что-нибудь сопут! Пустые ящики и цинки меняем на рис...

– Просят на обмен патроны и гранаты.

– Обойдутся! – воскликнул я. – Сегодня просят для обороны, а завтра в спину стрельнут. Максимум, что можем им дать – канистру солярки.

Бойцы разгрузили два ящика, распотрошили четыре цинка патронов. Самый молодой афганец сбежал в кишлак и принес мешочек риса. В завершении обмена сфотографировались с пуштунами на фоне БМП.

Афганцы, как малые дети, страшно любят фотографироваться, им интересен сам процесс (фотки-то все равно не получают). Однако позируют с большим удовольствием и обижаются, если не хватает кому-нибудь места во время съемки.

– Местные интересуются: зачем шурави сюда пришли? – перевел Зибоев вопрос аксакала.

– Мы навсегда приехали – поселимся тут! Нам нравится все: народ хороший, река, лес, горы. Дуكان откроем, белых ханумок для вас привезем! – улыбаясь в усы, ответил Игорь.

– Дуكان – хорошо! Торговля – хорошо. Шурави-ханум – хорошо. А солдат – не надо! Солдаты – это плохо... – перевел Зибоев.

– Без нас шурави-ханум не будет! – ухмыльнулся Игорь.

– Но если вместе с вами, то и ханум не надо! – сердито заявил афганец. – У нас тут работа: охрана! За каждый километр охранения дороги – мешок риса от правительства.

– А если не пришлют? – заинтересовался я бартером.

– Тогда колонна грузовиков сгорит! – ответил, нагло улыбаясь, бородач. – И мы свою землю вам не отдадим никогда.

– На кой черт она нам сдалась – одни камни да колючки! – рассмеялся я.

– Зачем тогда вы явились? – удивился афганец.

– Вы нас позвали! – пояснил я.

– Мы вас не звали. Кто приглашал, – к тому и езжайте. Шурави где живут?

– В России: в Москве, в Сибири, в Ленинграде. Очень далеко отсюда. Про Ленина слышал, наверное? – развел я политпросвещение.

– Нет, это кто такой?

– Как не слышал? Про него весь мир знает! Ты посмотри, Игорь, со школьной скамьи нам талдычат, что портреты вождя мирового пролетариата висят даже у африканцев в хижинах! А здесь и про Советский Союз ничего не знают, а тем более о Ленине... – поразился я дремучести аборигенов.

– Прекращай пропаганду вести! Скоро наши бойцы последние идеалы растеряют, – ухмыльнулся Марасканов. – Аборигены не поддаются пропаганде. Хреновый из тебя Джеймс Кук.

– И славно, что я не Кук – значит, не съедят!

Рядом со мной присел какой-то мальчишка лет десяти-двенадцати, вооруженный карабином. С завистью поглядывая на мой автомат, пацан задал провокационный вопрос:

– Командор, а ты хорошо стреляешь?

Зибоев переводил, хитро ухмыляясь.

Кто же признается, что плохо, тем более я почти год воюю. И стреляю вполне сносно!

Ответил баче:

– Хорошо!

– Молодец! Я тоже хорошо стреляю! А в тот большой камень на горке попадешь?

Я посмотрел на горку – расстояние до нее метров четыреста. Большого камня не увидел.

– Попаду! – как можно увереннее и убедительнее ответил я.

– Молодец! – похвалил бача. – Я тоже попадаю в него.

В дальнейшем общении выяснилось, что мальчишка никогда в школу не ходил, читать и писать не обучен, считать не умеет, ничего о мире не знает. Зато каждый день стреляет и умеет попадать в большой камень с четырех сотен метров. Такое детство, такая жизнь...

Полковник запаса **Анатолий Анатольевич Пуклич**. Прозаик. Родился 16 октября 1958 года в г. Каменец-Подольском Хмельницкой области, УССР. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Член Союза писателей России.

В 1975 году окончил среднюю школу № 13 в г. Каменец-Подольский.

Трудовую деятельность начал на заводе «Электроприбор» в этом же городе. В ноябре 1976 года был призван в ряды Советской Армии. После окончания Львовского высшего военно-политического училища службу проходил в Ракетных войсках стратегического назначения: от начальника клуба войсковой части до начальника Дома офицеров гарнизона.

Окончил Гуманитарную академию Вооруженных Сил. Пройдя ряд ответственных должностей, был назначен заместителем начальника отдела культуры Главного управления воспитательной работы Вооруженных Сил Российской Федерации.

После увольнения в 2014 в запас, работает заместителем начальника федерального государственного бюджетного учреждения культуры и искусства «Центральный Дом Российской Армии имени М.В.Фрунзе» Министерства обороны Российской Федерации.

Лауреат Всероссийского литературного конкурса имени генералиссимуса Александра Суворова 2020 года.

ВОЙНА И ДЕТИ

Николай проживал вместе с родителями, братом и сестрой в селе Зиньковцы, расположенном на возвышенности недалеко от каньона реки Смотрич. На другой стороне возвышался старинный многонациональный многоконфессиональный город Каменец-Подольский. Доминантой его был средневековый замок, который местные жители называли Старой крепостью.

Город имел статус приграничного, так как граница с Польшей и Румынией была всего в каких-то тридцати километрах и проходила на западе по реке Збруч, а на юге по реке Днестр.

Играя со сверстниками, маленький Николай при встрече с пограничниками, которые с 1924 годы проходили службу в 23-м дважды Краснознаменном Каменец-Подольском пограничном отряде и красноармейцами, с 1938 года активно строившими 10-й Каменец-Подольский укрепленный район, вытягивался по струнке и неумело отдавал им воинское приветствие.

Вся детвора завидовала военным, так как они были всегда опрятно одеты, подтянуты, ходили строем, пели строевые песни, а самое главное для ребят – угощали их сахаром.

В теплое время года, ватага ребяташек, взобравшись на деревья, которые шпалерой росли по периметру военного городка, с большим удовольствием смотрели кинофильмы, демонстрируемые в погожую погоду прямо на стене казармы.

Ребята гордились тем, что почетными пограничниками погранотряда были В.И.Ленин, И.В.Сталин, А.М.Горький, И.Д.Папанин.

Вместе с учениками класса Николай посещал библиотеку клуба пограничников, где проводились мероприятия, по произведениям А.М.Горького и вечера, посвященные подвигам героев-папанинцев.

На стадионе школы переподготовки офицерского состава пограничных войск детвора часто играла в футбол, занималась в спортивных секциях, участвовала в проводимых военными соревнованиях.

Несмотря на оцепление, друзья Николая пробирались на стрельбище, где красноармейцы и пограничники выполняли упражнения по стрельбе. Внимательно следили за ходом стрельб, шепотом, чтобы не мешать стрелкам, делились впечатлениями после каждого меткого выстрела, сожалели о редких промахах, иногда случавшихся у бойцов. За примерное поведение ребятам в награду иногда разрешали помогать собирать пахнущие порохом гильзы и нести старшине, который сдавал их на пункт боепитания. А когда приходило время обеда военные угощали пацанов наваристым солдатским борщом.

К началу вторжения нацисткой Германии и ее союзников на территорию СССР Николаю исполнилось двенадцать с половиной лет.

Город начали бомбить в первые же дни войны. Бомбежки уничтожили множество бесценных архитектурных памятников и унесли жизни сотен людей.

Николай вместе с родителями, братом и сестрой во время бомбежек прятались в погребе, который был выкопан во дворе, где размещался их дом. Страх и ужас овладевал маленьким Николаем, когда приближался гул немецких самолетов и раздавались взрывы авиабомб. Он, обнявшись с братом и сестрой, инстинктивно крепко прижимался к матери, как будто зная, что она никогда не даст в обиду своих детей. После бомбежек все жадно слушали по репродуктору последние известия с фронта.

Началась мобилизация населения в Красную Армию и срочная эвакуация в тыл промышленности, культурных ценностей и архивов.

На второй день войны отца вместе с другими жителями села призывного возраста мобилизовали в армию и сразу же отправили на фронт. Отец попал служить в понтонно-мостовой батальон, где прослужил всю войну. За время службы он ни разу не был ранен, не болел, хотя всю войну, в тяжелейших погодных условиях, иногда находясь по пояс в ледяной воде, наводил переправы и мосты для советской военной техники и военнослужащих, эвакуируемых в тыл предприятий и гражданского населения, минировал и взрывал мосты и другие стратегически важные объекты.

Семья осталась без главного кормильца, а самое главное в неизвестности, что будет дальше, какая ждет их дальнейшая судьба, увидят ли они друг друга когда-нибудь.

Мама долго плакала, а дети как могли утешали ее, но не справившись со своими эмоциями они начинали реветь так, что соседям не оставалось ничего, как успокаивать их всем миром.

25 июня 1941 г. военных в городе прибавилось, так как здесь был развернут штаб 18-й армии Южного фронта Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Обстановка на фронтах усложнялась, захватчики овладевали все новыми и новыми нашими населенными пунктами. Войска Рабоче-Крестьянской Красной Армии, ведя тяжелые оборонительные бои, отходили от границы.

С мальчишками и взрослыми жителями города Николай со слезами на глазах 9 июля 1941 г. провожал отступающие советские войска.

Отходя из города, красноармейцы взорвали за собой Новоплановский мост, соединяющий Старый и Новый город и ряд стратегически важных промышленных предприятий.

Грохот от взрывов был слышен далеко за городом. Ребяшки бегали к руинам моста, от которого остались только опоры и центральный пролет. Две части города теперь

соединялись шаткими деревянными мостками, сооруженными на толстых тросах и по которым не каждый взрослый мог смело переходить речку.

Все в напряжении ожидали своей участи.

10 июля Николай наблюдал с высокого явора, который рос рядом с домом, как в город входили венгерские, румынские и немецкие войска.

Начались черные годы оккупации.

На улицах города захватчиками проводились показательные карательные процессы над советскими административными и партийными сотрудниками.

Из прокламаций вывешенных оккупационными властями граждане узнали что с 20 августа г. Каменец-Подольский становится административно-территориальной единицей Генерального округа Вольшинь-Подолья (Generalbezirk Wolhynien-Podolien) Рейхскомиссариата Украина в составе Третьего рейха. Николай вместе со своими друзьями срывал эти прокламации, а где не удавалось подойти к ним, забрасывали их грязью.

К большому удивлению жителей, немецкие власти, благодаря интересу организации «Немецкое общество по изучению древних сил и мистики» (Аненербе), существовавшей с 1935 по 1945 годы в Германии и созданной для изучения традиций, истории и наследия германской расы с целью оккультно-идеологического обеспечения государственного аппарата гитлеровской Германии, благосклонно отнеслись к памятникам истории города.

В августе силами спецподразделений «Роланд» и «Нахтигаль», под кураторством берлинского института «Аненербе» начались археологические раскопки в Старом городе и на территории старого средневекового замка. Николай со своими друзьями умело маскируясь в обильно растущих возле старого замка бурьянах наблюдал, как оккупанты проводили раскопки, как упаковывали найденные ценности, рукописи и артефакты, готовя их к отправке в Германию.

По улицам города стало не безопасно ходить. Однако мальчишкам удавалось проникать в такие уголки города, куда взрослым дорога была заказана.

Играя с ребятами за старым польским кладбищем в районе Белановки, пригороде города, 27 и 28 августа 1941 года, Николай стал свидетелем как оккупанты под командованием генерала полиции Германии Фридриха Еккельна и их сподручные шуцманы (работники охранной полиции, которые комплектовались из местных жителей-предателей) из 320-го полицейского батальона уничтожили, как потом оказалось, 23 600 евреев. 18 000 были вывезены из Венгрии и пешком пригнаны из г. Коломьи в Каменец-Подольский. Остальные погибшие были жители города и других населенных пунктов Украины.

Николай видел, как людей заставляли раздеваться догола, аккуратно складывать свои вещи и идти на осмотр. При осмотре у них отбирали оставшиеся драгоценности (кольца, серьги) и вырывали изо рта золотые зубные протезы.

Затем каратели сгоняли людей в ров и расстреливали. После расстрела одной партии, убитых и раненых присыпали землей и расстреливали следующую партию. Так продолжалось до тех пор, пока ров полностью заполнялся безвинными жертвами.

Ребята слышали стоны из-под земли на протяжении нескольких дней. Они видели, как шевелилась земля во рву, но ничем обреченным помочь не могли, так как каратели никого не подпускали близко, а те, кто пытался нарушить приказ, расстреливались на месте.

Это была одна из первых массовых акций окончательного решения нацистской Германией еврейского вопроса.

Всего за годы оккупации в г. Каменец-Подольский было уничтожено 87 000 евреев.

Страх и ужас овладели жителями. Без особой надобности ходить по городу было опасно из-за неожиданных облав.

Больше всего жители очень боялись ходить около бывшего здания областного Управления НКВД по улице Шевченко, где во время оккупации разместился штаб-управление Гестапо («Тайная государственная полиция» Германии). Очень редко тот, кто

входил в это здание выходил из него живым и здоровым. Маховик репрессий раскручивался на полную катушку.

Через некоторое время после овладения городом оккупанты начали размещаться по домам и квартирам местных жителей.

В связи с тем, что дом у семьи Николая был совсем маленький, вражеские интенданты обходили его стороной. Из соседних более просторных домов захватчики выгоняли жителей во временки и сараи, а сами с комфортом размещались в комнатах бывших хозяев и в качестве услуги использовали бывших хозяев в том числе и детей.

Однажды, проходя мимо соседского дома, Николай услышал на ломаном русском языке команду: «Стоять! Иди ко мне!». Он оглянулся и увидел, что его зовет немецкий унтер-офицер. Николай со страхом подошел к нему, так как знал, что не выполнение приказа чревато смертью. Унтер указал на пустые ведра и жестами показал, что нужно наносить воды из колодца, который находился рядом с домом. Николаю ничего не оставалось как выполнить приказ захватчика. После того как он заполнил указанную кадучку водой, его вновь подозвал унтер-офицер. Немец вынул из кармана фотокарточку и показал Николаю. Николай увидел на фото счастливое немецкое семейство, с довольной улыбкой позировавшее фотографу очевидно перед самой войной. Указав на мальчика с виду одноклассника Николая, немец сказал: «mein Sohn»¹.

Николай понял, что это сын немца. Немец заплакал, показывая на фото, что-то пробормотал по-немецки, а потом достал из кармана упакованную в бумажную обертку продолговатую плитку шоколада и пачку галет, всунул в руки растерявшегося парня и жестами приказал убираться со двора. Николай хотел выбросить угощение, полученное из рук врага, однако, когда он покинул двор, где размещался оккупант, к нему подбежала младшая сестра и схватила вражеский презент. Она быстро развернула шоколад, отломил ломтик и наскоро разжевав проглотила. Лицо ее расплылось в блаженстве, так как она впервые в жизни попробовала шоколад. Ведь раньше ей не приходилось кушать такое лакомство, так как семья жила бедно и из сладкого могла себе позволить только леденцы и то по большим праздникам.

Шли черные дни оккупации. За захватчиками буквально по пятам двигался печально известный «Буковинський курінь» Организации украинских националистов под командованием изувера П.А.Войновского. В августе бандеровцы успели отличиться кровавыми погромами, расстрелами и грабежами в Каменце-Подольском и окрестностях по пути в Киев, где 29 сентября 1941 г. помогали нацистам уничтожать евреев в Бабьем Яру.

Соседи Николая рассказывали, как изверги по ночам врываются в дома советских активистов, гуцульскими топориками бардами (легкая сокрыра) убивали мужчин и стариков, женщин жестоко насиловали, после чего вспарывали живот, засыпали внутренности солью и бросали их в дичайших муках умирать, а маленьких детей брали за ножки и убивали ударом головы об угол дома или ствол дерева.

Грабили имущество жертв. Живность пускали под нож и устраивали безудержные попойки.

Осенью 1941 года Николай со своими друзьями заметил в городе первые листовки. Как выяснилось позже, в городе начала действовать подпольная комсомольско-молодежная организация под руководством В.И.Поворина и Д.Г.Мозолевого. В ее рядах насчитывалось более 60 человек. Подпольщики распространяли листовки, совершали диверсионные акты, нападали на вражеские гарнизоны, пускали под откос эшелоны, расправлялись с предателями и пособниками оккупантов.

Однако враги тоже не сидели сложа руки. Их ищейки выследили советских подпольщиков и 13 июня 1942 года 52 патриота были арестованы. Все они были подвержены жестоким пыткам, мужественно переносили все издевательства и не проронили ни одного

¹ *Мой сын. (в переводе с немецкого)*

слова. Враги, не добившись предательства от подпольщиков, расстреляли их в районе микрорайона Жовтневый.

За мужество и героизм Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 марта 1971 года 29 членов организации были награждены медалью «За отвагу».

Однажды, вернувшись с рынка, мама Николая рассказывала соседке, что 10 октября 1941 г. силами партизанского отряда был уничтожен вражеский автопарк в райцентре Дунаевцы (в 35 км от города) состоящий из 1 бронемашины, 22 грузовых и легковых автомобилей и 6 мотоциклов. А в селе Китайгород (в 16 км от города) группой партизан был ликвидирован большой склад с продовольствием, уничтожено 15 немецких солдат, захвачено 9 исправных машин. Эту новость соседи, радуясь передавали друг другу шепотом, боясь, чтобы не услышали германские прихвостни.

Люди узнавали о новых подвигах партизан и гордились их победами. Многие жители помогали доставать медикаменты и продукты для мстителей, отдавали последнее, лишь бы ускорить приближение часа победы над захватчиками.

С горечью соседи передавали друг другу печальную новость о том, что оккупанты, благодаря изменникам, сумели в октябре 1942 г. захватить 21 партизана из отряда имени В.И. Чапаева и после долгих пыток живьем сбросили их в колодец в селе Каменка (ближайшем к железнодорожному вокзалу пригороде).

В конце 1942 года Николай с товарищами стал свидетелем самого ужасного преступления, которое совершили по приказу Каменец-Подольского гебитскомиссара Зеппа Райндля (Sepp Reindl) его подручные. З.Райндль приказал полиции выявить детей смешанных браков (евреев с украинцами, русскими, поляками), отправить их на еврейское кладбище и там уничтожить. Но гестаповцы и шцманы не стали тратить патроны. Загнав около 500 безвинных детей в возрасте от 5 до 12 лет в глубокую яму, заживо закопали их.

После этого варварства Николай долго не мог спокойно спать, а когда он засыпал ему снились перекошенные ужасом лица маленьких детей.

На зверства врагов партизаны отвечали смелыми рейдами и акциями возмездия. Кроме того, они распространяли среди населения и развешивали в городе листовки, в которых информировалось об успехах Красной Армии на фронтах и партизан в тылу врага.

Из одной листовки Николай узнал, что 1 августа 1943 г. группа партизан из отряда «За Отчизну» внезапно атаковала село Негин (в 20 км от города) и уничтожила 30 немецких жандармов, разрушила телефонную станцию и сожгла нефтесклад, в котором находилось около 90 тонн горюче смазочных материалов.

В другой листовке информировалось население о том, что 13 августа 1943 г. четыре партизанских отряда, действующие в районах Каменец-Подольской области, в течение месяца пустили под откос 29 эшелонов с вооружением, боеприпасами и войсками противника. В результате крушений было повреждено и разбито 26 паровозов, 376 вагонов и платформ.

Пик партизанской активности в области приходится на 1943-1944 годы. Начальником Каменец-Подольского областного штаба партизанского движения к тому времени был назначен первый секретарь подпольного областного комитета Коммунистической партии (большевиков) Украины Степан Антонович Олексенко. Командиром соединения партизанских отрядов Каменец-Подольской области был лейтенант Антон Захарович Одуха, которому Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 августа 1944 г. за образцовое выполнение заданий командования в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, проявленные при этом мужество и героизм, и за особые заслуги в развитии партизанского движения на Подолии присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

В партизанских соединениях Каменец-Подольской области в апреле 1943 насчитывалось 118 комсомольцев, в марте 1944 их число возросло до 1 544 человека.

Из листовок Николай узнавал о том, что Красная Армия громит врага на всех фронтах и с нетерпением ждал освобождения своего родного города.

В феврале 1944 года советские войска подошли к городу. В феврале-марте 1944 в районе Каменец-Подольска шли упорные бои между войсками 1-го (командующий Маршал Советского Союза Г.К.Жуков) и 2-го (командующий Маршал Советского Союза И.С.Конев) Украинского фронтов и 1-й танковой армией вермахта (командующий генерал-полковник Х.В.Хубе), со значительными потерями с обеих сторон. Изначально в результате успешных боевых действий в окружении советских войск в котле оказались 11 пехотных и 10 танковых и моторизованных дивизий.

Немцы превратили Каменец-Подольский в город-крепость, где был размещен десятитысячный гарнизон, усиленный танками и артиллерией. Вот почему гитлеровское командование отдало приказ удерживать город любой ценой пока с востока не подойдет подкрепление.

Вскоре на поддержку 1-й танковой армии вермахта из Франции был переброшен 2-й танковый корпус СС, отдельная пехотная дивизия, несколько дивизионов самоходной артиллерии и две танковые дивизии из Югославии, которые как раз к концу марта вступили в сражение, обернувшееся бегством с поля боя.

Село Зиньковцы, как и город, было крепким узлом обороны захватчиков.

Несмотря на это танки 61 гвардейской Свердловской танковой бригады (командир гвардии полковник Н.Г.Жуков), 10 гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса (командир гвардии генерал-майор Г.С.Родин), 4 танковой армии (командующий генерал-лейтенант танковых войск В.М.Баданов) на большой скорости с зажженными фарами ворвались в село, вызвав панику среди фашистов, которые беспорядочно отстреливаясь, бежали до пригородов города Белановки и Польских фольварков. К исходу 24 марта 1944 года с. Зиньковцы было освобождено от оккупантов. На поле боя враг оставил более 80 исправных орудий, много минометов, пулеметов, около 200 убитых и раненых.

Все время боев Николай с родными прятался в погребе. Когда пришло освобождение от оккупантов радость людей была безмерной.

Город Каменец-Подольский был взят советскими войсками в полукольцо, основные трассы перерезаны. 25 марта 1944 года личный состав 16 гвардейской механизированной бригады (командир гвардии полковник В.Е.Рывж), 49 механизированной бригады (командир подполковник П.Н.Туркин), 6 гвардейского механизированного корпуса (командир генерал-лейтенант А.И.Акимов), 4 танковой армии подошли к северным и южным окраинам города, а воины 29 гвардейской Унечской мотострелковой бригады (командир гвардии полковник М.С.Смирнов), 10 гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса и 299 гвардейского минометного полка (командир гвардии подполковник С.Л.Николюк) к северо-западным окраинам города.

Внезапным ударом немцы были выбиты из города за одни сутки. При этом отличились автоматчики батальона 63 гвардейской Челябинской танковой бригады (командир гвардии подполковник М.Г.Фомичев), которые по узкому ущелью обошли крепость и переправились в район Русских фольварков, а также рота из 29 гвардейской Унечской мотострелковой бригады при поддержке артиллеристов смогли захватить Турецкий мост в полной сохранности. Именно через этот мост в город и вошли советская «танковая лавина» 61 гвардейской Свердловской танковой бригады и 63 гвардейской Челябинской танковой бригады.

Из репродукторов Николай узнал, что стремительность освобождения города была высоко оценена советской Ставкой Верховного Главнокомандования. Воинские части, которые отличились во время штурма, получили наименование «Каменец-Подольских». Более 5 тысяч бойцов получили награды. В честь освобождения г. Каменец-Подольского в Москве 27 марта 1944 года в 21.00 был произведен салют двадцатью артиллеристскими залпами из 224 орудий.

Николай, вместе со своими сверстниками пошел погулять по освобожденному городу. Выйдя на улицу Шевченко, они увидели колонну разбитых больших грузовых немецких автомобилей.

Позже ребята узнали, что эти машины с вещевым имуществом и продовольственными грузами принадлежали тылам крупной немецкой группировки, отступающей на запад. Однако наша войска перерезала им пути отхода, и они остановились в городе.

Машин было очень много, не менее 1000–1500 грузовиков, и чего в них только не было! Вещевое имущество, продовольствие, кубинские сигары в специальных ящиках, сигареты, шоколад, печенье, сдобные хлебцы, рыбные и мясные консервы и даже вино различных марок из разных стран Европы. В одной бронированной машине ребята увидели ящики, набитые деньгами, драгоценностями, золотыми и серебряными монетами. Среди всего этого богатства ребятам запомнилось чучело чернобурой лисицы, глаза у которой были выполнены из ярких рубинов, а когти из золота.

Другие, оказавшись бы на месте ребят, стали набивать карманы трофеями, однако ребята были воспитаны на принципах порядочности и честности. Увидав, что эти трофеи никем не охраняются, Николай оставил у колонны четырех старших парней, а сам с двумя младшими попутчиками прибыл к группе солдат и рассказал им о находке. Командовавший бойцами капитан, построил свою роту и выдвинулся к бесхозной колонне.

Прибыв на место, военные взяли под охрану трофеи чтобы не допустить их разграбления. Капитан поблагодарил ребят и наградил их шоколадом, мясными и рыбными консервами и как взрослым пожал руки.

Город постепенно начал втягиваться в мирную жизнь.

После боев в городе и пригородах осталось много оружия и боеприпасов, брошенной врагом техники. Однажды играя в прятки, Николай залез в подбитый немецкий танк. Сидя в танке, он случайно произвел выстрел. Так как ствол танка смотрел своим жерлом на речку, снаряд упал и взорвался посреди реки. Николай, испугался и убежал домой. Через некоторый промежуток времени во двор, где прятался Николай, прибыли офицеры из подразделения «СМЕРШ», долго беседовали с парнем и его мамой, а затем посоветовали матери устроить подростка на работу на возобновивший свою работу завод твердосплавных инструментов имени Г.И.Петровского.

В городе катастрофически не хватало рабочих рук и на восстанавливаемые предприятия принимали женщин и подростков.

Николая приняли в литейный цех.

Так как часов в доме у Николая не было, вставал он с первыми петухами. Мама наливала ему в бутылку молока и заворачивала в холстину большой кусок мамалыги. Это была еда на весь рабочий день. Прибыв на завод раньше положенного времени, Николай вместе с такими же подростками- работниками, заваливались, кому повезло, на кучу ветоши, а остальные на деревянные стеллажи и спали до начала смены.

На заводе для фронта Николай выливал корпуса снарядов, приближая час Великой Победы над ненавистным врагом.

КОТ ВАСЬКА

В теплый летний день в период обеденного перерыва сотрудники библиотеки Дома офицеров гарнизона Лидия и Ольга прогуливались по скверу, примыкающему к «Домику», так горожане нежно называли военный очаг культуры. Женщины судачили о работе, о житье-бытье, делились планами на выходные, обсуждали новые публикации в средствах массовой информации. Проходя мимо контейнеров с мусором коллеги услышали жалобное надрывное мяуканье. Женщины подошли ближе и увидели в контейнере среди бытового мусора маленький дрожащий серо-чёрный комочек. Женское сердце защемило от жалости

увиденного. С материнской нежностью трясущееся и надрывно издающее писк живое существо было изъято из контейнера и втайне от начальника «Домика» доставлено в библиотеку. Женщины в тёплой воде отмыли найдёныша, промыли испитым чаем гноящиеся глазки, укутали его в шерстяной, вязанный своими искусными руками, свитер и напоили изголодавшегося котёнка молоком из детской бутылочки с соской.

На следующий день в ходе ежедневного обхода структурных подразделений «Шеф», как сотрудники между собой ласково называли начальника Дома офицеров, зашёл в библиотеку и проходя мимо служебного посещения услышал жалобный писк найдёныша. «Это что за зверь?» - спросил начальник. Заведующая библиотекой что-то виновато лепетала, пытаясь как-то оправдаться, опасаясь получить взбучку от строгого, но справедливого руководителя. Но «Шеф», разглядев доходягу, проникся жалостью к незавидной судьбе живого существа и разрешил приложить все усилия для его спасения. «Если выживет – путь живёт и будет членом нашего дружного коллектива» – сказал начальник и погладил нежное создание.

Прошли недели борьбы за жизнь найденыша. Женщины возили доходягу к ветеринару, лечили его дорогими, купленными за свои деньги, лекарствами, пестовали его как своего ребёнка и их труды победили приговор, вынесенный ветеринаром: «Не протянет и недели. Жаль только ваших денег и времени». Найдёныш воспротивился вердикту эскулапа и выжил.

В очередной раз посетив библиотеку «Шеф» поинтересовался «Как там доходяга? Когда будем справлять поминки?». Но увидев весело играющего с искусственной мышкой «зверя» приказал: «Выжил! Поставить на все виды довольствия. Наш член коллектива. Никому его в обиду не давать».

Прошли годы. Найдёныш, которого наименовали Васькой, завоевал уважение и авторитет среди сотрудников военного учреждения культуры, так как был ласков и покладист со всем персоналом. Заматерел, потолстел и всегда утром, встречал у входа «Шефа» нежно потираясь о его форменные брюки и о чём-то докладывая своим «мурчанием» начальнику о жите-бытье в «Домике».

Со временем посетители военного очага культуры привыкли, что на входе в учреждение их встречал потолстевший, заматеревший и не обращающий ни на кого кроме «Шефа» и «Кормилиц» Васька. Он лежал посреди коридора, растянувшийся во весь свой кошачий рост и казалось, что кот лежит в одной плоскости пространства, а его упитанный живот – в другой.

В одну из суббот, время приёма по личным вопросам начальника гарнизона, начальник «Домика» встречал на крыльце своего учреждения начальника гарнизона – командующего одного из прославленных гвардейских объединений. После доклада начальника командующий вошёл в «Домик» и обомлел, перед ним нагло раскинувшись на центральном входе лежал Васька, не обращая никакого внимания на высокопоставленных руководителей. Командующий спросил у начальника Дома офицеров: «А это что за создание?».

Начальник «Домика» бодро ответил: «Это наш штатный сотрудник». «А мышей он ловит?» – спросил командующий. «Так точно» – ответил начальник учреждения. «Пусть докажет» – пошутил командующий. Начальник «Домика» шутя обращаясь к коту сказал: «Если не докажешь командующему, что ты великий охотник, лишу всех благ. Понял меня?». Кот неохотно поднялся, мяукнул, как будто бы говоря, «Есть!» и исчез в подвальных помещениях «Домика».

Приём по личным вопросам прошёл штатно, без каких-либо осложнений. Все просители и жалобщики получили удовлетворительные ответы на свои обращения и довольные убыли по своим домам.

Командующий вышел из кабинета и остолбенел. Перед кабинетом начальника по стойке смирно сидел Васька, а перед ним лежали шесть пойманных мышей. Командующий

сказал: «Да, вот это организация службы» и убыл исполнять свои служебные обязанности в штаб объединения.

Прошло некоторое время. В Доме офицеров гарнизона на подведении итогов служебной деятельности за месяц начальник гарнизона сильно критиковал одного из командиров соединений за не удовлетворительную организацию повседневной деятельности вверенного ему воинского коллектива. Командир пытался как-то оправдываться, путался в своих объяснениях и очень неловко чувствовал себя, находясь на всеобщем обозрении за трибуной на огромной сцене Дома офицеров. Вдруг по зрительному залу прокатился какой-то шёпот и восклицания. Начальник «Домика», который присутствовал на данном мероприятии обомлел увидев, что через всю сцену вольготно, неся в зубах мышшь дефилирует кот Васька. «Сейчас получу по полной» пронеслось в голове у начальника Дома офицеров. Кот вышел на середину сцены и сел напротив командующего, преданно глядя ему в глаза. Воцарилась немая тишина. Командующий добродушно посмотрел на Ваську и сказал: «Начальник Дома офицеров». «Я», – вставая, тихо ответил руководитель военного учреждения культуры. «Посмотрите все на него» – сказал командующий и как по команде все взоры присутствующих обратились на начальника «Домика» предчувствуя очередной строгий «разнос». «Берите с него пример»: – строго сказал командующий. «Вот как надо организовывать повседневную деятельность вверенных Вам соединений и частей. У него даже коты понимают свою задачу и выполняют её точно и в указанный срок».

«Объявляю вам, товарищ подполковник, благодарность, а начальнику продовольственной службы приказываю поставить на довольствие его смышлёного и исполнительного подчиненного» – завершил своё выступление командующий.

Присутствующие на мероприятии военнослужащие одобряюще и громко зааплодировали.

СЛУЧАЙ НА ОХОТЕ

Зимним декабрьским вечером коллектив военных охотников отдыхал на охотничьей базе после трудового дня. День удался. Каждый загон принес удачу. Добыты два лося, секач и три косули.

Ужин был приготовлен на славу. На столе было много домашних разносолов, наваристая шурпа из кабана, жареная с грибами лосиная печень, жаркое из косули и щучьи котлеты. После ужина спать еще не хотелось и все удобно разместились у камина. В камине весело потрескивали березовые дрова, отдавая своим теплом всю комнату и собравшихся. Время тянулось медленно и бывалые охотники, обучая молодежь, травили байки.

Когда почти все истории были рассказаны, корифей устной речи и меткий стрелок Владимир Иванович, усмехнувшись в свои шикарные черные как смоль усики, начал свою повесть.

Было это давно, когда я молодым лейтенантом-авиатором служил в окрестностях знаменитой на весь мир Беловежской пуши. По натуре я был шустрым и быстро ориентирующимся в обстановке молодым человеком. Руководил комсомольской организацией, клубом, отлично играл на баяне, пел заливчатские частушки, активно участвовал в художественной самодеятельности, очень любил барышень, да и с Бахусом был в дружеских отношениях, любил отдыхать в местном ресторане, уплетая котлетку на кости под «Беловежскую» настойку, короче – слыл душой коллектива.

Ни один концерт художественной самодеятельности, ни один выезд на природу без меня не обходились. На службе преуспевал и числился на хорошем счету у командования. За что часто получал ответственные персональные поручения.

Жил рядом со штабом части – прямо через дорогу. На службу частенько ходил без верхней одежды, перебежал дорогу и уже на рабочем месте.

Зима в тот год выдалась ранняя, снег выпал в конце октября. На улице стоял крепкий морозец, но я, как обычно, не нарушая традиций, в один из рабочих дней прибыл на службу в одном кителе. В штабе была суета. Оказалось, что рано утром прибыла внезапная проверка из столицы, и меня срочно вызвал к себе командир.

В кабинете у командира был председатель комиссии, уважаемый в войсках герой-фронтовик, заядлый охотник и рыбак.

Председатель комиссии, во время Великой Отечественной войны служил в матушке пехоте. Совершил не один подвиг. В сентябре 1943 года, командовал группой из сотни бойцов, которая своим напором и мужеством прорвала немецкие позиции у берегов Днепра, обеспечив тем самым плацдарм для наступления основных сил на Коростень и затем на Киев. За годы войны был четыре раза ранен. Звание Героя Советского Союза ему было присвоено за доблесть и героизм, проявленные в многочисленных боях, за форсирование рек Сейм, Десна и Днепр. Мы очень гордились нашим ветераном, всегда брали с него пример и внимательно слушали его напутствия.

Командир в двух словах обрисовал обстановку и поставил мне задачу: - «Времени мало, комиссия завтра улетает, необходимо доставить уважаемого председателя комиссии в охотничьи угодья, где егеря уже выследили красавца лося и держат его в окладе».

«Ты готов?» - спросил командир. «Так точно» - прозвучал ответ. «Тогда в путь, в машине все укомплектовано для охоты» - напутствовал командир.

В порыве молодой горячки, не заходя в кабинет, а что тут ехать, как был налегке, занял свое место в УАЗике. Через пару секунд мы покатали навстречу любимому увлечению гостя.

Ехать было недалеко, ведь служили в лесу и получалось ехать нам надо было из леса в лес.

Когда до места охоты осталось всего километра три, гость попросил остановиться чтобы подышать лесным морозным воздухом.

Чтобы не мешать уважаемому человеку, я остался сидеть в машине. Проверяющий наслаждался окружающей природой, сладко вдыхал запахи зимнего леса и казалось, что он насыщается природной энергией, так необходимой жителю больших городов.

Вдруг гость жестом поманил меня к себе и попросил не шуметь. Тихо выйдя из машины, я увидел, что он внимательно смотрит на опушку леса. Шепотом попросил карабин, который тут же очутился в его руках и через мгновение раздался выстрел. Посмотрев в сторону выстрела, я заметил лося с красивыми ветвистыми рогами, который как подрезанный сноп, упал на пушистый, мгновенно покрасневший от крови снег.

«Сынок, - спросил стрелок у водителя, - у тебя кружка есть?».

«Так точно» - бодро ответил боец.

«Давай». Взяв кружку у бойца, охотник подошел к поверженному зверю. Я следовал рядом. Ветеран осмотрел трофей. Выстрел был по месту прямо под ухо зверя.

Я не удивился быстрой реакции и меткости ветерана. Сказывалась фронтовая закалка.

«Вот как надо стрелять» - заметил охотник. Затем, трофейным охотничьим ножом из крупновской стали, с которым он никогда не расставался со времен войны, перерезал у лося горло, из которого обильно потекла кровь. Эта процедура нужна для того, чтобы обескровить тушу. Подставил кружку к ране и доверху наполнил ее еще горячей, дымящейся на морозе кровью. Кружку отдал мне, а сам вырезал у зверя семенники и медленно пошел к машине.

«Черный хлеб есть?» - спросил гость у бойца.

«Так точно!» - прозвучал ответ.

«А соль?».

«Так точно!» - вновь прозвучал звонкий голос водителя.

«Давай». Получив запрашиваемое, охотник отрезал два толстых ломтя хлеба, разрезал семенники на мелкие части, положил их на хлеб и обильно посыпал солью.

«Налей мне из фляги», - тихо, так чтобы не услышал боец, шепнул мне ветеран. Я выполнил его просьбу и наполовину наполнил вторую кружку горячительной жидкостью. Гость одним махом осушил сначала кружку со спиртным, затем – кружку с кровью животного и с большим удовольствием стал жевать бутерброд.

«Хочешь попробовать?» - спросил у меня, но я вежливо отказался, так как такую охотничью процедуру видел впервые.

Завершив трапезу «на крови», гость спросил у меня, - «умеешь потрошить тушу?».

«Приходилось» - прозвучало в ответ. «Тогда пошли». Мы быстро вспороли зверю живот, вынули внутренности, отобрали печень, легкие, сердце, почки, упаковали их в пакеты и загрузили в машину. Все оставшиеся внутренности сложили в мешки и оттащили на некоторое расстояние от туши.

«Вот славно я поохотился», - сказал гость, - «на сегодня хватит. Теперь можно возвращаться назад. Отдай лицензию охотоведу, чтобы он ее закрыл. А долю мою привезешь сам. Но только не делай как было в прошлый раз».

«А в прошлый раз вышел вот какой конфуз», - начал свой рассказ гость.

Была приобретена лицензия на добычу взрослой особи лося. Времени на охоту не было, а дни летели как птицы, срок, отведенный для охоты на копытных, заканчивался. Только перед новым годом выдался выходной, и ветеран прибыл на охоту. Погода была мерзкая. Зверь стоял в крепях, но делать было нечего, надо было начинать охоту. Охота не задалась. В четырех загонах зверь уходил от охотников. Или охотникам не везло, или зверь попался бывалый. Лишь только в последнем вечернем загоне вместо взрослой особи, указанной в лицензии, был добыт лось-теленочек, который скорее всего отбил от лосихи-мамы, одиноко блудил в лесу и по неопытности попал под меткий выстрел гостя.

Так как лосенок оказался маленький и порции были мизерные, командир, организатор охоты, чтобы угодить ветерану, закупил на соседней ферме двух упитанных бычков. Их освежевали и по два экземпляра самой лучшей вырезки и филея упаковали и отправили гостю. Однако ветеран был дока и по количеству и качеству полученной порции быстро определил, что ему привезли мясо не дикого животного, убитого им на охоте, а домашнего, хорошо упитанного, да еще в двойном экземпляре. Позвонив угодливому командиру, проверяющий долго распекал его за то, что тот так неуклюже пытался выслужиться.

На всех последующих совещаниях ветеран поэтично расписывал как в охотхозяйстве, находящегося в зоне ответственности услужливого командира, водятся лосимутанты, у которых по два комплекта органов. Так, что сметливый командир долго, до назначения на высшую должность и убытия к новому месту службы, был орудием дружеских насмешек со стороны сослуживцев и героем веселых баек, тиражируемых с множеством неточностей в отличии от реального события.

Выслушав ветерана, я пообещал, что все наставления выполню точно, как было приказано.

В то время сотовых телефонов еще не было и сообщить о своем местонахождении можно было прибыв на место лично или, найдя обычный телефон, позвонить ожидавшим.

Ветеран спросил меня - «Сколько до места планируемой охоты?».

«Совсем рядом» - ответил я.

«Слушай боевую задачу. Иди на базу и доложи, что я успешно отохотился и всю охотничью команду жду в гостинице на ужин. Справишься?» - завершил гость.

«Так точно» - ответил я.

«Постой, ты же, разгильдяй, не одет, - заметил ветеран, - на вот возьми мою шапку, меховую куртку и унты. И на будущее запомни. Когда собираешься на охоту или в лес хотя бы на один день, то готовиться к походу нужно так, как будто ты идешь на неделю. Припаси продуктов, снаряжения и особенно легко, но тепло одевайся. Понял?» - прочитал мне нотацию попутчик. Я виновато мотнул головой.

Прощавшись со мной, гость сел в УАЗик и укатил в гостиницу.

Я быстро зашагал к месту охоты. Добравшись на базу, я от быстрой ходьбы до нижнего белья был мокрым, а унты на размер большие натерли мне до кровавых мозолей ноги.

Охотовед, увидав меня, очень удивился. Но выслушав мой рассказ, закрыл лицензию гостя, дал команду охотникам сворачиваться и собираться для выполнения приказа, то есть прибыть на ужин к знаменитому и уважаемому гостю.

Пока охотники собирались, охотовед с егерем завели меня в жарко натопленную баню, приказали мне принять душ. После душа, для профилактики, растерли меня спиртом. Когда я переоделся в сухую чистую одежду, охотовед налил в стакан почти до самых краев местную самодельную «Беловежскую» настойку и приказал выпить залпом, чтобы не заболеть. Выполнив приказ бывалых охотников, я закусил солеными рыжиками и медвежатиной. Когда команда была в сборе, мы выехали в гостиницу. По дороге я задремал и проснулся, когда мы прибыли на место.

Нас встретил уважаемый гость и пригласил к столу.

Стол был накрыт по высшему разряду, как выражался наш заместитель командира по тылу. Сервировка на уступала знаменитым московским ресторанам. Все было на высочайшем уровне, только было одно исключение. Вместо рюмочек у всех были стаканы, так как ветеран не признавал мелкой посуды и любил приговаривать, - «Выпивать надо по-фронтовому, чтобы чувствовать прелесть и вкус напитка, а не цедить его как немцы, по каплям, будто пьют микстуру. Но меру тоже надо знать. Выпил литр. Мало, выпей два. Мало, выпей три. Но после четвертого литра надо остановиться, ведь во всем мера нужна».

Ужин был совмещен с подведением итогов охоты. Ветеран много рассказывал о своих охотничьих приключениях, давал советы молодым охотникам, вел себя как добрый старший товарищ.

Тосты звучали один за другим. Все знали одно неукоснительное правило, весь вечер можно было не пить, но если тебе предоставлялся тост, то ты обязан был выпить до дна. Если кто не мог выполнить это условие ему ставилось в укор то, что он ни пить не умеет, ни работать не может и на другие застолья его больше не приглашали.

Еще ветеран не терпел, когда ему лукавили. Однажды в ходе очередной проверки к ветерану обратился один из руководителей и сославшись на болезнь попросил разрешения не прибыть на службу. Заботливый проверяющий разрешил и пожелал болящему скорейшего выздоровления.

Но случился конфуз. И ветеран, и отпросившийся руководитель были азартными болельщиками. В этот день играла любимая команда обоих фигурантов истории. Проверяющий следил за игрой любимой команды по телевизору. И надо же было такому случиться, что оператор навел камеру на «заболевшего» руководителя, который как ни в чем не бывало азартно болел на трибуне стадиона, и несколько секунд его лицо на весь экран демонстрировалось в эфире. Ветеран сильно обиделся за такое «болезненное лукавство» с тех пор больше к этому руководителю сам не ездил, а отправлял на проверку самого принципиального и опытного офицера, который мог найти недостатки даже у новенького только, что полученного со склада лома. Так что результаты проверок всегда были не в пользу «лукавого» руководителя. Но ветеран зла не помнил и когда встал вопрос о выдвижении «лукавого руководителя» на вышестоящую должность, молча подписал все необходимые документы.

По завершению ужина гость еще раз поблагодарил всех участников мероприятия, затем подозвал меня к себе, поинтересовался самочувствием и по-отечески пожурил, - «Солдат должен быть всегда готов к выполнению поставленной задачи. Всегда опрятно и по форме одет. Собран. А ты не солдат, а офицер и спрос с тебя вдвойне. Так что устраняй свою не к месту молодецкую удаль. Береги себя и особенно своих подчиненных. Ведь устав не в кабинете писан, а кровью тех, кто к нему относился не серьезно».

Прощавшись со всеми, ветеран уехал проверять боевую готовность частей, а затем убыл в столицу.

А я пошел домой отдыхать. Долго ворочался в постели, вспоминая приключения сегодняшнего дня и напутствие уважаемого гостя.

После этого случая я на всю оставшуюся жизнь запомнил слова ветерана и никогда больше не позволял себе нарушать устав. На службу ходил всегда по форме одетым и требовал того же от своих подчиненных.

Рассказ Владимира Ивановича все выслушали с большим вниманием и «намотали себе на ус» наставления бывалого товарища.

ЭКЗАМЕН

Какой курсант военного училища в перспективе не желает поступить и учиться в военной академии? Но не каждому это дано судьбой.

Молодые лейтенанты стараются служить отлично, что бы их заметили и повысили в должности. Мечтой всех офицеров – является выдвижение на должность, которой штатом предусмотрено воинское звание «майор». Это первая ступень для того, чтобы сбылась мечта юности – поступить в военную академию. Но не всем майорам удастся учиться в военной академии, на всех мест не хватает. Поэтому и конкурс в военные академии внушительный.

После Львовского высшего военно-политического ордена Красной Звезды училища, которое я закончил с дипломом с отличием, я тоже мечтал поступить в военную академию. Служил прилежно, проверки сдавал на отлично, меня ставили в пример даже выпускникам общевоинских вузов. Труды мои не пропали даром, был замечен командованием и каждый год в течение четыре лет подряд назначался на высшие должности и в результате был назначен на «майорскую» должность. Однако не все желания сбываются в один миг. Мне пришлось прослужить ещё пять лет на «майорской» должности, чтобы попасть в число счастливчиков и стать кандидатом для поступления в академию.

Попав в число кандидатов на поступление, я с большим волнением отвечал солидной армейской аттестационной комиссии на задаваемые мне вопросы. Очень нервничал, когда вместе с другими кандидатами ждал вердикта от председателя комиссии полковника Ивана Ефимовича Кузнецова и как безмерно радовался тому, что наконец-то я попал в число счастливчиков, которым предстояло попытать свое счастье на вступительных экзаменах в академию.

Когда все формальности были соблюдены и мои документы были оправлены по команде, я принялся усердно готовиться к экзаменам. Так как я окончил военное училище с дипломом с отличием, то мне предстояло сдать всего один профилирующий экзамен, но только на «отлично». Таким экзаменом по моей выбранной специальности для учебы в академии должен был быть экзамен по военной педагогике и психологии. Изучив программные вопросы, которые необходимо было освещать на экзамене, я подобрал в библиотеке необходимую литературу и открыл учебник на странице, где освещался вопрос по теме «Восприятия». Так как подготовка к экзаменам шла параллельно со службой, а до планового отпуска было еще много времени, полноценно изучить весь материал на отлично у меня не было физической возможности.

То внезапная проверка, то учения, то плановая проверка, то ответственное мероприятие с участием руководства Министерства обороны – все необходимо было провести успешно, чтобы не подводить своих командиров, которые на меня всегда очень надеялись.

Как только выдавалась свободная минута, я начинал штудировать учебник, который постоянно лежал у меня на рабочем столе, но далее темы «Восприятия» у меня никак не получалось отлично усвоить материал.

Вышло так, что тему «Восприятия» я выучил наизусть. Знал, где какой знак препинания и в какой строчке учебника расставлен. Разбуди меня ночью, и я мог без заминки рассказать все, что написано в учебнике о восприятиях.

Другие темы я изучил тоже хорошо, но именно тема «Восприятия» мной была изучена на высочайшем уровне, со множеством примеров, графических схем, таблиц и иллюстраций.

Время летело очень быстро. И вот в один прекрасный день начальник отдела кадров объединения Иван Ефимович позвонил мне и сообщил радостную весть о том, что пришел вызов для поступления в академию.

Подготовив соответствующие документы, простившись с коллективом, и семьей, я ночным поездом убыл в столицу покорять вершины академической науки.

В учебном центре академии на Кубинке нас разместили в одном из многочисленных эллингов, приспособленных под общежитие кандидатов для поступления, распределили по отделениям, довели распорядок дня, график консультаций и время сдачи экзаменов.

Началась подготовка к экзаменам. Время неумолимо приближалось к началу экзаменов. Все консультации прослушаны, темы изучены.

Наступил день экзаменов. На построении начальник факультета – заместитель начальника академии Николай Тимофеевич Таловеров по-отечески напутствовал нас и пожелал отличникам сдать экзамены на «отлично» и влиться в славный коллектив легендарной академии.

По жребию мне предстояло сдавать экзамен в третьей шестерке кандидатов. Очень долго тянулось время, пока первые две шестерки готовилась к ответу и отвечала на поставленные в билетах вопросы. Но вот и моя очередь. Я вошел в аудиторию и четким командирским голосом доложил о прибытии на экзамен.

«Берите билет, товарищ майор» - предложил председатель комиссии.

«Есть» - громко ответил я и взял билет из середины кучи конвертов, разложенных на столе.

Вскрыв конверт, я чуть было не вскрикнул от радости. Мне попался билет, в котором было, как положено два вопроса. Первый из них – «Восприятия».

Председатель комиссии с ухмылкой спросил: «Судя по вашим эмоциям вы готовы отвечать без подготовки?».

«Так точно», - ответил я.

«Если вы хорошо подумали и так уверены в себе - сказал полковник, - отвечайте».

Отрапортовав слово в слово тему из учебника, я привел примеры из своей срочной службы в мотострелковых войсках, учебы в военном училище и офицерской службы в Ракетных войсках стратегического назначения (РВСН), в которых разъяснил процесс отражения в сознании военнослужащего предметов и явлений реального мира в их целостности, в совокупности их различных свойств и частей и при их непосредственном воздействии на органы чувств.

Члены комиссии замерли от неожиданности. Такой глубины знаний у кандидата они в своей практике встречали не часто. Ни практических, ни теоретических вопросов по теме у комиссии не было.

Второй вопрос о ленинских принципах воспитания военнослужащих я доложил так же четко и уверенно. Вновь приведя примеры из моего армейского опыта.

Председатель комиссии еще раз прочитал мою справку-объективку и задал вопрос «Неужели вы ни одного дня не были заместителем командира по политической части?».

«Никак нет, - ответил я, - моя специальность культурно-просветительная работа. Я прошел все должности от начальника клуба полка до начальника Дома офицеров гарнизона».

Наш диалог был прерван вошедшим в помещение Николаем Тимофеевичем Таловеровым, который, как потом мне рассказали товарищи по поступлению, все мои ответы слушал, стоя у двери аудитории.

«Хватит мучить майора, – сказал он, обращаясь к комиссии, – он нам на факультете пригодится».

«А вы, товарищ слушатель, сказал он, обернувшись ко мне – собирайтесь, через час выдвигаемся в академию. Жить будете на Пироговке (ул. Большая Пироговская, общежитие академии), на месте получите задачу в соответствии с вашей специальностью, если не хотите копать траншеи для электроснабжения учебного центра. Жду вас на контрольно-пропускном пункте».

Вернувшись в эллинг, а путь мой пролегал как раз мимо той траншеи, которую копали четыре храбрых майора и один подполковник, я быстро собрал свои скромные пожитки, свернул матрас и спальные принадлежности и понес сдавать их на склад.

В академии была традиция, когда кандидат на поступление проваливал экзамен и совершал «полосатый рейс», то есть шел сдавать постельные принадлежности, проходящий мимо строй переходил на строевой шаг, держал равнение на неудачника и хлопал ему в ладоши.

Меня миновала эта участь, так как только была дана команда «смирно», ее тут же отменил Николай Тимофеевич сказав: «Этого не обижайте, он уже поступил».

По пути в академию Николай Тимофеевич начал рассказывать мне о себе.

Оказалось, что мы земляки. Наши пути, правда, в разные годы до нашего знакомства, неоднократно пересекались.

Родился он в с. Печановка Дзержинского района Житомирской области на Украине.

А я в городе Каменец-Подольский на Хмельниччине.

Срочную службу я начинал в 320 гвардейском мотострелковом учебном полку 117 гвардейской учебной танковой дивизии, дислоцированной в г. Бердичеве Житомирской области, а продолжил в 274 мотострелковом полку 24 мотострелковой Самаро-Ульяновской, Бердичевской Железной ордена Октябрьской Революции, трижды Краснознаменной орденов Суворова и Богдана Хмельницкого дивизии в городе Яворов (Краснознаменный Прикарпатский военный округ).

Николай Тимофеевич с 1957 по 1960 годы проходил срочную службу в 23 отдельном полку связи и радионавигационного обеспечения 46 воздушной армии Дальней авиации, дислоцировавшемся в Смоленске на улице 1-й Краснинской (с 20 октября 1962 г. улица имени Адриана Григорьевича Николаева, лётчика-космонавта, дважды Героя Советского Союза, генерал-майора авиации). Затем был заместителем командира роты по политической части в управлении 50 ракетной армии РВСН.

В Смоленск я прибыл в 1986-м на должность заместителя начальника Дома офицеров. А на момент нашего знакомства я был уже начальником Дома офицеров.

Жаль, что по независящим от нас причинам все это воинские формирования давно расформированы.

Так как наши пути-дорожки косвенно переплетались, и мы были «земляками» по проживанию и военной службе, заместитель начальника академии заприметил меня, внимательно изучил мою служебную карьеру и взял меня под свою опеку.

Всю дорогу мы говорили о наших общих по Смоленску знакомых, а в конце разговора он спросил меня: «Скажи честно, ты наверно пользовался шпаргалкой, что так четко и слово в слово изложил вопросы билета».

Мне пришлось рассказать ему всю историю с моей подготовкой и почему я наизусть знал именно тему «Восприятия».

Долго мы смеялись над моим рассказом, а затем Николай Тимофеевич заключил сквозь смех «Ну ты и везунчик».

ПУШОК, РЫЖИЙ И ДРУГИЕ

После ухода на заслуженный отдых Николай Героньевич не мог сидеть дома без работы. А работать он начал с 15 лет в 1944 году, да не где ни будь, а в «горячем» литейном цехе завода твердосплавных инструментов имени Г.И.Петровского одного из старейших предприятий города. Для фронта он лил корпуса снарядов, приближая час Великой Победы над ненавистным врагом.

Чтобы не бить баклуши, а приносить пользу семье, он по согласованию со своей супругой приобрел в ближайшем пригороде в селе Должок жилой дом с хозяйственными постройками, колодцем и участком земли. На участке был ухоженный сад и огород. По новой моде свое приобретение он назвал дачей. А так как свое детство он провел в селе Зиньковцы, расположенном рядом с городом, где имелся дом и большой земельный участок, то работать на земле ему не пришлось учиться.

Первой живностью, которая появилась на даче были кот Рыжий и пес Пушок. Появились они одновременно и подружились как братья. Даже кушали из одной миски, а когда кого-либо из них кто-то угощал вкусностями, то они по-братски делились между собой. Пушок специализировался на охране участка. А Рыжий был специалистом по выявлению и уничтожению грызунов, которые совершали набеги на участок. Он так преуспел в кошачьей охоте, что со временем стал даже грозой крыс, которые редко, но забегали на дачу.

Следующими жителями дачи стали милые пушистые цыплята. По истечении положенного времени цыплята превратились во взрослых несушек и радовали хозяев свежими яйцами. Среди несушек своим гордым и независимым видом выделялся петух Петька. Как в песне поется на «восемь девок – один я». Петька ревниво следил за своим гаремом, и несушки его слушали, старались не нарушать местной идиллии. Хозяина дачи Петька боялся и уважал, а к остальным обитателям дачи относился высокомерно с пренебрежением. Он неоднократно налетал на хозяйку и наносил ей болезненные удары клювом по ногам, раны от которых долго не заживали. А с внучатами он вообще не церемонился, когда взрослые были заняты на огороде или в саду, он постоянно гонял их по территории. Словом – настоящий агрессор и первый кандидат на основную часть для душистого бульона.

Затем Николай Героньевич приобрел милого розово-черного поросеночка Ваську из породы крупная черная. Ваську, как и других обитателей дачи, кормили от пуза. Со временем он превратился в гиганта свинячьего мира, весом более трех центнеров. Во время уборки сарая, где размещался Васька, хозяин выпускал его во двор погулять. В это время проявлялась вся свинячья натура хряка. Он подходил к собачьей будке и без зазрения животной совести съедал все, что было в собачьей миске. В период пиратского захвата еды Пушок забивался глубоко в свое жилище и жалобно скулил, как бы жалуясь хозяину на свинячий беспредел. А его друг Рыжий сидел на сливе и злобно шипел на агрессора. Но эти действия никак не влияли на поведение Васьки. Доев собачью еду, он принимался за куриную, а затем ел все, что находилось во дворе дачи. Уничтожив все съестные запасы, он, прижавшись к углу сарая похрюкивая, начинал чесаться. Чесался так, что сарай ходил ходуном. И хозяин вынужден был прерывать свою работу и отгонять великана от сарая. Чтобы тот его не завалил.

Через какое-то время на даче появились миленькие, пушистые кролики. Внучата очень любили играть с ними и постоянно помогали бабушке собирать траву для их пропитания, чистили и устилали клетки свежим пахнущим разнотравьем сеном или душистой соломой.

Время шло, обитатели дачи благодаря хорошему уходу росли как на дрожжах, превращаясь в матерую, упитанную и аппетитную живность.

Так продолжалось все лето. Однажды утором, покормив своих подопечных, Николай Героньевич нарубил дров, растопил печь, поставил на нее чугунок с водой и принялся готовить ингредиенты для наваристого украинского борща. Достал из холодильника хороший с пол ладони кусок сала и немного поразмыслив не стал его резать на мелкие куски, а целым положил в чугунок. Стоя у стола спиной к печи, нарезал лук и капусту, натер морковь и свеклу и приступил к чистке картофеля. В это время в дом зашла приехавшая из города дочь. Она привезла лакомства для внучат, продукты и другие необходимые на дачи вещи.

Хозяин попросил ее присмотреть за варящимся в чугунке салом. Дочь увидела, что крышка лежала рядом с чугуном, в котором кипела вода с признаками когда-то находившегося в ней чего-то жирного и спросила отца, о каком сале он говорит. Николай Героньевич подошел к чугунку, заглянул в него и с удивлением проговорил: «Неужели так быстро сало могло раствориться в воде. Хотя сало не растворяется в воде, а варится». В недоумении он огляделся вокруг, но нигде сала не было видно.

Выйдя во двор к колодцу за свежей водой, хозяин заметил, что Пушок и Рыжий смачно облизывают свои лоснящиеся от жира морды, виновато поглядывая на хозяина, один – из собачьей будки, а другой – сидя на яблоне. Разглядев такую картину, Николай Героньевич догадался, куда делось сало. Выругавшись своим фирменным выражением: «Вот скотына безрога!», он позвал дочь и в красках начал объяснять ей куда делось сало и что сделает вору, когда его поймает.

А дело было так. Как только хозяин отвернулся от печи, Рыжий никак не мог упустить такой случай, чтобы не полакомиться на дармовщину, вскочил на печь, сдвинул лапой крышку и подцепив когтями сало, вытащил его из кипящего чугуна, намертво закусил деликатес в зубах и стремглав бросился в собачью будку к Пушку. В жилище друга они по-братски поделили и съели добычу. А затем стали ждать реакции хозяев на их выходку. Как известно реакция не заставила себя долго ждать, и кот длительное время не появлялся в доме, как будто ведал про народную поговорку «Знает плут, чье сало съел», да и боялся очередного нагоняя от хозяина.

Прошло некоторое время и одним ранним утром у порога хозяин увидел «кошачьи трофеи»: средних размеров крысу и четыре мыши. Они были уложены в рядок у порога. Николай Героньевич оглянулся и увидел, что Рыжий сидит на своей любимой яблоне и внимательно наблюдает за хозяином, медленно виляя хвостом. «Что заглаживаешь вину – ворюга? Смотри у меня!» – проговорил хозяин. Кот понял, что до прощения остался один шаг и мелодично замурлыкал. Через некоторое время Рыжий был прощен. И жизнь шла своим чередом.

Однажды дочь привезла на дачу различные продукты, среди которых была любимая в семье вареная «Докторская» колбаса. Как всегда, она разложила продукты по полочкам, а колбасу уложила в кастрюлю и прикрыла крышкой. Управившись с привезенным провиантом, она пошла помогать родителям на огород.

Подошел час обеда, и мать пошла накрывать на стол. Ко всем приготовленным блюдам, осталось добавить всеми любимые бутерброды с колбасой. Однако, в условленном месте, где хранилась колбаса, ее не оказалось. Крышка от кастрюли валялась на полу, а от любимого лакомства только след простыл.

Мать вышла на улицу и увидела уже знакомую картину, Пушок, облизываясь, лежал перед своей будкой, а Рыжий, сидел на любимой яблоне и, как всегда в случае воровства вкусоностей, виновато смотрел на хозяев.

«Вот ворюга» – проворчала мать. Но делать было нечего, колбасу не вернешь. Так что обедать пришлось без «Докторской».

Этот случай подтвердил опасения хозяина, что в его окружении появился настоящий матерый ворюга. И ворюгой был безобидный и ласковый кот Рыжий.

Вновь прошло некоторое время, в течение которого кот не появлялся дома. Затем хозяева увидели знакомую им картину. У порога лежали «кошачьи трофеи», а виновник внимательно наблюдает с яблони, и ждет, когда ему можно вернуться домой, получив очередное прощение.

Теперь хозяева точно знали, если пропало что-то вкусное из съестных запасов – это работа Рыжего.

А если возле порога лежат «кошачьи трофеи» – значит ворюга, что-то спер, замаливает грехи и ждет помилования.

Судьба вора оказалась печальной.

Рыжий, войдя во вкус дармовщины, начал таскать соседских цыплят, утят и другую мелкую живность, а затем, вовсе потеряв кошачью совесть, стал носить вкусности из кухонь и погребов соседей. За эти проделки ему постоянно доставалось «на орехи» от окружающих, и однажды Рыжий пропал. Его долго искали хозяева, но безрезультатно. Скорее всего кто-то из пострадавших претворил свое агрессивное обещание – силой прекратить «кошачий беспредел».

Из всей живности дачи больше всего о Рыжем тосковал Пушок. В одночасье он лишился не только преданного и верного друга, но и главного поставщика всяческих деликатесов.

А для защиты территории дачи от грызунов хозяевам пришлось заводить нового кота.

Александр Анатольевич Салмин.

Родился 22 июня 1957 года. В 1978-м окончил Курганское высшее военно-политическое авиационное училище, а в 1994 г.- Астраханский государственный педагогический институт, квалификация-учитель истории. С 1978 по 2005 годы проходил службу на различных командно-политических должностях в Государственном научно-испытательном институте, в настоящее время летно-испытательном центре имени В.П. Чкалова. С 2000 по 2005 год являлся главным редактором газеты

«Испытатель». Уволен в запас в звании подполковник. С сентября 2005 до марта 2018 года работал в администрации МО «Ахтубинский район» помощником главы по работе с общественностью, СМИ и взаимодействию с силовыми структурами.

Является автором книги «Город, влюбленный в небо», исторических очерков, рассказов и повестей на авиационную тему.

В 2003 году за очерк «Главная награда войны» об участнике Великой Отечественной войны награжден медалью и дипломом лауреата конкурса «Славянских журналистов». В 2004 г. награжден часами Главкома ВВС за военно-патриотическую направленность газеты «Испытатель», высокое чувство долга и профессионализм.

Победитель Всероссийского литературного конкурса имени генералиссимуса А.В.Суворова 2018 года.

ЛЕТЧИК ОТ БОГА

Очерк

Часть первая

Первые впечатления. Обычно говорят - они самые верные, запоминающиеся. Оставляя тонкий след в недрах нашего сознания, они точно воспроизводят наиболее яркие мгновения прошлых встреч. А когда в поле твоего внимания оказываются личности незаурядные, героические в своем роде, то память, даже спустя время, ничуть не тускнеет, скорее, наоборот, позволяя воспринимать их уже по - другому, так сказать, в свете рампы и софитов.

Человек, о котором мне предстоит рассказать, и так занимал верхнюю ступень звездного ареопага. Ему хватало известности в своей среде, именно поэтому он старательно избегал обжигающих лучей славы. Для посторонних же он оставался просто шеф-пилот, мистер Икс нашей авиации.

ПАМЯТНАЯ ВСТРЕЧА

В тот вечер, в большом зале молодежного кафе было многолюдно. Причудливые люстры в стиле псевдобарокко, с лепными вензелями из подкрашенной под золото алебастры, соперничали в изяществе со своими подружкам из венецианского хрусталя. Свидетелями выступали огромные, до блеска вымытые оконные стекла, не упускавшие случая сверкнуть своим отражением. С завистью поглядывая на соперниц, мелодично

солировали стеклянные подвески, давая понять, что они тоже заслуживают восхищенных взглядов. Но присутствующие мало обращали внимание на такие мелочи, ставшие уже привычными, проявляя интерес к главным героям вечера.

Двухэтажное кафе постройки середины 50-х, впитавшее в себя дух и архитектурный стиль эпохи, гармонично вписывалось в ансамбль молодого Ахтубинска, являясь не только одной из его главных достопримечательностей, но и местом паломничества многочисленной офицерской общины города. В уютном зале можно было пообедать на лейтенантскую зарплату, угостить друзей, а иногда, когда выпадал случай, отметить событие значимое, став свидетелем грандиозных торжеств.

Едва прослушав приказ о присвоении генеральских званий, Александр Саввич Бежевец, получивший раньше другую звезду - Героя -за полет, наделавший столько шума на Западе, озорно подмигнул начальнику политотдела ГК НИИ ВВС Лесовскому и громко спросил: «А где же третий?» Третьим, необходимым в таком случае и по такому поводу, был Степан Анастасович Микоян. Своим генерал-лейтенантством он был во многом обязан друзьям и летному институту, где испытал большинство авиационной техники. Поэтому, не задумываясь, прилетел в Ахтубинск, чтобы отметить общее с ними, как он считал событие. Тосты за взлеты и посадки, их счастливый счет, воздушные трассы, ведущие к новым высотам, звучали, словно аккомпанемент к набирающему силу застолью. В восьмидесятые на эстраде доминировали итальянцы, и чуть только первая, сладкозвучная волна прокатилась по залу, дамы предоставили возможность своим кавалерам проявить галантность, так идущую людям в погонах.

Ильюшин появился неожиданно. Внезапно возникнув в кругу танцующих, он ловко перехватил микрофон у солиста и, извинившись, хрипловатым голосом, сначала поздравил своих товарищей, а затем, приблизив его вплотную к губам, стал читать стихи. Декламатор он был не ахти какой: слегка по хмельному запинаясь, то быстро чеканил отлитую в рифму строку, то будто срывался в словесную пучину, стремительно барабанил и накладывал одну фразу на другую.

Неизвестно, чего в нем тогда было больше: буйной отваги воина или задумчивой лиричности поэта. Но, слившись воедино, все вместе представляло сплав большой энергоемкости. Слегка покачиваясь в такт словам, он словно плыл, стараясь сохранить равновесие, лишь иногда поправляя густую прядь, старомодно зачесанную назад. Хищный орлиный нос и пронизывающий взгляд подразумевали генетическую предрасположенность к профессии, чей удел небо, скорость и высота. Как-то незаметно зал притих. Дружеские улыбки сменило внимание, потом удивление к человеку, способному так искренне и проникновенно читать стихи на память, причем делать это в течение сорока минут, не прерываясь.

С того памятного для меня события минула вечность, точнее почти жизнь, которую каждый прожил по- своему. Слишком давно все было. Случайно оказавшись в кругу авиационной элиты страны, я с благодарностью внимал, стараясь удовлетворить свое любопытство и тщеславие. Безусловно, Ильюшин производил сильное впечатление: уверенный в себе, даже чересчур раскованный, он не походил на знаменитых первопроходцев советской авиации, оставаясь самим собой, и при этом, по сути, являясь живой легендой. Все сопутствующие его статусу регалии-Героя Советского Союза, генерала и заслуженного летчика испытателя он получил давно и привык не обращать внимания на восхищенные возгласы за спиной: «Смотри, сам Ильюшин пожаловал». С другой стороны, мало ли в нашей стране героев? Таких, с именем, которых связано развитие отечественной авиации, немного.

Осенью 2004 года мы встретились снова. Он не узнал меня, впрочем, это было и не важно. Совсем другие обстоятельства, иной, заложенный судьбой смысл. Тогда ему приходилось брать ответственность на себя, передавая ручке управления опытной крылатой машины, слагаемые своего мастерства, интуицию и уверенность в надежности техники. И

никто, кроме него самого, не мог разобраться в самых сложных ситуациях, вызванных неподконтрольным поведением самолета, еще не описанных в схемах, технических инструкциях и расчетных формулах. Теперь же он больше слушал, передавал свой опыт молодым или, как в этот раз, наблюдал за происходящим в качестве почетного гостя. Его пригласили на празднование 84-ой годовщины ГЛИЦ им. В.П.Чкалова и заодно попросили принять участие в еще одном значимом событии-10 летнем юбилее ахтубинской школы интерната с первоначальной летной подготовкой. Сам когда-то начинавший летать мальчишкой, он не смог отказать себе в удовольствии встретиться вновь со своей молодостью. Это небо давно породнило его с ахтубинской землей, и своим лучшим годам в авиации он также обязан маленькому городу на Волге.

ОТ ВИНТА!

А ведь военным летчиком-испытателем он стал случайно. Многим знавшим его тогда казалось, что другого пути, чем унаследовать дело отца, у него нет. Сама за себя говорила фамилия, атмосфера в которой вырос, воспитывался и должен был бы перенимать азы профессии. Ильюшин - старший тоже мечтал увидеть сына в авиационной форме, но стоящим за кульманом, в конструкторском бюро, тщательно строящим графики и вырисовывающим контуры летательных аппаратов будущего. Размолвка, о которой почти никто не догадывался, развела их почти на двадцать лет. И только значительно позже, спустя многие годы, когда отец уже тяжело болел, они встретились вновь.

Телефонный звонок и знакомый голос: «Заходи ко мне, пожалуйста», связал на время ниточку их отношений, прерванную вообще-то по взаимному согласию. На первый взгляд, казалось странным, что отец его не понимал. А может быть, боялся за него. Скорее всего, так и было. Сам руководитель большого конструкторского коллектива, привычно рассчитывающий запас прочности и предел допустимых нагрузок он прекрасно понимал, как порой непостоянна божественная власть над силой, удерживающей машину в небе и неотвратима кара земного тяготения.

Аэродинамическая труба, представляющая собой огромное металлическое жерло, сопящее и устрашающе подвывающее на все нечеловеческие голоса, сильного впечатления на мальчишку не произвело. В 1942 году отец специально привез его в ЦАГИ, чтобы показать каким образом происходит продувка модели самолета. Боясь перечить, он тайком мечтал о другом. А какие еще мысли могли прийти в юную голову, когда к ним домой запросто приходили пилоты, чьи имена, словно слова из песни наполняли сердце отважной решительностью, а в душе, не спрашивая разрешения, тихо звучала мелодия авиационных моторов.

«От винта!»- раздалась привычная команда и, ухватившись за лопасть, он дернул ее со всей силой. Выдавший виды биплан, иронично прозванный в кинофильме «Небесный тихоход» у-двас, а позже переименованный в ПО-2, сначала покрылся мелкой дрожью, а затем, преодолев страх начал подпрыгивать от нетерпения.

-Давай в кабину, - махнул рукой Коккинаки, краем глаза следя, чтобы молодой моторист не зацепился за стяжку крыла и не тюкнулся носом вниз. Набьет шишку, а ты потом оправдывайся перед старшим Ильюшиным. Уж он -то знал скептическое отношение Сергея Владимировича к увлечениям сына, и не дай Бог, что случится - головы не сносить. И все же шел на рискованный шаг, брал Володьку с собой в полет. Нравился ему пацан. «Терпения тебе Вовка не занимать», - как-то сказал Коккинаки, подразумевая то ли старательность с какой тот обслуживал аэроплан, то ли деликатность, не позволяющую тому вот так, напрямую, попросить его научить летать. Видно, в парне хватало того и другого, иначе не рискнул, не доверил ему ручку управления самолетом. А тут просто сказал: «Залезай в кабину», - и уже потом, когда взлетели «Держи горизонт». И все! Возможно,

вспомнил свой первый полет, а может, почувствовал в парне крепкую жилку. Не случайно он разговаривал с ним, как с равным.

- Ты не смотри сынок, что я Герой Советского Союза и начальник лётно-испытательной станции в ОКБ твоего отца, сейчас моя жизнь в твоих руках.

Легко сказать «держи», а когда тебе лет всего ничего, и дрожь в коленках напоминает о прелюдии к страху, тут уже не до сантиментов. Стремительный воздушный поток, ворвавшийся в кабину, привел в чувство. Постепенно он справился с первым волнением, выдержал горизонт и курс. С посадкой оказалось сложнее. Тут Коккинаки ему подробно объяснил, как производить расчет, снижение и выравнивание. А сколько было радости, такой неподдельной мальчишеской гордости, когда в обыкновенную ученическую тетрадь, переделанную под учтёвскую, он вписал первые часы полета. Хороший ему попался наставник. О таких потом вспоминают всю жизнь, благодарят за подсказанную дорогу, за то, что не сбился, выдержал характер.

Однажды, Коккинаки вызвал его к себе и так просто, без предисловий, будто посылал в сельпо за сигаретами, предложил: «Ты, Вовка, слетай по - шустрому в Фили. Это по прямой километров пять будет, пакет надо передать. Вон, на стоянке, видишь По-2. Бери и дуй, что есть духу. На заводе тебя встретят, можешь двигатель не выключать». Сделал все, как учили, только на этот раз в кабине больше никого. Так он «встал» на крыло. Мальчишка, тайком от отца и даже вопреки его воле, вознамерившийся самостоятельно оседлать свою судьбу.

Легкий биплан сначала бросало из стороны в сторону, иногда он тревожно клевал, зарываясь тупым носом в воздушную яму. И только отчаянный рубака - винт, беспощадно терзал небесную плоть, доказывая свое бесстрашие и превосходство над любой стихией. С каждой минутой самолет поднимался все выше и выше, вскоре достигнув предельного потолка. Развернувшись и сделав круг над полосой земли, казавшейся отсюда, с заоблачных небес, узкой лентой, «кукурузник» взял курс на соседний аэродром. Тогда ему и в голову не приходило в чем - либо сомневаться - таково свойство молодости. Справившись с охватившим его волнением, он думал только об одном: не ошибиться при расчете посадочной скорости и не промахнуться мимо полосы. Ощутить радость от мягкого приземления удалось с первого захода. Зарулив на стоянку и заглушив двигатель, он соскочил на крыло, и, усевшись на нем, свесил ноги, поджидая кого-нибудь из начальства.

-Ильюшин, сукин сын, - первое, что он услышал. - Мать моя женщина, - понеслось вослед, - кто тебя одного в полет выпустил? Хватаясь за голову, которой видимо задел за хвостовую часть аэроплана, и слегка приседая, пристанывал директор филёвского завода, хорошо знакомый ему по совместным полетам с Коккинаки.

От неожиданности он вздрогнул, но затем, рассмеявшись над комичностью ситуации, свалился в траву. Директор лишь махнул рукой и, не сказав ни слова, зашагал вдоль полосы.

- С крещением тебя сынок! Подняв голову, он увидел сияющее лицо техника. В следующий раз, когда будешь падать, просто расправляй крылья пошире. У такого орла они должны быть крепкими.

ЗАМЫСЛОВАТАЯ КРИВАЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Профессию выбирают, а профессионалами становятся, так, кажется, нас учили в школе. Свою профессию Ильюшин не выбирал. Было бы странным увидеть его с указкой в руках или мысленно представить в качестве завлаба какого-нибудь НИИ. Когда тебе четырнадцать, и ты с утра до вечера пропадаешь на аэродроме, а дома можешь спокойно созерцать авиационных кумиров всей страны и даже поучаствовать в спорах, мысленно поддакивая или возражая своему обожаемому оппоненту, то мечтать о чем-нибудь другом, кроме неба, даже в голову не приходило.

Другое дело стать профессионалом. Тут большой соблазн воспользоваться блатом или нужными связями. Естественный отбор в среде себе подобных, такой же бескомпромиссный и жесткий, как и в дикой природе, навязывая свои законы выживания. Человеку, куда сложнее пройти внутреннюю эволюцию, сдав экзамен на зрелость по главному в жизни предмету: востребованности и полезности людям. Может быть, кому-то и удастся на время обхитрить судьбу, перемахнув сразу через несколько ступеней, но можете не сомневаться, рано или поздно он споткнется, больно набив шишку.

Ильюшин шишек не боялся, потому что верил в себя и точно знал, чего хочет. Сначала он получил летную практику. Уроки Коккинаки не прошли даром. Затем учась в академии им. профессора Жуковского окончил аэроклуб. Требовалось официально подтвердить свой статус. Одно дело самоучка, хоть и демонстрирующий хорошую школу пилотажа, и совсем другое - заветная «корочка», открывающая дорогу в небо. Несколько его однокурсников по академии, также насчитывали по десятку, другому часов налета. Этим, видимо, и запомнился выпуск, первый и единственный с таким количеством окрылившись летчиков. Если, конечно не принимать во внимание фамилии, уже известные в авиационной среде и ставшие таковыми чуть позже. Помимо самого Ильюшина, курс заканчивали Степан Микоян, Георгий Баевский, Сергей Дедух, Александр Щербаков и Игорь Емельянов, трагически разбившийся на Чкаловской, сразу после выпуска.

Спортивная программа в аэроклубе давалась ему легко. Без труда сначала освоил УТ-2, ЯК-18 и в заключении пересел на ЯК-11. Но чтобы стать настоящим военным летчиком не хватало главного - полетов на современной реактивной машине.

Замысловатая кривая обстоятельств, желанных встреч и сопутствующих факторов, невольно выводят нас на заветную прямую, предоставляя шанс воспользоваться случаем. Для него, слушателя академии, получившего добротную техническую закуску, не представляло особого труда обнаружить и разобраться в неисправности двигателя, устранить дефект, но сейчас ему самому требовалась помощь. Как всегда, на выручку пришел его друг и наставник. Ильюшин очень верно оценил ситуацию: «Если бы не Владимир Константинович, я, наверное, не сделал бы ничего подобного и никем не стал». Сам Коккинаки отнесся к просьбе спокойно.

-Володька, ты же знаешь, я на твоей стороне. Сейчас позвоню Женьке Савицкому, и он все уладит.

Услышав фамилию командующего авиацией ПВО страны, Ильюшин пытался возразить.

-Не надо сантиментов, - прервал его Коккинаки. У каждого из нас свое предназначение, а роль твоё призвание летать, то хвосты самолетам должны заносить другие. Вот мы с твоим отцом давно поделили между собой, кто чем должен заниматься. Он конструирует самолеты, я испытываю. Лучше, приходи на Красную площадь, сам все увидишь.

Услышать об очередной победе отца было приятно, тем более, реактивный бомбардировщик Ил-28 первым поднял в воздух Коккинаки. Поэтому без раздумий согласился поглядеть на воздушный парад. Первомайская феерия тысяча девятьсот пятидесятого года оказалась настолько грандиозной, что когда над главной площадью страны прошло звено реактивных ИЛов, захватило дух. Не удержавшись, он высоко поднял руки и громко закричал «Ура!». Лишь минутой спустя, слегка смутившись, оглянулся по сторонам и увидел, что подхваченное многотысячной толпой приветствие, продолжало гулять по московским улицам. Эмоциональный заряд, полученный им, словно электрическая батарейка подпитывал весь год, позволив без труда отлетать на реактивном Як-17. Получив, как говорили в дореволюционной России военлеты «бреве» - свидетельское право на

самостоятельные полеты, он наконец-то почувствовал себя спокойно. Событие отметили, как и положено в академии с друзьями – однокурсниками. Налив по полной

граненой рюмке армянского коньяка, выбранного с учетом вкуса Степана Микояна, бросил в нее крошечный пропеллер, снятый с петличек.

-Ты чего?- удивился Дедух.

- На счастье, - выдохнул он, одним махом опустошив рюмку. Ему и в голову не приходило, что через несколько лет суждено стать известным, более того, авторитетнейшим летчиком-испытателем послевоенной эпохи.

Поезд с Казанского вокзала отходил вечером, и у него оставалось несколько часов, чтобы попрощаться с родителями. Отца он дома не застал, тот обычно засиживался в КБ допоздна. Набрав номер приемной, не представившись, попросил соединить, но услышал: «Сергей Владимирович занят». Спустя некоторое время, повторил звонок и снова услышал невразумительный ответ.

-Будущее покажет, кто из нас прав, - вгорячах он пнул ногой по тумбочке, с холодным безразличием проследив, как стоявший на ней телефон неуклюже хлопнулся на пол. На обратном пути заехал в академию. Выйдя в районе станции «Динамо», сразу обратил внимание на огромную афишу. В единоборстве за мяч встретились два футболиста. Набранный крупными буквами текст приглашал на матч принципиальных соперников ЦДСА-«СПАРТАК».

- Вот так, хотел сходить на футбол, а приходится уезжать. Ладно, как-нибудь в следующий раз, успокоил сам себя, понимая, насколько призрачным может быть это желание. Неожиданно сзади кто-то хлопнул по плечу. Обернувшись, увидел Жорку Баевского, так же, как он, перед отбытием к месту дальнейшей службы решившего навестить альма-матер.

-Поезд через несколько часов, пойдем, прогуляемся? Времени действительно было достаточно, и они зашагали в сторону расположенного рядом сквера.

-Слышал, тебя направляют в Куйбышев?

-Да.- Ильюшин улыбнулся, не скрывая искренности своих чувств. -Надеюсь, что полетаю на новой машине.

-Тебе повезло.- Баевский замолчал, размышляя, говорить или нет. Но затем, понимая, что перед ним товарищ, продолжил:

- Тут у нас один командированный прибыл. Знаешь, откуда?

-Догадываюсь, - Ильюшин, не стал переспрашивать, давая возможность высказаться откровенно.

-Воевал в Корее, - стал рассказывать Баевский, со вкусом, будто побывал там сам, передавая подробности случившегося.

-Представляешь, наши МиГ-15 во всю долбают американцев. Я всегда был уверен в преимуществах советских истребителей, но тут другая история. В одном бою шестеро «мигарей», почти лоб в лоб встречаются с шестью десятками самолетов противника. Те спокойно, ничего не подозревая, идут бомбить корейцев. Правда, солнышко им в глаза, нам в спину. Следует полуразворот и заход в атаку. Фактически ближний бой. Один F-80 загорается сразу и уходит вниз. Другие от неожиданности запаниковали, нарушили строй и рассыпались, спасаясь от преследования. Короче, как зайцы на болоте.

-А почему зайцы?- переспросил Ильюшин.

-Ну, это я так, образно. Беленькие, пушистые, лапки высоко задирают, бояться испачкаться. А как опасность - так дуют во весь опор.

Несколько дней, уже прибыв к месту назначения, он находился под впечатлением услышанного. Случай, учитывая соотношение сил, казался невероятным, но тем более хотелось побыстрее взяться за настоящую работу, доказать, что ты на деле летчик-испытатель.

ГОТОВ К ТРУДУ И ОБОРОНЕ

Истребитель ему приглянулся. Абсолютно новая аэродинамическая схема позволяла развивать хорошую скорость, выполнять фигуры высшего пилотажа, демонстрируя так необходимую в бою маневренность. Он сразу почувствовал машину, дав ей возможность не стесняться в проявлениях своих чувств. Получилось нечто похожее на любовь по расчету. Для продолжения дальнейшего романа не хватило времени. Новосибирскому заводу срочно требовались летчики. Кто-то из своих ушел в отпуск, других приходилось менять из-за болезни.

По всей видимости, что-то в этой жизни есть такое, о чем каждый из нас даже не предполагает. Загадка, остающаяся тайной, предчувствие, так и не реализованное в желание или просто случай, способный взорвать подсознание.

Последовавший вскоре переезд в Новосибирск мог, конечно, означать нечто из области передачи мыслей на расстоянии, но на самом деле явился осознанной реакцией на его неутолимую жажду летать. На заводской проходной, предъявляя служебное удостоверение, он уткнулся носом в старую газетную вырезку, кем-то приклеенную на стенку. Прошлогодний воздушный показ, вызвавший такую бурю эмоций, стал историей, а слегка заляпанные грязью печатные буквы по-прежнему пели гимн авиации: «Нам есть чем гордиться и чем защищать себя!»

Ему было не до мотивчика, когда он поднимал головной МиГ-17 с форсажем, но затем при разборе полета дал волю чувствам.

-Никто не отрицает, Чкалов - герой и символ нации. Ему поклонялись и будут поклоняться люди.

В прокуренной летной комнате авиационного завода спор не утихал несколько дней. Ильюшин старался осторожно, не ущемляя великой любви к национальному герою, высказать сомнения, продиктованные смыслом его профессии. Немного помолчав и дав остыть страстям, продолжил.

-Вместе с тем, он нарушил все летные законы, попрали инструкции ЦК и превысил допустимые пределы безопасности. Даже тогда, в последнем полете, вместо того, чтобы «ходить» по кругу, зачем-то ушел в сторону и виражировал над дачей товарища Сталина.

-Хватит тебе, Володя. Если бы не Чкалов, И-16 так и не приняли на вооружение. Именно он выжал из него все возможное, заставив поверить в машину. И в Испании, заметь, именно «ишачки» задали перца фрицам.

- Вот и перешли на крик,- подумал Ильюшин,- еще немного и сорвемся в штопор. А так хотелось просто поговорить.

- Согласен. Чкалов величайший экспериментатор, воздушный виртуоз, но одного этого мало, тем более, сейчас, в эру реактивной авиации. Помимо импровизации, высочайшего класса требуется дисциплина и интегрированная формула мастерства. А ее как раз дает школа. Я глубоко уважаю, Валерия Павловича, но преклоняюсь перед Громовым, по моему мнению, выполнившему большой объем работы по созданию испытательной школы. Михаил Михайлович умнейший, культурнейший человек, заслуживший самых высоких эпитетов.

Ильюшин даже не заметил, как все замолчали, удивленно уставившись на него.

-О! Вы посмотрите на этого праведника,- резанул кто-то невидимый в густой табачной дымке. Да, пройдет немного времени, и ты сам себе будешь удивляться. Одно дело разглагольствовать на земле, и совсем другое, когда ты бог и царь в небе.

-Ладно, держу пари, примирительно сказал Ильюшин, - лет так через десять у меня найдется повод доказать свою правоту. Разве плохо, когда пламенное сердце и отвага Чкалова сочетаются у испытателя с ясностью ума и трезвым расчетом Громова?

Время действительно оказалось хорошим судьей. Противоречия сгладились, и на смену им пришел опыт - строгий судья и добрый советчик. Главное же, не надо было больше копаться в себе.

Спустя десять лет, он снова испытывал волнение, но уже по другому поводу. В 1960 году в Георгиевском зале Кремля ему вручали награды: Орден Ленина и Золотую звезду Героя Советского Союза. Безукоризненно яркий свет и великолепие роскоши главного зала воинской славы очень точно передавали торжество момента. Его фамилию назвали в числе первых, видимо полагая, что в таких случаях военные лучше справляются с предательской дрожью в коленках. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев, увидев его, по - отечески улыбнулся и пожал руку: «Я рад, товарищ Ильюшин, нашей встрече. Помните, я обещал, что она произойдет очень скоро».

-Служу Советскому Союзу! – единственное, что нашелся сказать Ильюшин в ответ. Выдержав паузу и развернувшись вполоборота, он шагнул в направлении гостевых кресел.

-Постойте, - Брежневу, что-то очень хотелось сказать, но официальный протокол жестко регламентировал рамки каждого мероприятия.

-Надеюсь, Вы не забыли наш уговор?

-Машина получилась, что надо, Леонид Ильич, благодарю за поддержку,- кратко и отчетливо, отрапортовал Ильюшин.

Заняв свое место, он бесшумно выдохнул воздух, почувствовав, насколько головокружительными бывают взлеты от успеха. Об обещании, данном ему три года назад, Брежнев вспомнил не случайно. В душе Леонид Ильич по - прежнему считал себя человеком военным, даже, несмотря на сугубо гражданский пост в высшей иерархии государства, а потому очень интересовался всем, что так или иначе влияло на обороноспособность.

Ильюшин слыл толковым испытателем, в свои тридцать не раз подтверждавший мудрость изречения: «Рожденный для неба - в огне не сгорит и в воде не утонет». Словом, ему было все нипочем. Именно с таким человеком, не обремененным славой и близким на «ты» с авиационной техникой, хотел поговорить секретарь ЦК КПСС. Встреча состоялась в пятьдесят седьмом, в кабинете Леонида Ильича, на Старой площади. Хозяин строгого партийного кабинета курил элегантные сигарки с золотой окантовкой на мундштуке, чем-то напоминающие женские пахитоски.

-Не стесняйтесь, товарищи,- пригласил он широким жестом к столу Ильюшина и Савицкого.

-Чай с лимоном, а хотите Боржоми!

Брежнева не зря считали гостеприимным по натуре человеком, предпочитавшим хлебосольство казенному чиновничеству. Может, оттого и находить с ним было легко, непринужденно, под тархтенье ложечки в стакане, рассказывать о наболевших проблемах авиации. Ситуация в воздушном пространстве Советского Союза выглядела тревожной. Американцы, начиная с 1952 года, безнаказанно шалили, пересекая на большой высоте нашу границу. В середине пятидесятых на боевое дежурство поставили грозу «высотников» зенитно-ракетную систему С-25 «Беркут», затем ПВО страны оснащаются ЗРК С-75. В недрах политического руководства вызревает кардинальное решение о не перспективности других, кроме ракет, видов вооружения. Брежнев старался деликатно обойти острую тему, подразумевая, что наряду с наземными системами ПВО, следует подумать и о воздушном заслоне противнику.

-Никита Сергеевич очень любит повторять, что испытания есть всего лишь испытания. Я с ним полностью согласен. Брежнев для убедительности щелкнул пальцем по стакану, отчего ложки недовольно звякнули.

-По большому счету, нам давно пора создать самолет, на котором можно догнать американцев и надрать им задницу. Ильюшин с Савицким улыбнулись.

- Леонид Ильич, мы сейчас работаем над истребителем – перехватчиком. Только у нас с товарищем командующим, Ильюшин перевел взгляд на Савицкого, имеются определенные сомнения.

- Су – 9 создается для уничтожения высотных целей. Давайте посмотрим на схему вероятной атаки. Вот наш ястребок, а вот, к примеру, американский U- 2. Ильюшин достал из одного кармана спички, из другого пачку сигарет и наглядно продемонстрировал, как один самолет догоняет другой. Причем, при серьезном превосходстве в скорости наш быстро достигает противника, но предельная дальность стрельбы пушек равняется 800 метрам. Получается, остаются лишь секунды на то, чтобы прицелиться и выстрелить.

- Мы уже обращались в ЦК и категорически настаиваем на замене пушечного оборудования ракетами класса «воздух-воздух».

Брежнев выслушал внимательно, непрерывно теребя рукой густые брови.

-Хорошо товарищи. Я обещаю внимательно разобраться в этом вопросе. А вы, Владимир Сергеевич, дайте слово, закончить испытания в срок.

- Готов к труду и обороне,- шутливо вскинул руку к голове Ильюшин.

Через год после приема в Кремле, в июне шестьдесят первого года, были завершены испытания перехватчика Су-11. Внешне похожий на своего старшего товарища, он оказался хуже его по летно-техническим характеристикам. Подвело новое радиоэлектронное оборудование, которое утяжелило самолет почти на тонну.

Зарулив на стоянку, Ильюшин убавил обороты двигателя, ожидая, когда повелеваемая волей пилота машина послушно замрет.

-Жаль, - подумал он, у такого тяжеловеса мало шансов прийти к финишу первым. Букмекеры ставят на резвых и породистых рысаков. А на этом можно голову свернуть. Взглянув на маячившего неподалеку техника, в одиночку пытавшего подцепить водило к самолету, вспомнил, как чудом уцелел.

Двигатель заглох где-то на предельной высоте, он взглянул на приборную доску, было за двадцать тысяч, дальше уже некуда. Еще немного и можно смело звезды горстью загребать. Ему чуть раньше следовало выйти на устойчивый режим работы, но мотор стал капризничать, захлебываясь, как пьяный сапожник, привыкший смешивать пиво с самогоном, а тут по неосторожности хлебнувший парного молока.

-Ну, зараза, в сердцах Ильюшин угостил приборную доску увесистой оплеухой. Высотомер моментально отреагировал, сбросив еще пару километров. Скорость снижения зашкалила за 55 метров в секунду.

- Так, главное не паниковать, скомандовал он сам себе, машинально рассчитывая траекторию захода на посадку.

-Давай-ка лучше попробуем подружиться, Ильюшин ласково уговаривал машину подать голос, взреветь, что есть силы, пусть хрипло, с надрывом, главное хоть чем-то напугать смертельную тишину. Истребитель послушно отвечал на команды пилота рулями управления и скользил, только бесшумно, по чистой глади облаков. Оторопь прошла, и он смог спокойно оценить ситуацию. В конце концов, самолет не сваливается, своевременно реагирует, значит надо полагаться не только на случай, но и везение.

А он счастливый. Так по крайней мере считали многие его товарищи. Мол, парень еще тот, непростой, из знаменитой семьи. Вдобавок вытянул выигрышный билет. Для кого как. Лично он склонялся к теории вероятности, последовательно тасующей случайности в колоде закономерностей. Так справедливее. Кто вообще выдумал, что фортуна шла с ним рядом, рука об руку. Иногда выходило все наоборот.

После окончания школы летчиков-испытателей он попал в ЛИИ. К тому времени у наших авиационных конструкторов стали получаться замечательные машины нового поколения. Лидировал тогда Артем Иванович Микоян, создавший опытный экземпляр истребителя с условным наименованием Е-50. Для машины срочно потребовался опытный летчик, и выбор пал на Ильюшина. Первым делом он решил встретиться с генеральным конструктором. Беседа состоялась, но уже по другому поводу. Ему показали приказ о назначении, на котором рукой Микояна было написано: «Возражаю». Узнав о том, кого прислали ведущим по теме, Артем Иванович глубоко вздохнул и категорично заявил: «Любого другого, только не Ильюшина». Психанув и плюнув на все условности, он влетел в кабинет генерального без приглашения.

- Артем Иванович, что же это происходит, - ему с трудом удавалось сдерживать негодование. Оперевшись руками о письменный стол, он словно навис над ним, так, что Микояну пришлось откинуться в кресле.

- ЛИИ рекомендовало меня, а вы ни с того, ни сего взяли и зарубили.

Очень выразительные профили двух этих людей, чем-то напоминавшие нахохливших орлов, постепенно растворились в проклюнувшихся сквозь портьеру лучах солнца. У профессионалов свой язык. И даже в жестах, выражениях чувств они быстрее, чем кто-либо, понимают друг друга.

- Вай-вай, какой нервный. Успокойся, Володя. Ты должен войти в мое положение. Когда я встречаюсь с твоим отцом, он всегда смотрит мне в глаза, словом не напоминая о тебе. Но я знаю, если ты разобьешься, он меня не простит.

Ильюшин дал передохнуть своим эмоциям, уставившись взглядом в хрупкую модель Мига, стоящую на подставке.

-Извините, рисковать моя профессия, и она предполагает свободу выбора. Если я не готов к полету, то никогда не сяду в кабину истребителя.

-Да, - крикнул Микоян.

- Но знаешь, - словно ухватился он за спасительную мысль, - не я первый принимаю такое решение. Ведь когда ты должен был лететь в Ташкент с Коккинаки, последовал запрет. Не должен был тебе об этом говорить. Твой отец категорически возражал против полета.

-Интересно вы рассуждаете Артем Иванович. А как же Степан? Ему дозволено летать?

- Степан, сказал тоже! У него свое высокое начальство. А потом мы, армяне, горный народ, усмехнулся Микоян. Когда бог создавал живность, он специально слепил нас похожими на птиц, а вот про крылья не подумал. Теперь мы сами покоряем высоты и парим над землей, частично наверстывая упущенное.

-Красиво говорите, но разве можно отнять небо? И потом я сын великого конструктора, не сынок!

Воспоминания пришлось отогнать. Самолет тряхнуло. Ильюшин машинально сжал ручку управления, готовясь в случае чего, отклонить ее в нужную сторону. Возвращение в реальность происходило по нарастающей, с неразборчивой бранью в адрес всех черт и материальной части. Чем ближе к земле, тем чувствительнее вибрация корпуса. Главное точнее выдержать глиссаду и не потерять скорость. Иначе свалишься и хана. Внизу, по курсу, наплывали очертания знакомых подмосковных лесов. Он знал, чувствовал, что дотянет. До аэродрома оставалось совсем немного, и чем ближе соприкосновение с землей, тем сильнее нарастало чувство тревоги. Так, - скомандовал он сам себе - теперь гасим вертикальную скорость, выравниваем, еще чуть-чуть. Есть! В тишине, такой выразительной по смыслу, отчетливо зашуршала резина. Самолет слегка подпрыгнул и безропотно покатился по направлению ожидавшей его большой группы аэродромного начальства. Первым подбежал Аркадий Богородский, все это время рыскавший взглядом по небу и лишь в последний момент, когда «сушка» заходила на посадку, отвернувшийся от полосы.

-Сорванец, нет засранец, чуть заикаясь от волнения, Богородский показал кулак. Тебе прыгать надо было, а ты пижонился, да еще как фраер подрулил. Приседая, он принялся кружить возле самолета, осматривая его с разных сторон.

-Ага, прыгать, - медленно, чтобы не выплеснуть наружу пережитое, Ильюшин расстегнул гермошлем, жестом показывая, что ничего не слышит. - А кто за машину ответит, опытный экземпляр все-таки. Потом пиши объяснительные, доказывай, что не сдрейфил. Страх - он, конечно, присутствует, если успеешь испугаться. Это тебе любой подтвердит. Главное взять себя в руки и мысленно заручиться поддержкой тех, кому больше всего доверяешь в этой жизни.

Ильюшин устало прикрыл глаза. После вынужденной паузы аэродром вновь обрел голос. Где-то взревела сирена и так же непочтительно просигналила легковушка, вынырнувшая из технической зоны. Несколько раз, с небольшими промежутками последовали позывы реактивных турбин. Его возвращения ждали очень долго, отправляя всех остальных на второй круг. Теперь пришло их время, и они послушно следовали командам, поступающим с земли.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«ДРУГАЯ ЗЕМЛЯ»

Как обычно, его встречали у трапа Ту-134 на Чкаловском аэродроме. Рейсовый из Ахтубинска, запланированный на утро, прилетел раньше срока. Июльская жара вносила свои коррективы в расписание полетов. Стоило чуть задержаться и предметы, незащищенные от солнца, начинали нагреваться до высоких температур, а все живое метаться в поисках спасительной тени. Как шутили местные острословы: «Астраханская Африка» и с этим приходилось считаться.

-По пути заскочим в «Саяны», - напомнил Ильюшин водителю, не сомневаясь, что тот и так знает где лучшее пиво. В большом зале, по заведенной советской традиции с утра уже было многолюдно, шумно и накурено. Он примостился с краю, у свободной стойки, и жадно, почти не отрываясь, выпил кружку «Жигулевского». Такого удовольствия он себе не мог позволить в Ахтубинске. Полеты с раннего утра до позднего вечера. На следующий день разбор с ведущим инженером, инструктаж и работа над очередным заданием.

-Командир, отломи хвостик,- полулежа за соседней стойкой, изрядно накачанный гражданин, с умилением, нет, с каким - то неопишуемым вождением, наблюдал за тем, как Ильюшин разламывает увесистого леща на части. Накануне его отъезда, рыбину аккуратно завернули в бумагу и засунули в портфель. Кто - он не знал, но был искренне благодарен своему благодетелю. Теперь живописный натюрморт приковывал внимание всех алкающих завсегдатаев бара.

-Держи,- под дружный, одобрительный гул толпы Ильюшин передал сочившуюся от жира реберную часть, причитающуюся тому по законам мужского товарищества.

Ему самому редко выдавалось выезжать на рыбалку, только иногда, когда собирались отметить коллективом чей-то день рождения или повышение по службе. Хотя поводов для встреч и общения в кругу друзей всегда хватало. О них он вспоминал с особой теплотой.

Впервые его направили сюда в 1953 году. После назначения в ЛИИ последовала команда перегнать на Волгу новые машины: С-1 и Т-3. Испытание вооружения на них прошло успешно. Затем командировки стали частыми. Приходилось месяцами безвылазно проводить в Ахтубинске. Этому во многом способствовала встреча с Павлом Осиповичем. В отличие от других Сухой не смутился и взял его к себе. Кто из них вытаскивал счастливую карту - даже сейчас сказать трудно.

Наверное, повезло обоим. Ему посчастливилось работать под руководством конструкторского гения, а генеральный получил испытателя экстра-класса. Доверие он, конечно, оправдал, приучив к небу не одно поколение «Су».

В смысле благоприятствующих факторов для испытания авиационной техники лучше Владимировки не найти. Когда он впервые через иллюминатор военно-транспортного самолета увидел землю, обетованную испытателями, то сначала поразился, насколько необъятны степи, уныла и безрадостна местная природа. Затем привык, тем более, под боком расстилалась Волго-Ахтубинская пойма.

С высоты полета отчетливо виднелись два огромных полотна желто-песочного и изумрудно-небесного цвета, неровной линией пристроенные друг к другу. Божественная рука мастера оказалась в одном случае скупой, в другом излишне расточительной, расплескав все цвета радуги. Не скупилось на краски и солнце. Оно щедро поливало золотистым дождем. Идеальное место для полигона.

Американцы используя естественные природные условия соорудили свой аэродром в районе соленого озера Роджерс Драй Лейк, назвав авиабазу в честь погибшего летчика-испытателя Глена Эдвардса. Чуть позже мы создали свой уникальный авиационный центр, располагающий возможностью летать при идеальной погоде, почти круглый год. Нетрудно представить, как обремененная бомбовой нагрузкой в несколько тонн, с полным джентльменским набором ощерившихся ракет и заправленная под завязку боевая машина, уходит в сторону «другой» земли.

О том, что она есть, знали или догадывались многие. Впрочем, никто и не скрывал: там, далеко, все происходит взаправду, почти как на войне. Полигон для того и предназначался, чтобы на нем рвались бомбы, свистели осколки, чадили подбитые танки, и валялась искореженная техника. Отслужившую свой срок, но пригодную к бою, ее сгружали с железнодорожных платформ, оставляли в степи, дабы в хаосе разрушения могла родиться другая, более совершенная техника. Летчику поручалось главное - научить самолет воевать, сделать его послушным и управляемым не только во время авиационных парадов, а в первую очередь для нанесения смертоносного удара по боевой силе противника. Ему, главной фигуре в авиации, суждено самолично определять координаты цели, анализировать информацию, поступающую на дисплей, выходить на режим атаки и давать оценку тому, как поведет себя самолет после пуска ракет или бомбометания.

Ильюшин входил в десятку лучших испытателей страны. Ему удалось приоткрыть тайну познания, в которой одинаково важно руководствоваться разумом и чувствами. Всякий раз, уже в кабине, клацая металлическими пряжками парашюта, он мысленно воздавал должное проницательности Платона, наделившего вещь божественным содержанием. Эйдос, по мнению философа, не что иное, как идея вещи, тот самый божественный шаблон, по которому материализуется наши земные мысли. Он верил, будучи атеистом, не меньше, чем любой другой, оказавшийся на его месте и ежедневно пересекающий зону риска. Так получалось, что прежде, чем запустить двигатель и оторвать опытную машину от земли, ему приходилось жить с ней еще до рождения несколько лет, сначала в чертежах, затем макете, наблюдая, как рождается сначала замысел, затем вырисовываются силуэт, и уж после материализуется та самая божественная идея. Жаль, что человек не всегда руководствуется философией разума, предпочитая ей разрушительный смысл борьбы за выживание.

В ЗОНЕ РИСКА

На следующий день, в крохотном кинозале фирмы Ильюшина встретил его штурман и боевой товарищ Николай Алферов. Повод заслуживал самого серьезного осмысления. Судьба уникального ракетносца С-100 не давала покоя все последнее время. Родная «сотка», которой не было равных в мире, он это знал точно, была обречена. И теперь просто

хотелось перенестись на несколько лет назад, чтобы почувствовать свою правоту, дать волю чувствам и укрепиться в собственной вере.

Ильюшин расположился в кресле поудобней, вытянув ноги и готовясь к просмотру. Пару раз им демонстрировали иностранную кинохронику, теперь по настоянию обоих очередь дошла до отечественного кино с грифом «секретно».

- Давай, сапожник - вложив пальцы в рот, как это делают пацаны, Алферов громко свистнул.

- Настроение ни к черту, - словно оправдываясь, он показал на экран: «Чего медлит, не на премьере же».

Дополнительных объяснений не последовало. Каждый из них в эти минуты чувствовал одно и то же. Проект закрывали, и теперь чтобы приостановить ошибочное решение, нужно было чудо. То, что решение было конъюнктурным, никто не сомневался.

- Ты говоришь, Коля, следовало писать в ЦИК. Открою маленький секрет - писал. Надеялся, что Леонид Ильич вспомнит о наших прошлых задушевных беседах, расчувствуется и вмешается. Куда там. Меня даже посетила одна запретная мысль. А если нас сдали американцам, договорились и обменяли на что -нибудь. Своеобразный чейндж.

- Скажешь тоже, - Алферов недоверчиво качнул головой.

- Сам слышал, у них там за бугром один подобный проект вырисовывался, назывался «Валькирия». Ильюшин порылся в кармане комбинезона, но вытащил только смятую пачку.

- Чувствую, нам еще дадут прикурить. Ладно. Слушай дальше. «Сотка» по сравнению с американским В-70, покруче будет. Почуяли они угрозу для себя и решили договориться. Мы рубим наш ракетносец, а они сворачивают кое-какие свои военные базы в мировом океане. Выглядит очень правдоподобно.

- Любят они героев скандинавского эпоса,- ограничился короткой репликой Алферов.

- Валькирии, - Ильюшин на мгновение задумался, - воинственные девы, решающие на поле боя исход сражения. Тех, кто пал смертью храбрых, они уносят в Вальхаллу и всячески ублажают.

Алферов фыркнул: «Лучше на земле получать то, что тебе положено, чем быть обласканным такими дамами».

- Вот и я говорю, слишком красивая легенда. Кому-то очень выгодно, все свалить на американцев, - подвел разговор Ильюшин.

Наконец-то свет в зале погас. Послышался хорошо знакомый с детства стрекот, и на небольшом белом экране появились они – оба в кожаных ползунках и с защитными шлемофонами в руках. Чуть поодаль стояла, точнее, парила над землей их стальная птица. Очень удачная компоновка фюзеляжа позволяла ему органично вписаться в силуэт крыла, как бы лежа на нем. При этом носовая часть в зависимости от режима полета принимала либо форму стрелы, либо хищного клюва. Одним словом машина производила неизгладимое впечатление, даря простор для мысли и фантазии.

Самолет, запрограммированный на близкие к гиперзвуковым скорости, конструировался из титана и стали. Любой другой металл в чистом виде, достигая критических величин, начинал крошиться, как пластмасса, или оплавился бы, подобно свечному огарку. На нем была установлена система дистанционного управления, по тем временам самая продвинутая в мире. Как-то они подсчитали, если равномерно распределить все технические новинки, используемые на «сотке», то их с лихвой хватит на два авиационных комплекса.

- Ты помнишь, Коля как все начиналось? – прервал молчание Ильюшин. Сколько страстей разгоралось, о чем мы только тогда не мечтали.

Конкурс на новый стратегический межконтинентальный бомбардировщик объявили еще в 1967г. Выиграл его Павел Осипович Сухой, вторым оказался Мясищев и замыкал тройку Туполев. Предложение последнего, сторонника консервативных схем,

озадачило даже военных. В качестве базовой модели предлагался перекроенный гражданский Ту-144. К несчастью, в нашей стране возможно все, и позже заказ отдали именно этой фирме. Для КБ Мясищева такой оборот событий оказался не нов. В 1959г. вышел на заводские испытания красавец М-50. Увы, сложившиеся многолетние традиции по формированию госзаказа оказали свое воздействие на выбор, и явный фаворит был отодвинут на второй план. Нельзя сказать, чтобы кто-то на кого-то давил, но когда в качестве оппонентов начинают выступать сам Председатель Госкомитета по авиационной промышленности Дементьев и академик Челомей, трудно рассчитывать на здоровую конкуренцию. Предпочтение тогда тоже отдали Туполеву.

На экране мелькали черно - белые кадры кинохроники. Они снова переживали свои прежние ощущения, затаив дыхания наблюдая за неторопливым, на первый взгляд течением аэродромной жизни.

-Смотри, - Ильюшин по - детски толкнул Алферова плечом, - наш первый вылет.

Две фигуры шли по рулежной дорожке к своему самолету. Их провожали взглядом с десяток верных товарищей. Со стороны казалось все спокойно, на самом деле никто не мог дать гарантию безопасности. Первый вылет трудно с чем-либо сравнить. У каждого такого полета свои особенности, своя шкала восприятия. Ее градация особого рода. Через знакомые и незнакомые запахи, ускоренный выброс адреналина и даже физиомоторику внутренних органов кодируются сигналы в мозгу. То есть, если чуть позже, где-то попал в знакомую ситуацию, сработают химические реакции, помогая воспроизвести забытое ранее. Вот и теперь знакомые чувства. Чем ближе к самолету, тем труднее сдерживать дыхание, от былой расслабленности не осталось и следа. Надо только удобнее расположиться в кресле, чтобы окончательно забыть про всю мирскую суету. Запахи, идущие от приборной доски, свежей кожи, краски кажутся родными, теми самими, что когда-то уже пьянили мозг, наполняя кровь избытком гормонов.

Тяжелый стотонный ракетноносец разогнался на удивление легко, почти как истребитель. Со стороны казалось, что он даже не касался своими шасси бетонки, а плавно скользил над поверхностью, подобно конькобежцу рассекая ледяную гладь. Не удержавшись, Ильюшин воскликнул: «Каков красавчик! Так, поработаем рулями», - продолжал он разговаривать вслух, - «Теперь прошупаем двигатель, добавим оборотов».

Полет длился минут сорок пять. Требовалось придерживаться строгих правил. Вошел в зону, осмотрелся. Главное - почувствовать машину. Нос поднял, опустил и так дальше, с неубранными шасси, выполнил полетное задание. Ему была хорошо знакома тактика сдержанной экспрессии. В 1959, когда он устанавливал абсолютный мировой рекорд, действовать так же приходилось в режиме скоростных ограничений. Казалось бы, все должно быть наоборот: набирай скорость, высоту и рекорд у тебя в кармане. Не тут-то было. Шашкой махать каждый умеет, а ты попробуй подняться сначала на двадцати одну тысячу и идти, строго выдерживая параметры. При этом нельзя ни снизиться ни на метр, ни потерять заданной скорости. Впереди по маршруту еще одно испытание. Требуется попасть точно в створ измерительного сектора. Короче, ты как луч, пронизывающий пространство и время, одновременно являясь производной того же пространственно-временного цикла. При вручении ему медали А. Де Лаво, французы не скрывали своего восхищения, а англичане не уставали сдержанно повторять: «Чему удивляться, русские любят быструю езду»

На «сотке» они с Николаем просто выполняли заданную программу. По заведенной традиции, решили наперед не загадывать, но укротить мысли оказалось сложнее, чем управлять новейшим ракетноносцем. Не говоря друг другу не слова, каждый желал самолету долгой судьбы. У машины отличные перспективы. Уникальная система дистанционного управления позволяла дублировать другие схемы, создавая задел надежности. Мы первые в мире вышли на нее, имея хороший шанс намного опередить Запад. Споры и препон по этому поводу было предостаточно, и если бы не его настырность, неизвестно когда самолет вообще поднялся бы в воздух.

Заседание методического совета, проходило накануне того самого, первого вылета. Ввиду особой важности задания решили отказаться от министерского кабинета и провести заседание поближе к месту событий. Выбрали служебное помещение ЛИИ. Правда, подыскивать пришлось попросторнее, так, чтобы гости, привыкшие к комфортным условиям, могли чувствовать себя в своей тарелке. Ильюшин волновался, прекрасно понимая, насколько высока цена нынешнего совещания. Интуиция его не подвела.

Группа, в которую входили несколько авторитетных спецов, явно бойкотировала новую СДУ (система дистанционного управления). Буквально несколько месяцев до этого, под давлением ЦАГИ и ЛИИ, было принято решение о монтаже на самолете, уже готовом к испытаниям еще одной дублирующей системы. Сработал стереотип, и появилось мнение, что механическая, тросовая тяга, окажется надежнее четырехканальной, электронной. Это на скорости-то больше ЗМ. Кого убеждать конкретно, кому доказывать ошибочность таких действий - осталось не ясным. За ответственным решением скрывалась коллективная безответственность. Ильюшин попытался разобраться и когда систему поставили на стенд ЦАГИ, понял, что она полностью имитировала не только передаточные моменты, но и сопутствующие помехи, трения, осложняя процесс управления самолетом. Значит, подумал он тогда, надо отбиваться, что есть силы. На деле все оказалось значительно сложнее.

Ученые мужи репродуктивны преимущественно в период вынашивания идей и консервативны, когда речь идет о реализации наработок, тем более, когда они чужие, а рядом находится чиновник превыше всего уповающий на свою непогрешимость. Так и получилось. Плотная стена возражений, оговорок и отписок сломила терпение, даже Павла Осиповича Сухого. Председатель методического совета обвел взглядом присутствующих.

-Надеюсь все ясно. В целях безопасности летного состава целесообразно производить взлет и посадку изделия Т-4 на дублирующей системе. Конечно, применение дистанционного управления не исключено, но только в воздухе, на устойчивых режимах полета. Хотя говорить об этом преждевременно. Владимир Сергеевич, Вы, кажется, уже высказались,- обратил он внимание на поднятую руку Ильюшина.

-Позвольте, - Ильюшин резко встал. Что-то, я не понял. Чья, собственно говоря, безопасность, Вас беспокоит? Наша, или...Он вынужден был замолчать.

Председательствующий, под ропот уже созревшего для окончательного решения большинства членов методического совета, постучал по графину карандашом, вертевшимся у него в руке. Звук оказался не громким, и он, для придания полновесности своим словам, добавил жести в голосе.

-Уточните, что вы подразумеваете?

Вот вы утверждаете, - с хрипотцой в голосе начал Ильюшин, что согласны на взлет с дублирующей системой. Хорошо. Но она поставлена для того, чтобы включиться в случае отказа всех четырех каналов. Получается, что вы все, здесь сидящие, еще на земле организуете мне аварийный взлет и посадку, автоматически предрекая выход из строя основной системы.

Вряд ли даже он сам ожидал такой реакции. Точнее, ее отсутствие, малейшее желание возразить. Своеобразный нокаут, потеря речи сразу нескольких авторитетных членов комиссии длилась около минуты. Все застыли. Спустя мгновение, когда оторопь прошла, стало видно – ситуация изменилась. Подписываться под собственным приговором никто не рискнул. Не поднимая головы, секретарь обменялся взглядом с председателем и быстро что-то перечеркнул в протоколе. Под диктовку разом прозревших участников совета появилась резолюция: «Ввиду абсолютной уверенности летчиков в надежности СДУ, разрешить первый вылет ударного боевого самолета Т-4, с использованием ранее зарезервированной системы дистанционного управления. Это была его победа. 22 августа 1972 года «сотка» покорила свою первую высоту.

Стрекот в киноаппаратной стих. Кадры промелькнули быстро, оставив каждого наедине со своими мыслями, сомнениями, догадками. Почему тема испытания самолета,

который называли «чудо XXI века», оказалась закрытой? Кому стало выгодно зарубить «сотку»? Ответ ему удалось разыскать спустя несколько лет после смерти Сухого. На место флагмана ракетно-авиационной авиации заявили другой стратегический ударный авиационный комплекс Ту-160. В конечном счете, собственность, в том числе интеллектуальная, принадлежала государству, а оно вправе решать, что важнее для страны сегодня. О завтрашнем, пока только начинали задумываться.

ЭПИЛОГ

Ильюшин был в приподнятом настроении. Голову слегка кружило. Так, легкое опьянение. Трудно сказать от чего. Скорее всего, в голову ударила хмельная удача от встречи с друзьями, нежели подействовал коньяк, предложенный Степаном Микояном. Авиационная элита чествовала своих героев. Генеральские, отливающие позолотой погоны очень эффектно смотрелись на парадных мундирах Бежевца и Лесовского. А тут еще Микоян не удержался и прилетел в Ахтубинск, вызвав всеобщее одобрение друзей и заставив поволноваться обворожительную половину самого милого и уютного городка юга Поволжья.

- Вот скажи, Володя, почему Ахтубинск называют маленьким Парижем?

Ильюшин конфузливо пожал плечами. Вопрос застал его врасплох.

- Не ошибусь, если скажу, что не своими архитектурными формами он так приглянулся командировочному люду. Откуда здесь взяться Пляс Пигалю. Зато, какие здесь женщины! Микоян, словно французский ресторатор, отведавший только что свое любимое блюдо, причмокнул губами. Настоящие красавицы, обжигающие жгучей страстью и пленяющие обманчивым взором. Понимаешь, как в восточном гареме, сюда свозят со всех концов страны самых, самых, самых.

- Верю, поэт, - чтобы скрыть искрящие иронией глаза, Ильюшин отвернулся.

- Добрый вечер, - ответил он на чье-то приветствие. Возвращаться к прежней теме, при всей ее актуальности не хотелось.

Микоян, посмотрел по сторонам и убедившись, что рядом никого не оказалось, протянул ему вчетверо сложенный листок бумаги

- Держи, просили передать. Здесь то, что ты хотел узнать. И, не дожидаясь благодарности, ловко закружился в вальсе, элегантно придерживая за талию даму, на вид вдвое его моложе.

Спустившись вниз по парадной лестнице, Ильюшин увидел свое отражение в зеркале, чересчур громоздком, словно спутавшим эпохи и стили. Лицо, выражало нетерпение и досаду. Видимо, на всю эту аляпистость, некстати попавшую ему на глаза. На самом деле его волновало совсем другое, а именно содержание записки. Нервно закурился, он развернул листок и дважды, сначала быстро, затем медленно прочитал текст. Теперь, спустя несколько лет после сворачивания темы, ему стало ясно, кто стоял за закрытием одного из самых грандиозных проектов отечественной авиации.

Получается, их предали, если можно назвать предательством, конъюнктурные интересы одного министерства, лоббирующего другую авиационную фирму. Или обманули, если обманом считается политический заказ. Отбросили назад на несколько лет, вполне возможно, невозможных, весь ход испытательной работы по этой тематике, с учетом того, что заменивший «сотку» Ту-160 встал на боевое дежурство спустя два десятилетия. Туполев - вот кто мог надавить на министерство, людей, от которых зависело - быть или не быть «сотке». Петр Васильевич Дементьев, возглавлявший МАП, безоговорочно подписал приказ о закрытии темы. Хотя сам документ назывался по-другому: «О создании самолета Ту-160». Тайна, покрытая мраком. Иначе не назовешь. В нашей стране ведь просто так ничего не происходит. Следовательно, все было заранее предпрещено. Его заинтересовала одна любопытная деталь. В этом злосчастном документе перечисляются все постановления

Совмина и даже то, в котором предписано продолжать испытания С-100. Срок продлевался еще на два года, и только в 1976 году рекомендовалось дать окончательное заключение. Следовательно, формально никто не запрещал продолжить испытания машины. Получается, Дементьев ослушался постановления ЦК и Совмина. Летать то им запретили в январе семьдесят четвертого. В ангаре стояла готовая вторая машина. Запрет последовал на все. Прикрыли испытания двигателя, отменили полеты. Та же участь постигла и третью машину, ожидавшуюся своей очереди.

К чувству досады примешивалась обида. Заговор, головотяпство министерских чиновников, не уследивших за прохождением документа, или спланированный саботаж - сегодня это не имело уже значение.

Аккуратно свернув листок, Илюшин засунул его в боковой карман кителя. До поры, до времени правду все равно никому не докажешь, а ему надо летать. Павел Осипович Сухой остро переживал неудачу. Он ушел из жизни год спустя после известных событий. Наверное, свою роль сыграл запрет на дальнейшее испытания «сотки». Но поражением своим он это не считал. Его оптимизм вскоре передался Ильюшину. Они долго беседовали о будущем отечественной авиации, тех проектах, которые должны компенсировать горечь потерь.

-Некогда отсиживаться Владимир Сергеевич,- раскладывая на рабочем столе чертежи, Сухой сохранял спокойствие. Очень надеюсь на тебя. Это новый, принципиально новый истребитель. Ты подымешь его в воздух. В тебе это есть, Володя. Слова показались знакомыми, где-то он уже их слышал, только очень давно. Действительно, вскоре Илюшин поднял в небо истребитель Су-27, открывший новую эру в истории отечественной военной авиации.

Владимир Степанович Скворцов.

Родился 25 марта 1954 года. После окончания Богословской средней школы работал на Лесопильно-мебельном комбинате в городе Пестово. В 1972 -1974 годах проходил срочную военную службу. Награжден медалью «За отвагу на пожаре». Окончил факультет журналистики ЛГУ, работал редактором радиовещания в г. Выборге, заведующим Подготовительных курсов ЛГУ, затем заместителем директора международной фирмы. С 2003 г. по настоящее время – президент Некоммерческого партнерства поддержки литераторов «Родные просторы», главный редактор журнала писателей России «Невский альманах».

Первые публикации появились в 1972 году. Выступал на Всесоюзном радио, публиковался в районной газете. Печатался во многих региональных и центральных газетах, включая газету ЛВО-ЗВО «На страже Родины». Публикации были в журналах «Советский воин», «Аврора», «Крокодил», «Русский мир», «Новый век», «Север» и других. С 1984 года – член Союза журналистов СССР, с 1994 года –

член Союза писателей России. Автор 17 книг стихов и прозы. Лауреат различных литературных премий и конкурсов. Многолетняя плодотворная творческая деятельность В. С. Скворцова отмечена почетными грамотами и дипломами Союза писателей и Союза журналистов. Был делегатом XII и XIII съездов Союза писателей России.

Лауреат Всероссийской литературной премии имени генералиссимуса А.В.Суворова 2021 года.

ПРОСТИТЬ НАМ НЕ МОГУТ ПОБЕДУ

НЕ ГОРБЯСЬ...

Памяти Неизвестного солдата

Не согласились пленные солдаты
служить тому, с кем был смертельный бой.
Тогда враги их вывели из хаты
и расстреляли в роще за рекой.

От залпа дрогнув,
жалкою медалью
на грудь, кружась,
с березы лист упал
парнишке, что родился под Рязанью
и о судьбе Есенина мечтал...

А дома ждали мать и брат-подросток,
но старший все не ехал,
не писал...
Им сообщили коротко и просто
в конце войны,
что без вести пропал...

О тех парнях я думаю порою -
и кровь в висках пульсирует опять:
сумел бы я вот так же за рекою
в последний путь, не горбясь, прошагать!?

ВETERАНЫ

Фронтовику Н. Р. Суворову

Помню с детства: вечерами,
чуть не каждый выходной,
собирались ветераны
в нашем доме над рекой.
С прибаутками входили,
целовали в щеку мать,
разговоры заводили,
начинали вспоминать
про бомбежки, расставанья
да разлуку вдалеке...
Затаив свое дыханье,
мы сидели в уголке.
Все дела свои подростки
оставляли на потом,
встав на цыпочки, березки
замирали под окном.
Ветераны запевали:
- Эх! Дороги,
Пыль... туман... -
Все из них до боли знали
нам неведомый бурьян,
на котором неживые
(и представить-то нельзя!)
оставались фронтовые,
может, лучшие друзья!
Подмигнув нам, запевала,
от войны еще хмельной,
дирижировал, бывало,
уцелевшею рукой...
Вот мы сами отслужили,
довелось в труде потеть...
Так ли ярко мы прожили?
Те ли песни мы сложили,
чтобы их при детях петь!?

ПИСЬМО ИЗ АРМИИ К МАТЕРИ

Ты пишешь, мама, что в деревне
уже не ездят на санях,
что просыпаются деревья,
качая почки на ветвях.

Луга под солнцем запотели,
журчит под окнами ручей,
скушает кошка на постели
и намывает в дом гостей...

Тебя у мостика встречает,
хвостом виляя, Шарик мой.
Он лает, словно дни считает,
когда приеду я домой...

Осталось ждать совсем немного!
Весна поднимет зеленыя –
и Шарик, вздрогнув у порога,
зальется лаем на меня!

Все больше похоже на эхо былин:
во льду Ленинград
и в пожарах Берлин...

Как жутко
знать правду о прошлой войне!
Но Жуков
венчает ее на коне!

Когда мы гордимся, нас просят учесть:
Все в прошлом осталось:
и доблесть,
и честь...

Неправда!
России даются с бедой
и Маршал народный,
и конь удалой!

КОНЧИЛИСЬ УЧЕНЬЯ

Зорька алая в горах
облако полощет,
на ворон наводит страх,
каркающих в роще.
От «серебряных гвоздей»
неба край стал тесен,

невидимка-соловей
ткет узоры песен.
От реки туман бредет
сонно и лениво,
тянет струнку самолет
в небе боязливо.
Наши пушки крепко спят –
кончились ученья,
отдышаться все хотят
после наступленья.
А тягач бурлит водой –
стыть никак не хочет,
все не верит, что покой
не прервут средь ночи.
Из палаток – ни огня,
слышится сопенье:
отдыхает солдатня –
кончились ученья!
На посту моем цветки
в крепком сне закрылись,
не задену лепестки,
чтоб не пробудились.

СБОРЫ ОФИЦЕРОВ ЗАПАСА

Снова погоны, березы, заборы –
я подготовкой военной загружен;
если меня призывают на сборы,
значит, я Родине все еще нужен.

Потом пропахла моя сигарета,
люди в тумане, как тени шныряют...
Если меня допустили к секретам,
значит, мне больше других доверяют.

Живы в сознании чести законы,
в сердце Отчизна и мама – святые!
Если на плечи ложатся погоны,
значит, седины мои – молодые.

СОЛДАТ ВЕРНУЛСЯ

"Насовсем, аль на побывку?" –
председатель вопрошал
и, едва сдержав улыбку:
"В форме ты, что генерал!"
Побежала тетка Паня,
прихватив ведро с крыльца,
истопить пожарче баню

для солдата-молодца.
"Ты в фуражке больно важный!" –
щуря глаз, польстил сосед...
И представилось однажды,
как с войны
вернулся дед...
Напуская в избу стужу,
шел солдат через порог...
Спас он Родину
и душу -
уберечь себя не смог.
Страх и радость – по морщинам
перепуганной жены...
Опустил глаза мужчина -
не вздохнуть от тишины,
сердце сводит от озноба...
Ах! Проклятая война!
Этой встречи ждали оба,
ждали оба...
Вот она!
Он обнять жену желает -
и не может в первый раз!
По щекам, дрожа, сползают
слезы жгучие из глаз.
На мороз бежать бы в сени,
пусть остынет голова!
Вдруг солдатка – на колени,
и целует рукава!
Мать берет мои ладони
осторожно и тепло:
"Загрустил, сыночек, что ли?"
"Нет, родная, все прошло"...

НАСЛЕДСТВО

Помню, как-то сокрушалась
в клубе модница одна:
«Сколько лет уже промчалось,
как закончилась война!
Что ты пишешь, в самом деле!
Разве могут до сих пор
быть осколки в чьем-то теле?
Это, кажется мне, вздор!»
Кто-то встал, с ней спорил рьяно...
И подумалось вдруг мне:
знают дети ветеранов
достоверней о войне.
Нам всю жизнь гордиться стоит,
хоть заслуги в этом нет!
Помню, как отец простонет,

да зажжет на кухне свет,
забормочет хрипловато
что-то там – не разберешь,
до того витиевато:
и про Бога, и про вошь...
Пот со лба смахнет ладонью
черствой, твердой, что кора...
Не пожалуется с болью,
лишь прокурит до утра...
И бывало, к непогоде,
как заслышу стон в ночи, -
и во мне осколки вроде
вдруг забродят, хоть кричи!
Пусть плодятся кривотолки, -
это честь, а не беда:
с детства впились мне осколки
в память сердца – навсегда!

ПРОСТИТЬ НАМ НЕ МОГУТ ПОБЕДУ

*«...У СМЕРШ не было красивой формы,
но это, пожалуй, единственное их отличие
от войск СС».*

Леонид Гозман

Лукавство гуляет по свету,
иудушкам спать не дает!
Простить нам не могут Победу,
которой гордится народ.

Ну, как же тут будешь безгрешен?!
Да если война к нам придет,
весь русский народ станет «СМЕРШЕМ»
для тех, кто его предает.

Полковник запаса **Борис Борисович Солдатенко**. Родился весной 1965 года в семье участника Великой Отечественной войны и был назван в его честь. В 1982 году окончил Калининское СВУ, затем факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Начал свою лейтенантскую службу в должности корреспондента-организатора многотиражной газеты «Знамя гвардейца» в прославленной 4-й танковой учебной дивизии. Потом была служба в газете Московского военного округа «Красный воин», «Красной звезде». А вскоре началась череда «горячих точек»: Абхазия, Приднестровье, Начихевань, Чечня, Таджикистан, и опять Чечня...

Еще одной должностной ступенью был высокий пост постоянного корреспондента газеты по Московскому военному округу. Оттуда в 2002 году офицер будет назначен на должность заместителя начальника отдела печати Главного управления воспитательной работы Вооруженных Сил. А в 2005 году - на должность помощника начальника ГУВРа по аналитике и СМИ.

После увольнения в запас в 2009 году продолжил службу в должности старшего прокурора Генеральной прокуратуры России, а с 2013 года – в Судебном департаменте при Верховном Суде РФ. Руководил отделом в «Аргументах и фактах», журнале «Дорожный патруль» и еженедельнике «Русский репортер». Выпускал журналы «Государственная безопасность», «Союзники ОДКБ» и «Безопасность России».

Первая книга «Москва криминальная» вышла в 1999 году и стала бестселлером на книжной ярмарке на ВДНХ. Потом будет сценарий сериала «Право на выстрел». Вскоре к этому добавился сценарий фильма «VIP полицейский», а также две книги из серии «Мастера отечественного детектива»: «На переломе, Или пуля для тени» и «Ответный ход, Или тайна наследства Шаха».

Лауреат Всероссийского литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья!» 2020 г.

НА ПЕРЕЛОМЕ, ИЛИ ПУЛЯ ДЛЯ ТЕНИ

Отрывки из книги

ПРОЩАЛЬНЫЙ СУВЕНИР

В тот вечер почти весь личный состав батальона подполковника Николая Большакова заступал в наряд по гарнизону. Из всех его офицеров в общежитии оставался лишь один майор Владимир Беликов, только сменившийся с суточного дежурства.

-Слушай, Володя, - Николай похлопал друга по плечу, - у меня к тебе одна очень деликатная просьба. И очень секретная.

-Конечно, командир, - Владимир улыбнулся, - все сделаю.

Николай достал из планшета фотографию старшего прапорщика Каримова и нарисованный на листочке портрет неизвестного, переданный Ковалевским, и положил их на стол перед Беликовым.

-Как, на твой взгляд, они похожи? – Тихо спросил он.

-Ну, если присмотреться, то есть схожесть, - ушел от четкого ответа Беликов. – Правда, я его в таком виде никогда не встречал. Что за маскарад?

-Понимаешь, я сам еще не разобрался во всей информации, - тоже очень аккуратно продолжил Большаков. – Но существует предположение, что именно он находился за рулем той машины, которая сбила нашего столичного журналиста Спиридонова. Правда, доказательств нет, одни догадки.

-Стоит ли тогда мараить память отважного офицера, тем более погибшего в бою? - Беликов поднял глаза на командира. – Тут нужны железные доказательства.

-Думаю, Володя, что доказательства найдутся, - тяжело вздохнул Николай. – Хотел бы тебя спросить, ты не помнишь, что это была за газета, где мы впервые прочитали о подвиге отважного прапорщика милиции Эльдара Каримова.

-Не помню. Надо поднять его личное дело, сделать запросы, - махнул рукой Владимир, - я думал, что это ты его сюда сам забрал.

-Ладно, - подвел итог разговору командир, - хочу тебе, как опытному аналитику, доверить разбор этого непростого дела. Подумай, могли ли мы прохлопать такого врага у нас в центре. Посмотри, подумай, есть ли какие-то зацепки. Времени на раздумья нет, через 10 дней выезд на Кавказ. А мы здесь в гарнизоне еще порядок не навели...

-Не беспокойся, Николай, - Беликов встал по стойке «Смирно», - вот немного выплусь, а потом, если что, подумаю и сразу же сообщу.

В офицерском общежитии уже давно все уснули, а в комнате Беликова продолжал гореть свет. На столе были веером разложены фотография, рисунок, бланки телеграмм. А на большом листе альбома для рисования были отмечены какие-то кружки с буквами посередине. Часть из них были перечеркнуты двумя линиями, рядом с какими-то кружками - стоял вопросительный знак. В пустой стеклянной банке из-под болгарского горошка лежали горой дымящиеся остатки выкуренных сигарет.

В гарнизоне было тихо. В чуть приоткрытое окно, Владимир внезапно услышал чьи-то шаги. Он быстро прислонил ухо к стенке, где в соседней комнате размещался сам Большаков. Нет, было тихо. Значит, показалось, и Николай не заходил. Потом кто-то пробежал под окном. Это мог быть кто-то из ребятни соседних домов офицерского состава. Они часто бегали здесь, пытаясь сократить расстояние до КПП.

-Наверное, опять бесятся, - подумал Владимир, и еще раз подойдя к столу, взглянул на свою специально нарисованную схему. – Да, еще пару штрихов и можно свои размышления докладывать Большакову.

Он оторвал взгляд от рисунка и взглянул на часы над дверью – они показывали десять минут первого ночи. Не выключая настольную лампу, он подошел к кровати, и, как и был в одежде, буквально свалился в нее. Пару часов сна его организм не просил, а просто требовал.

На первом этаже пристройки офицерского общежития было тихо. В дальнем углу, у самого окна одиноко очень слабенько горела неяркая лампочка, слегка освещая лишь контуры стоящего в коридоре человека. Стараясь идти как можно тише, неизвестный снял обувь и на одних кончиках пальцев проскочил к двери комнаты Большакова. Остановился. Прислушался, приложив голову к двери. Никаких шумов. Неизвестный осмотрелся, и, пользуясь небольшой отмычкой, быстро вошел внутрь. Также тихо, он прошмыгнул к окну и быстро закрыл окно толстой шторой. И только теперь включил фонарик.

Луч света вырвал из темноты спартанский облик комнаты подполковника Большакова: железную кровать с металлической сеткой и солдатским матрасом, тумбочку, со стоящим на ней магнитофоном «Весна», небольшой письменный стол, маленький телевизор, поставленный на холодильник, и высокий трехстворчатый шкаф в углу. Неизвестный тихо подошел к аккуратно заправленной кровати, сорвал одеяло и проверил,

есть ли под ним и подушкой какие-то вещи. Затем достал нож и распотрошил весь матрас. Осмотрел тумбочку, взял несколько бумажек, и не найдя ничего интересного, бросил их тоже на пол. Заглянул под кровать и шкаф, осветил фонариком заднюю стенку шкафа. Ничего!

Тщательно осмотрел сантиметр за сантиметром весь деревянный пол. Достал из шкафа два чемодана – большой с личными вещами и маленький офицерский тревожный. Ни в одном, ни во втором тоже ничего заслуживающего внимания не оказалось. Не боясь оставить отпечатки, неизвестный вновь подошел к окну, раздвинул шторы, и, капнув маслом на петли, тихо попробовал открыть его створки. А затем также тихо, спрыгнул в траву.

Дверь подвала, заранее тоже смазанная маслом, открылась тихо. Неизвестный быстро вошел внутрь, достал из коробки небольшие взрыватели с циферблатом. Посмотрев на часы, которые показывали ровно 4.00 утра, он установил таймер на 4.45. И также спокойно вышел, предварительно закрыв входную дверь в подвал на дубликат ключа.

Майор Владимир Беликов открыл глаза и посмотрел на висящие над дверью часы – они показывали 4 часа 10 минут утра. Он как был, без кителя, вышел из комнаты в темный коридор общежития и, хлопая тапочками по полу, поплелся к дежурной, сидевшей за углом коридора, у самой двери главного входа.

Сегодня на этом посту была гарнизонная активистка и любимица полковника Ковалевского - Нина Петровна. Эта женщина лет сорока, была женой одного из офицеров бригады и глава местного профсоюза. Предутренний сон сразил ее, и она, положив голову на стол мирно посапывала во сне, по-детски собрав губы бантиком.

-Нина Петровна, - аккуратно постучал по стеклу комнаты дежурной Владимир, - мне необходимо позвонить срочно моему шефу Большакову.

-Да-да, - внезапно разбуженная женщина, еще не придя в себя, хлопала глазами, - конечно, звоните товарищ майор. Пока Беликов набирал четырехзначный номер оперативного дежурного, женщина уже пришла в себя, не забыв тайно достать из ящика блокнот и ручку, дабы записать все, о чем будет докладывать майор своему командиру. Ну а утром, естественно, все передать слово в слово самому полковнику Котову, ну, согласно его приказа.

-Товарищ подполковник, - Беликов был краток, - прошу извинить за такой утренний звонок. Я все посмотрел, додумал, взвесил. Он здесь, судя по всему, был не один. Чувствую это. Мне даже показалось, что за мною вечером тоже следили. Кто-то под окном ходил. А вообще, я тут одну интересную схемку набросал...

-Володя, давай чуть позже. - Большаков был чем-то сильно занят. – У нас тут доставили пьяного лейтенанта из бригады, пытался к какой-то женщине влезть в окно. Вот, разбираюсь...

-Ладно, командир, давайте тогда утром после завтрака сядем и поговорим. – Согласился Беликов. – А пока, лично я - спать. Вот уже половина пятого утра. Владимир повесил трубку и, поблагодарив, ушел в темноту коридора. Женщина из своего окошка хорошо видела, как он исчез в темноте, и только было слышно, как хлопали в ночной тишине по этажу его пластиковые пляжные тапочки.

Когда услышала, как хлопнула его дверь, она записала в блокноте: «Майор Беликов. Звонил Большакову в 4.30 утра. Сказал, что составил схему, и что за ним следят».

Когда все успокоилось, дежурная по общежитию, посмотрела на зеленый циферблат стоящих прямо перед ней электронных настольных часов. Они показывали 4.44 утра. До общего подъема оставалось еще почти час. Женщина, сладко вздохнув, подвинула стул, вновь попыталась положить голову на руки и закрыть глаза. Но случайно задела локтем,

лежащую тут же шариковую ручку, которая внезапно покатила по столу, и, достигнув края, полетела на пол...

Едва ручка коснулась земли, все здание общежития мгновенно вздрогнуло и зашаталось. Сразу же отключилось электричество. Раздался грохот разбитого стекла, из коридора пристройки почувствовался запах гари, повалил дым. Нину Павловну какая-то нечеловеческая сила отбросила от разбитого окна дежурки в дальний угол, и с гулким звоном лопнуло окно на улицу. А женщина, внезапно оглохнув и ударившись головой о стенку, сразу же потеряла сознание. При этом так и не сумев понять для себя, почему от обычной шариковой ручки такой шум...

Взрывная волна выбила практически все окна не только в самом общежитии, но и в соседних домах. А сама эта кирпичная трехэтажная пристройка к офицерскому общежитию, была сильно разрушена и просто сложилась, как карточный домик. Первым к месту трагедии прибыл оперативный дежурный подполковник Большаков, выбежавший сюда из здания штаба, едва услышав взрыв. И тут не нужно было быть экспертом, чтобы понять, что эпицентр взрыва приходился как раз в подвале, под комнатами Беликова и Большакова. Николай это понял, едва подошел к дымящимся остаткам стены.

Этот мощный взрыв не оставлял никаких шансов на спасение. Прибывшие пожарные и саперы лишь констатировали ЧП.

-Нина Павловна, - Николай потерял за рукав дежурную, которую несли в машину «Скорой помощи», - а Володю Беликова вы не видели? Может он вышел из общежития?

-Нет, - тихо ответила она. – Он был здесь, сразу после разговора с вами, отправился к себе в комнату, сказал - спать.. Через некоторое время под завалами обнаружили фрагменты обгоревшего тела, судя по всему, принадлежащие Беликову. Его Большаков смог опознать лишь по небольшому закопченному нательному кресту, найденному среди обгоревших останков.

Хоронили геройски погибшего майора Владимира Беликова на третий день, со всеми воинскими почестями, как и положено старшему офицеру. Его гроб, накрытый государственным триколором, был привезен на окраину городского кладбища, откуда с небольшой горы открывался отличный вид на город и озеро.

-Извини, друг, не уберег, - подполковник Большаков мял в руках фуражку, - это моя вина, не досмотрел. Враг оказался проворнее. Да и без предательства, я думаю, не обошлось. Но ты спи спокойно, я обязательно отыщу твоего убийцу, и отомщу.

-Так получилось, - Николай, чтобы не расплакаться, резко поднял голову вверх, - ты спасал меня не раз. Жаль, что первыми уходят лучшие. Ты любил всегда говорить, что «любопытство – страшный грех». Пусть так. Но я клянусь, что обязательно узнаю того, кто убил тебя и многих моих друзей. И он за все это ответит.

Что говорили другие присутствующие здесь на кладбище, Большаков не слышал, он отлично понимал, что начавшееся следствие по факту этого взрыва в общежитии, обязательно полковник Ковалевский извратит. Ему, как начальнику гарнизона, вовсе не нужно объективное расследование этого взрыва. Как уже намекнул местный дознаватель, полковнику Ковалевскому проще обвинить офицеров батальона Большакова в незаконном хранении взрывчатых веществ, чем доказать, что подвал здания военного общежития сдавался коммерсантам. И на стороне Ковалевского не только военное следствие, но и местная милиция.

Небольшой траурный митинг закончился, и мимо гроба с телом майора Владимира Беликова в торжественном строю прошли, отдавая последние почести герою, военнослужащие их батальона и солдаты почетного караула. Потом, когда прощание завершилось, под оружейный салют, гроб опустили в яму.

Николай взял пригоршню земли и бросил на крышку. Холодные мокрые комья глины с грохотом упали на ее красный атлас. Вот и все, друг!

Никто не мог увидеть в эти минуты, как внимательно из-за тонированных стекол темно-синего «Форда» за церемонией прощания, с шоссе неподалеку, в бинокль наблюдал какой-то человек. Когда прозвучал последний оружейный салют, он только улыбнулся и, постучав перчаткой по плечу водителя дал понять, что надо ехать дальше. Взревев двигателем, машина исчезла за поворотом с установленным на обочине дорожным знаком с перечеркнутым названием города красной полосой. Он означал, что Приозерск уже остался позади...

На окраине кладбища Большакова догнал начальник уголовного розыска Андрей Кривенков.

-Товарищ подполковник, Николай, прими мои соболезнования, - капитан милиции, взял его под локоть, и отвел немного в сторону, пропуская многочисленных присутствовавших. - Вы, наверное, уже знаете, что в гибели майора Владимира Беликова, уже на самом верху принято решение обвинить самого ...Беликова. Мол, он хранил в комнате привезенную с войны взрывчатку. Ну и, вечером по пьянке, неосторожно взорвал сам себя. Такой вариант тут устраивает всех - и вашего «друга» Ковалевского и моего начальника Гусейнова. Да и Москву, я уверен, тоже устроит. Там у них на вас «большой зуб» имеется.

-Но ведь есть еще свидетель дежурная Нина Павловна, - удивленно вскинул брови Большаков. - Свидетель, вроде как есть, - Кривенков тяжело вздохнул. - Правда, теперь Нина Павловна сообщила, что первоначальные показания она давала в состоянии сильнейшего шока и сотрясения мозга. Поэтому, и не помнит, что говорила раньше. Но, сейчас отчетливо вспомнила, что ваш майор был ...сильно пьян. Видимо, такие показания распорядился дать сам полковник Котов. Думаю, в обмен, на новую должность ее мужу...

-Но вы же знаете, что это не так, - Николай сильно сжал плечо милиционера. - У меня никто не пьет, тем более ни у кого даже патрона нет, не то, чтобы взрывчатки. Да и вообще, вы представляете, сколько необходимо было сюда притащить динамита для такого взрыва?

-Не динамита, а точнее - гексогена, - поправил его Кривенков, достав из кармана небольшой лист со справкой. - Мне тут об этом наши химики рассказали, проанализировав найденные на месте взрыва остатки. Эта разновидность взрывчатки - «Гексоген» или «Циклотриметилентринитрамин» - очень мощное взрывчатое вещество. И в настоящее время является одним из наиболее распространенных видов взрывчатки. Относится к группе бризантных веществ повышенной мощности.

-К слову, так как чаще всего гексоген применяется для различных военных нужд, - продолжил он, уже по бумажке, - ну, для снаряжения снарядов, мин и других боеприпасов, есть полная уверенность в том, что он принадлежал именно спецназу. Ну, используется такими подразделениями для спецопераций. Поэтому неудивительно, что гексоген является второй по «популярности» взрывчаткой после тротила.

-Но ты же веришь, что он не наш? - Переспросил Николай. - У меня там друг погиб. Разберись.

-Увы, я уверен, что этому делу ход не дадут, - ответил Кривенков. - По моей оперативной информации, завести сюда мешки со «стройматериалами» распорядился сам мэр Барышников. А помещение выделил Котов. Но доказательств этому нет. Все договоренности на словах, никаких бумаг.

-Я начинаю терять веру в нашу доблестную милицию, - совсем без иронии сказал Большаков. - Ты же гений сыска.

-Веру? В нашу пост-советскую милицию? - Андрей рассмеялся. - Я потерял веру в нее и в справедливость еще в 91-м. Но пытался до последних дней из следствия делать не источник заработка, а реально расследовать преступления.

-Именно поэтому подполковник Гусейнов, - он пожал плечами, - с завтрашнего дня меня отправляет в служебную командировку на Кавказ. Сказал, чтобы там, под свистом пуль, я еще раз задумался о том, что в жизни более главное. Нужно ли идти безумно на смерть за чье-то уже поделенное в Москве, но пока еще находящееся в распоряжении чеченцев месторождение нефти, или тихо спокойно сидеть в мирном Приозерске, работая в команде с нужными людьми и собирая деньги себе на безбедную старость?

-Мы на Кавказе не нефть охраняем, а боремся с бандитами, - резко прервал его Большаков. - Вот сам туда приедешь и убедишься, что там умирают не за деньги... -А вот с этим полностью согласен, - спокойно ответил Кривенков.

- Будем умирать там действительно не за деньги.., а за гроши. Нам тут суточные выплатили, из расчета около ...двух стаканов чая в день. Видимо хотят, чтобы мы действительно выжили, ибо на эти деньги даже достойно умереть нельзя...

-Ну, ты мне тогда скажи, - продолжил он, - чем сегодня те барыги из Кремля, кто мечтает получить прибыль с чеченской нефти, отличаются от наших Приозерских нуворишей? Не поверишь - только лишь масштабом воровства. И те, и другие хотят приумножить свои богатства, взять без спроса чужое, им не принадлежащее. При этом, все они, внешне, хотят показать законность. И так по всей стране. Здесь наших охраняют местные полковники Ковалевский и Гусейнов, а тех, в Москве - уже все доблестное МВД и Минобороны.

Большаков понимал, что, спорить с этим было трудно, конечно же, Кривенков был во всем прав. 1991 год изменил всю страну. Все встало с ног на голову. Как в фантастическом фильме, все государство в одно мгновение оказалось, будто в параллельном измерении. Где старую детскую игру в «Партизан», мгновенно сменила новая – в «Мафию», где выпускницы школ, ранее мечтавшие стать артистками, стали выбирать более денежную специальность «путаны». Где деньги стали главным в жизни, а понятия «честь и совесть» - заняли в этой вертикали сегодня самые последние места.

За минувшую неделю Николай Большаков обратил внимание на внезапно поседевшие на висках волосы. Конечно же, смерть близких людей близко зацепила и его самого. Было обидно, что его подчиненные погибли не на войне, а тут, у себя на Родине, в мирном городе. Тяготило его и отсутствие Елены Родченковой, той самой очень понравившейся ему девушки. Она на неделю уехала с материалами по ветеранам в областную газету. Хотя, если разобраться, такой ли уж мирный и гостеприимный этот Приозерск? Конечно же, Николай уже сообщил генералу Миловидову о смерти Спиридонова, гибели Курмангалиевой и Беликова, о возможной причастности к банде «Хирурга» прапорщика Эльдара Каримова.

Отдельно отметил и то, что при разборе руин общежития в подвале был вновь обнаружен ...хирургический скальпель.

РОКИРОВКА

С Родченковой Николай договорился встретиться в кафе. Елена буквально впорхнула в зал в красивом длинном белом плаще, красного цвета сапогах и с яркой алой сумкой через плечо. Просто невольно заставляя всех сидящих в кафе мужчин восхититься ее красотой, грацией и, естественно, соответствующим гардеробом. Девушка, не обращая ни на

кого внимание, проскользнула вглубь зала и остановилась у столика, за которым сидел Николай. Замерев, в ожидании, что он подвинет ей стул.

- Ой! – Воскликнула она, увидев его поседевшие виски. – Я даже сразу и не обратила внимание. Меня-то всего неделю и не было.

-Ну, без тебя здесь, как на войне, - усмехнулся Николай, помогая девушке снять плащ и сесть на стул, - год за три. Так что могу с полным основанием сказать, что не видел тебя почти месяц. И очень соскучился.

-Мне сообщили, что необходимо написать очерк о вашем прапорщике Каримове, - тихо сказала Елена. - Так что, давай командир, рассказывай о герое. Каким он был, как готовился, ну и, естественно, как погиб. А я еще завтра в школу схожу, узнаю, как они готовятся создать его мемориальный уголок. Ну и пару слов от имени мэра Барышникова в свой очерк вставлю. Может даже в «Красной звезде» опубликуют.

-Милая моя Аленка, - Большаков пододвинулся к ней ближе. – Прошу тебя, до поры до времени, об этом очерке забыть. Не время. Очень много пока там неясного. Давай его отложим на пару месяцев, до нашего возвращения из командировки...

-Вы уже уезжаете? - На глазах девушки выступили слезы. – Я за тебя боюсь, там стреляют... Как я тут одна?

-Знаешь, говорят, что на помолвку надо дарить кольцо с камнем, - поднялся из-за стола Николай, - я, правда, об этом ничего не знаю. До встречи с тобою, у меня была, как бы это не громко звучало, всего одна любовь - к армии и Родине. Но я теперь всегда думал о тебе. И сегодня, очень кстати, мне принесли кое-какие мои вещи из общежития.

-Прошу тебя стать моей женой, - он, опустившись на колено, взял со стоящего рядом стула заранее приготовленный букет, и раскрыл перед ее лицом сжатую в кулак ладонь с золотым кольцом. - Это обручальное кольцо моей мамы, всегда оберег...для тебя. Ты согласна?

-Конечно же, - Елена быстро надела на палец подаренное кольцо, полюбовалась им на свету, и, сделав на секунду вдруг задумчивое лицо, громко рассмеялась. – Но, твое предложение за минувшие два дня будет уже третьим по счету...

-Ну, вот так отпускай тебя одну в областной центр, - быстро принял игру Большаков. – Я желаю знать, кто эти конкуренты? Вызову их на дуэль, ради любимой девушки! Все сидящие в кафе замолчали и посмотрели на красивую пару.

-Дурачок, мой любимый, - рассмеялась Елена, - конечно же, я им всем отказала. Хотя они мне даже на помолвку машину подарить предлагали. Деньжищ у них огромные пачки. Кстати, они оба говорили, что заработали их здесь в Приозерске, где были в особой командировке. Даже пистолеты показали. А потом в ресторане, смеясь подняли очередной тост: «За то, что тот взрывной осенний день не встретили в сыром подвале Приозерска».

Услышав это, Большаков сразу напрягся, вся веселость мгновенно исчезла.

-Как они выглядели? Во что были одеты? – Быстро спросил он, пытаясь оставаться спокойным, и не испугать свою невесту. – Какая гостиница?

-Какой же ты все же, Отелло, - так и не поняв истинную причину изменения настроения, рассмеялась она. - Решил их вызвать на дуэль? Хорошо. Гостиница «Заря», там, в центре города, неподалеку от администрации. Третий этаж, справа, в самом углу. Вроде номер 302. Зовут Сергей и Петр.

-А ты у меня все же умница, - Большаков буквально сгреб в охапку худенькую девушку и крепко поцеловал ее в губы. – Сокровище! Никому не отдам.

С этими словами, он схватил куртку и выскочил на улицу, оставив растерянную девушку одну за столиком кафе...

Еще где-то через полчаса, майор Юрий Потапов, капитан Руслан Исмаилов и лейтенант Евгений Чернов уже стояли перед командиром батальона у него в кабинете.

-Товарищи офицеры,- начал было Большаков, - друзья. Вы знаете, что на днях произошло страшное преступление. Взорвали общежитие. Погиб наш друг Володя Беликов. Так вот, есть оперативная, но, увы, пока еще не до конца проверенная информация, что возможные люди, причастные к этому ЧП, сейчас находятся в нашем областном центре. Сами понимаете, официально мы ничего пока сделать не можем. Действовать через Москву – тратить драгоценное время. Поэтому будем задерживать самостоятельно. Под мою ответственность.

-Юра, - он посмотрел на майора Потапова, - срочно подготовь, а я подпишу, необходимые документы на учебное занятие по задержанию террористов в районном центре.

-Руслан, - он обратился к Исмаилову. – Оружие будет только у Потапова. Вам необходимо подготовить всю необходимую экипировку, возможно даже альпинистское снаряжение. Работать тихо, без единого выстрела, используя только приемы рукопашного боя. Они оба должны быть обязательно живыми и способными давать показания.

-Женя, - он повернулся к Чернову. – Берете мой УАЗ. Выезд через два часа. В областном центре будете приблизительно в 22.00. Все данные на этих наших «взрывников» в этом листе. На месте примите решение – брать их всех с собою или только одного. Если будете кого-то оставлять, то негласно передать сотрудникам милиции. Главного забираете сюда, грузите и около 4 утра, прошу - не позднее, обратно в гарнизон. Если на посту ГАИ остановят - покажете приказ. Не думаю, что наша госавтоинспекция будет вдаваться в подробности. Скажите, что у нас учения.

-И главное, - он уже говорил теперь всем. – Чтобы ни одного свидетеля. Покажите, что мы профессионалы. Время поджимает. Мы их не похищаем, а просто доставляем сюда, потом передадим милиции. Главного из этих «нелюдей» в наручниках и с кляпом – в подвал нашей казармы.

И полнейшая тишина. Дежурному скажете, что едете встречать в областной центр офицера с секретным пакетом. Все ясно? Вперед. Время пошло...

Они подъехали к гостинице «Заря», как и рассчитывали. В расположенном внизу ресторане еще всюду горел свет, и кто-то пьяным голосом пытался в караоке исполнить песню Игоря Николаева «Мельница». УАЗик загнали в ближайший двор.

-Сидите здесь, - распорядился старший группы майор Юрий Потапов, - я сейчас попытаюсь выяснить, они в номере или еще не возвращались. Чернова прошу в это время осмотреть здание и принять решение, как удобнее их будем «пеленать».

Потапов, быстро набросил на плечи темно-синий китайский осенний пуховик, и, застегнув молнию до самого горла, исчез в темноте двора. До гостиницы было не более ста метров. На улице – обычная для этого времени года холодная погода, в дополнение с мелким морозящим дождем. Одним словом, та самая, о которой всегда говорят, что «настоящий хозяин, в такое время, даже собаку на улицу не выгонит».

Юрий снял с руки часы, положил их в карман куртки, и, стряхнув с головы капли дождя, вошел в здание гостиницы. Девушка-администратор, читая книжку, даже не подняла глаза на вошедшего. Тишину нарушила раскрывшаяся дверь лифта, откуда навстречу Потапову выпорхнули две «ночных бабочки», и, дежурно улыбнувшись Юрию, пошли к выходу.

-Милая девушка, - офицер подошел к стойке администратора, и достав из кармана часы, положил их на стойку, - Вы не видели, случаем, мои новые знакомые из 302-го еще не приходили? А то они рядом в ресторане сидели. Один из них пошел в умывальник и там забыл свои часы. Если мне не изменяет память, его зовут Петр.

-Есть там такой, - тяжело вздохнула девушка, - он со своим другом Сергеем здесь уже живут дня четыре. Пьют, каждый вечер пропадают в ресторане. Проходу ни одной женщине не дают. Бьют в номере посуду, шумят, ругаются. А сделать с ними ничего нельзя - администратор с этажа сказала, что они чуть ли не из самого ФСБ. Я видела, что они только что к себе поднялись. А вам с часами стоит лучше утром прийти, а то они, когда пьяные, такие злые.

-Кстати, - администратор посмотрела на Юрия. - К ним только что на такси третий приехал. Узбек. У него еще такое смешное имя – Сугроб! Для него был предварительно заказан номер рядом с ними - 304. Этот мужчина такой серьезный. Не пьющий. Мне даже показалось, они его боятся. Увидели, сразу присмирели...

-Спасибо, - улыбнулся Юрий. – Завтра, так завтра. Только имя этого их третьего, наверное, не Сугроб, а вероятнее - Сухроб. В переводе «Рубин» значит. Ладно, все понятно. Они, эти герои, в котором часу на завтрак ходят?

-Какой там завтрак, - ответила девушка. – Спят до полудня. Так что вам лучше приходите к обеду. Тогда разговор получится.

Уже у машины, Юрий обсудил новый план.

-Так как их не двое, а уже трое, план меняется, - распорядился Потапов. - С собой забираем, как сказал командир, только их старшего – сегодня приехавшего узбека. Остальных оставляем здесь. Пусть ими милиция занимается.

-Командир, докладываю, - лейтенант Чернов, показал рукой в сторону гостиницы, - там между этажами старая пожарная лестница. Она как раз в их углу. Я посмотрел - во всех практически номерах балконные двери открыты. Так что «упаковать» одного и пошуметь у других сможем без проблем. Предлагаю начать с узбека, он, в отличие от тех двоих, трезвый, и может среагировать на шум.

-Хорошо, Руслан и Женя – вперед, - распорядился Потапов. – Я вас страхую в коридоре. На этого, их старшего Сухроба, у нас не больше трех минут. Потом – его быстро пакуем, осматриваем комнату. Все найденные там документы - с собой. Потом, Евгений с «Сугробом» уходят к машине, а мы с Русланом – пакуем оставшихся двух.

Как и планировали, Чернов и Исмаилов без единого шума добрались до открытой двери комнаты Сухроба, и быстро «спеленали» еще ничего не понявшего спросонья боевика. Он так и лежал связанный по рукам и ногам, с заклеенным ртом, только лишь хлопая глазами, пока офицеры, уже включив свет, внимательно осматривали вещи и комнату.

Потом Евгений, взвалив небольшого, но плотного узбека, себе на плечо, так же тихо вновь вышел на балкон. На веревке быстро опустил «подарок» на газон, и сам быстро спустился по пожарной лестнице на землю. Оставляя возможность товарищам завершить все дела в соседнем номере гостиницы.

Уснувшие, после хорошего алкогольного возлияния, Сергей и его друг Петр, даже не слышали, как офицеры вошли в номер. Даже беглый осмотр их комнаты показал, что у «хозяев» в двух огромных сумках в шкафу лежали три израильских коротких пистолета-пулемета, около килограмма взрывчатки, боеприпасы, а также два фальшивых удостоверения офицеров ФСБ, выписанные на их имена.

Здесь же в номере после внезапного пробуждения, оба сознались, что дезертировали из Советской Армии, когда в конце 80-х, перед самым выводом войск, служили в Афганистане. Изменили присяге, так как попались с наркотиками, и, боясь трибунала, пришли к моджахедам. Сейчас являются боевиками спецподразделения «Абу». Их готовили в Афганистане для выполнения в России серии террористических операций, с 1994 года воевали на стороне бандитов в Чечне. А в Приозерск прибыли по личному указанию своего командира «Сухого», здесь же получили липовые паспорта и документы о том, что они являются торговыми агентами ОАО «Зеленая аптека».

-От нас в Приозерске, - объяснил один из них, - требовалось только разместить в подвале стройматериалы. Мы даже не знали, что там на самом деле. Всем командовал «Сухой», ну тот самый Сухроб, что вчера приехал. Вот и все...

-Ну, хорошо, господа бандиты, - майор Потапов посмотрел на наручные часы, - сейчас два часа утра. Надеюсь, минут через пятнадцать вас найдут. И запомните - Вы нас никогда не видели. Надеюсь, повторять не придется. Иначе, наша встреча, только в худшем сценарии, может повториться в самое ближайшее время.

-А пока пьем, граждане террористы,- продолжил он, достав из сумки специально привезенные четыре бутылки водки. - Белую, горькую, до чувства полного удовлетворения. Прямо из горлышка.

-Теперь мы, с вашего разрешения, немного пошумим? – Юрий посмотрел на двух пьяных террористов, и повернулся к Исмаилову.- Аккуратно положи автомат из сумки на самое видное место. А когда я уйду, сделай пару выстрелов, и – следом за мною к машине. А то Женя уже заждался. Да и патроны, спрячь подальше.

Шумиха была необходима, в первую очередь, чтобы не оставлять дезертиров, пусть и даже очень пьяных, одних, без контроля. На шум, как правильно предполагали спецназовцы, должна среагировать дежурная по этажу. А зная непростой характер жильцов этого номера, да еще и выстрелы, она сама не сунется, а обязательно вызовет дежурный наряд сотрудников милиции. И уже они, в свою очередь, «обезвредят» преступников и «обнаружат» оружие, и даже удостоверения террористов.

Когда с улицы раздалось легкое покашливание Потапова, Руслан Исмаилов сделал из пистолета одного из бандитов выстрел в стену, и быстро выскочил на балкон. Как и просчитал Потапов, первой вызвала милицию именно дежурная по этажу. Заявив приехавшим патрульным, что слышала из 302-го номера выстрел. Но правда она не разобралась - выстрел автомата или обычной пробки от шампанского.

Открыв дверь комнаты, сотрудники местной милиции обнаружили двух пьяных боевиков, и брошенное оружие, взрывчатку. Пока этих террористов там, в областном центре в середине ночи оформляли, изымали оружие, и отвозили прямиком в УФСБ, команда майора Юрия Потапова вместе с «упакованным» Сухробом, уже подъезжала по пустынной ночной дороге к Приозерску.

Сам подполковник Николай Большаков встречал подчиненных, как и было заранее обговорено в 4 утра прямо на КПП. По улыбке на лице Потапова было понятно, что задание выполнено успешно. Машина подъехала к самому зданию казармы, и лейтенант Чернов быстро открыл дверь подвала.

Гарнизон еще спал. «Сухого» вытащили из машины и внесли в небольшое подвальное помещение без единого окна.

Елена Родченкова возвращалась домой из кафе после встречи с Николаем Большаковым в отличном настроении. Николай сделал предложение ей стать его женой, и, как знак этого, на руке блестело золотое кольцо.

-Ну вот, - улыбнулась девушка, внимательно всматриваясь в свое отражение в витрине магазина, - теперь буду дама замужняя, более серьезная, да и все публикации в газете теперь буду подписывать уже, как Елена Большакова. Вот так, ни много, ни мало. Она вошла домой, повесила пальто и проскочила в кухню.

Необходимо было как-то эту помолвку отметить - решила приготовить что-то маме и себе на ужин. Елена так и не поняла Большакова. Николай, ничего не сказав, убежал из кафе, даже не сообщив, когда появится. Может, обиделся на ее шутку, про еще женихов? Ну и пусть! Наверное, прибежит вечером сюда сам. Просить прощение у нее и разрешение на руку

и сердце у Ирины Григорьевны. А значит необходимо было подготовить не обычный, а праздничный стол.

За окном быстро стемнело. Пока мамы не было, Елена на скорую руку сделала небольшой яблочный пирог, и поставила в печку. Пока он готовился, открыла холодильник, и попыталась из всего, что есть приготовить овощной салат и домашние котлеты. Потом достала из шкафа бутылку дефицитного «Советского шампанского» и сунула в холодильник. Услышала, как в прихожей открылась дверь и пришла мама.

-Аленушка, ты давно приехала? – Ирина Григорьевна вошла на кухню. - Я без тебя эту неделю просто еле пережила.

-Ой, мамуль, - заговорчески начала дочь, и сразу же показала матери палец с надетым на него золотым кольцом, - тебе столько всего расскажу. И про командировку, и про приезд. Короче, мне Николай Большаков предложение сделал. Сказал, что любит. Думаю, сегодня вечером приедет просить у тебя нас благословить. Вот праздничный ужин готовлю.

-Господи, Коля решил сделать предложение? – Улыбнулась мама. - Мне тоже показалось, что хороший парень. Но, очень рисковый. Ты же слышала, что их скоро куда-то переводят.

-Нет, мама, - прижалась к ней Елена, - не переводят, а отправляют в командировку. А через несколько месяцев они возвратятся. И мы отпразднуем свадьбу. Я буду самой счастливой невестой на свете.

-Он мне очень доверяет, - продолжила она, - дал мне на хранение несколько своих личных блокнотов и даже настоящий кинжал. Старинный. С камнями и какими-то буквами. Сказал спрятать и отдать только ему. Какому-то наркобарону раньше принадлежал. Буквально в эту же минуту в коридоре зазвенел входной звонок.

-Это Николай, - глаза Елены засветились. – Иди, открой, а я пока в зеркало посмотрюсь. Ирина Григорьевна поспешила открыть дверь. Но на пороге стоял не Николай, а мальчик лет десяти.

-Елена Родченкова здесь живет? – Спросил подросток и, увидев, как кивнула женщина, продолжил. – Там ее на площади в такси ждет Николай Большаков. Просил передать, что подготовил сюрприз. И просил обязательно взять с собою его кинжал.

-Конечно, конечно, - сказала Ирина Григорьевна, закрыла дверь, и, возвратившись на кухню, сообщила. – Леночка, к тебе приходили. Какой-то мальчик сказал, что Николай подготовил тебе сюрприз, и ждет вместе с его кинжалом тебя в каком-то такси у самого КПП. Сплошная конспирация...

-Сюрприз? Как интересно! - Елена стала быстро собираться. – Мамулечка, мы на часок. Не забудь вытащить из печки пирог. Обязательно дождись.

Затем девушка прошла в дальнюю комнату, и, открыв дверь шкафа, сразу же увидела небольшой сейф. Раньше им пользовался отец, собирая там кое-какие документы. А сейчас Елена туда положила переданный ей кинжал. Как говорил всегда отец - «Подальше положишь, поближе возьмешь». Она вытащила этот небольшой, но тяжелый кинжал из глубины этого железного ящика и быстро положила его к себе в небольшую сумочку. И еще спустя несколько минут из окна был только лишь слышен удаляющийся цокот ее каблучков.

Машину Елена увидела сразу. На вечерней пустынной небольшой площади «такси» стояло одиноко с включенными фарами и работающим мотором. Родченкова быстро подошла к задней правой двери и открыла ее. Однако, вместо Николая на заднем сидении сидел неизвестный ей мужчина восточного типа.

-Извините, я, видимо, ошиблась, - девушка попыталась закрыть дверь. Но не успела. Кто-то тихо подошедший сзади, закрыл ее нос и рот носовым платком с запахом хлороформа. Она попыталась вырваться, но лишь глубже вздохнула и сразу почувствовала, как отключается. В одно мгновение, все вокруг закурилось.

-Все «Сухой», теперь мы можем ехать, - последнее, что она услышала, прежде чем провалиться в глубокий сон. – Она все же принесла бухарский пчак, а «Хирург» не верил. Так, что теперь можно ее отвезить к нему...

Пока офицеры группы майора Юрия Потапова отдыхали после ночной операции, сам Николай Большаков, сразу после завтрака погнал свою машину на местный рынок купить огромный букет белых роз. Подарить своей невесте, а заодно и извиниться за вчерашнее такое спонтанное исчезновение из кафе. Он купил цветы и уже через пятнадцать минут стоял на пороге квартиры Родченковых.

Едва он позвонил, осунувшаяся Ирина Григорьевна вся в слезах появилась в дверях.

-Николай, а Елена где? – Вытирая красные от бессонной ночи глаза спросила женщина, - я вас с вечера обоих ждала.

-Извините, - опешил Большаков, - но Аленька вчера еще вечером должна была быть дома. Последний раз видел только в кафе.

-Я знаю, - перебила его женщина. – Но вы же около девяти вечера к нам прислали какого-то мальчика. Просили передать, что ждете ее в такси на площади возле КПП. И просили взять ваш переданный на хранение кинжал. Она его забрала и ушла. Сказала, что вы оба будете через час, но пропала... Я всю ночь глаз не сомкнула.

Раз разговор зашел о кинжале, значит без «Хирурга» дело на этот раз точно не обошлось. Теперь необходимо было оперативно допросить плененного узбека, быть может, он прояснит ситуацию и по возможности объяснит, где сейчас может находиться девушка. Время поджимало. Во внутреннем кармане кителя уже лежал приказ генерала Миловидова, об их убытии завтра вечером в командировку на Кавказ.

Дальнейшие события менялись, как в калейдоскопе. Уже на территории части, майор Потапов встретил командира возле общежития.

-Товарищ подполковник, - начал Юрий, - наш Сухроб готов давать показания. Без нашего нажима. Говорит, что все осознал, расскажет.

-Давайте, к слову, специально для такого случая диктофон взял, - Большаков спустился с офицерами в подвал.

«Пленный» узбек сидел на стуле в углу подвала. Серое, одутловатое лицо говорило о его болезненном состоянии. Рядом стояла большая железная тарелка с горячей гречневой кашей с мясом, сверху лежал черный свежий хлеб, стояла кружка горячего чая. Но он отказывался даже пробовать еду, ссылаясь на общую слабость. Здесь же рядом стоял и лейтенант Чернов. Так как было принято решение ничего не рассказывать даже в батальоне о «госте», охранять его вынуждены были тихо и только те, кто и задерживал - сами офицеры группы Потапова.

-Вы же гарантируете мне жизнь? – Первым делом переспросил Сухроб. – Тогда готов рассказать все что знаю.

-Зачем вы украли девушку, и по чьему приказу? – Большаков внимательно посмотрел на задержанного. – Где она сейчас?

-«Хирург» приказал ее похитить из Приозерска, - сразу же все честно рассказал узбек, - и доставить к нему на Кавказ. Он сам туда уже давно уехал. А мы ждали эту девушку из командировки. Вчера и выкрали. Она теперь приманка для вас. Потом меня высадили вечером у гостиницы в областном центре, а сами с ней уехали дальше.

-Ясно, - Большаков старался держаться, как можно более спокойно, - теперь на диктофон по порядку обо всем, что знаешь. Кто ты, откуда, с кем приехал, какие задачи

перед тобою стояли? Подробно. Особо про «Хирурга» - опиши его, где его «лежка» на Кавказе, какие пароли? Короче говоря, все, чем можешь душу свою облегчить.

-А вы мне врача позовете? - Сухроб вновь заискивающим взглядом посмотрел на офицера. – А то со вчерашнего вечера какой-то озноб. Может, что-то не свежее съел в гостинице, а может простудился. А может такая реакция организма на прививку от гриппа, что мне вчера сделали.

-Я пообещал, врач будет, - подошел к нему Большаков. – А пока, давай, рассказывай... -Полевой лагерь на Кавказе у нас чуть севернее Шатоя, - начал было Сухроб, - в лесу, за речкой Аргун, в направлении Хаккоя. Места там дикие, безлюдные. Метрах в двухстах от лагеря - старые постройки бывшего корпуса местного зверосовхоза. Там – около пятнадцати колодцев, где держат пленных русских для выкупа. Думаю, что там теперь будет и ваша женщина.

Он быстро от руки нарисовал на тетрадном листке схему всего лагеря, посты, способы добраться, переданные ему с напарниками пароли.

-А этого человека, ты встречал? - Подполковник положил перед ним на стол карандашный рисунок портрета старшего прапорщика Каримова. - Кто он?

-Фамилии не знаю, - мельком взглянув на рисунок сразу же ответил задержанный, - но четко могу сказать, что это один из людей «Хирурга». По- моему, по кличке «Турист». Он с нами под Грозным воевал. А потом в январе 1995 года куда-то вдруг пропал. Я думал, что погиб. Ходили слухи, что он был пакистанским офицером.

-Только этого нам не хватало, - сказал Большаков. – А кто такой «Хирург»?

-Честно скажу, в Чечне его не видел. – «Сухой» скривил рот, откинулся на спинку стула и правой рукой помассировал себе грудную клетку рядом с сердцем. - А в Приозерске он даже не прятал лица, со всеми общался. Я его даже не раз в городе видел. Хотя он приоделся, вообще изменился... Узбек не успел договорить, внезапно захрипел, дернулся, на губах появилась пена, и он, глотая открытым ртом воздух и двигая руками, стал медленно сползать со стула.

-Это же.., - Сухроб дернулся и замолчал, его неподвижные стекленеющие глаза продолжали смотреть на Большакова.

Подбежавший Потапов проверил на шее пульс – бандит умер.

-День обещает огромные сюрпризы, - о чем-то задумавшись, вдруг произнес Николай, и, обращаясь к лейтенанту Чернову, добавил. – Тело погибшего – аккуратно и незаметно к дальнему забору. Очень нежно. В помощь возьмите старшего лейтенанта Безродного. И сразу же вызвать милицию. Скажете, что там и обнаружили. И обязательно выяснить причину его смерти. Доложите мне лично.

-Юра, - Николай повернулся к Потапову, - необходимо все выяснить по поводу всех приезжавших на эту конференцию. И про этого «генерала Неверовского». Необходимо поднять все документы, узнать кто он, этот московский генерал, где служил, чем занимался, как оказался здесь? Трудно поверить в то, что это «ряженный» генерал, хотя, всякое сегодня может быть. В любом случае мы с ним познакомимся. Они меня сами найдут, «Хирург» хочет меня увидеть лично. Для этого и украли Елену. А пока у нас, к сожалению, времени нет. Завтра вылетаем на Кавказ.

-Далее, - Николай достал из кармана небольшую бумажку, - подводим промежуточные итоги. Вот тебе, Юрик, московский телефон генерал-лейтенанта Миловидова Александра Александровича. Скажешь, что от меня, и обо всем ему расскажешь. Проси сюда в Приозерск большую оперативную группу из ФСБ и Главной военной прокуратуры. Работать по коррумпированным мэрии и по командованию гарнизона.

-Скажи, что мы отправляемся в Шатой. Нарботанные нами документы по бригаде – оставляем в квартире Ирины Григорьевны Родченковой. Диктофонная запись с откровениями «Сухого», и данными на всех полевых командиров – также там, вместе с

оригиналами уголовного дела капитана милиции Кривенкова по делу «старшего прапорщика Каримова».

Кстати, обязательно попроси, чтобы этого капитана, который сейчас где-то в Чечне, обязательно включили в состав нашего Межведомственного антитеррористического центра.

-И еще, скажи, что, есть информация, что «Хирургом» похищены и вывезены тоже на Кавказ несколько бизнесменов, среди похищенных может быть находившийся в Приозерске генерал Неверовский, а также журналистка Елена Родченкова.

МАСКИ СБРОШЕНЫ

С самого утра у полковника Ковалевского было отличное настроение. Знакомые из Москвы сообщили, что буквально завтра батальон миротворческих сил подполковника Большакова покинет Приозерск, отправляясь на Кавказ. Уже есть соответствующий приказ. Ориентировочно на несколько месяцев, но бог даст, то и на большее время.

Юрий Викторович еще раз взглянул на сидящих перед ним на еженедельных «планерках» немногочисленных «руководителей» города. Судя по лицам глав городских предприятий и учреждений, назначение которых он лично рекомендовал мэру Барышникову, все вновь вставало на свои рельсы. С отъездом этих шумных спецназовцев Большакова, жизнь в районном центре, по его мнению, должна была вновь возвратиться в нужное русло. Тем более, в очередной раз появились слухи, о том, что бригаду вновь планируют разворачивать до полнокровной дивизии.

Так что теперь для полковника Юрия Викторовича Ковалевского во главу угла вновь вставал финансовый вопрос. Необходимо было организовать сбор денег на покупку перспективной генеральской должности. Ну, уж теперь-то, он никогда не допустит, чтобы на его земле разместили неподконтрольные ему подразделения.

-Куда девался этот Олег Волик? – Поинтересовался Ковалевский. – Хватит ему уже отдыхать, пусть выходит на работу.

-Юрий Викторович, не беспокойтесь, - поднялся со стула Котов, - он в вынужденном отпуске. Обещает через пару дней возвратиться. Вы же его лично отпустили недавно на «большую рыбалку».

-Полковник Котов, останьтесь. Все остальные – до свидания! – встав с кресла сказал Ковалевский и, дождавшись пока все покинут кабинет, обратился к своему заместителю, - Завтра батальон Большакова покидает Приозерск. Он обратился к нам с просьбой выделить ему технику для перевозки всего личного состава в Москву, на военный аэродром Чкаловский. Понимаешь, Николай, надо найти причину ему отказать. Пусть почувствует, что он зря пытался кусать руку, которая его должна гладить и кормить. Сколько он нам крови попортил.

-Кстати, - комбриг на секунду задумался, - а что там с расследованием взрыва?

-Да, расследование окончено, - четко доложил Котов. – Новый начальник уголовного розыска установил, что взрыв произошел по вине проживавшего там на первом этаже майора Беликова. Есть показания свидетелей, что тот был пьян, а Большаков, прикрывая алкоголика, даже не поставил его в наряд. Ну, видимо, под утро майор проснулся и случайно что-то тяжелое уронил на ящик с гранатами, что лежали у него в комнате общежития. Это и привело к сильному взрыву и разрушениям.

-Пьяного Беликова видела дежурная по гостинице, а закрытый ящик, видимо с теми самыми гранатами, местная уборщица. Все необходимые свидетельские показания и результаты экспертиз, как мне сообщили, переписаны, а старые – уничтожены. А принципиальный, ныне уже бывший начальник угро капитан Кривенков теперь ловит бандитов где-то на Кавказе.

-Молодцы, хоть в этом обрадовали, - улыбнулся Ковалевский. – А кто таков наш новый начальник уголовного розыска города?

-Теперь полностью наш человек, - с гордостью ответил Котов, - это старший лейтенант милиции Гусейнов. Ну, вы должны помнить – он нам летом на День города шашлыки готовил. Такой невысокий, чернявый - двоюродный племянник начальника нашей милиции Гусейнова.

-Мы уже организовали его перевод сюда из Нижнего Новгорода. Все равно сейчас преступность в городе нулевая, вот видите, Волик свое слово держит.

-Хорошо, так что касается транспорта для Большакова, - продолжил полковник, - ему порекомендуй туристическую фирму. Пусть возьмут себе для поездки экскурсионные автобусы до столицы. Деньги у них есть, да и мы так нашей турфирме поможем... Полковник Ковалевский посмотрел в окно - дождь барабанил по стеклам, а там высоко в небе холодные стальные осенние тучи ветер гнал в сторону Москвы...

Свинцовое небо нависло над всей столицей. Сильный порывистый холодный ветер, очень нехотя дал возможность охраннику «нефтегазового короля» Алексея Петровича Наливайко приоткрыть дверь из подъезда, не забыв при этом, бросить несколько капель противного осеннего дождя ему в лицо. Конечно, ноябрьская погода теряла свою силу, сдаваясь уже зимней непогоде.

Бизнесмен вышел из дома и только уютно расположился на заднем сидении своего служебного «Мерседеса», когда кто-то постучал ему в окошко.

-Что вам? - заднее тонированное окно приоткрылось, и Наливайко увидел стоящего у машины и придерживающего от ветра фуражку лейтенанта милиции. – Чем могу быть полезен?

-Алексей Петрович, - быстро начал офицер, - я тут с вашими бумагами вынужден был разбираться... Есть небольшие грехи... Хотел вот с вами, так сказать неформально проговорить.. Закрыть их.

-Забудь, лейтенант, - улыбнулся бизнесмен. – С такими, как ты, я вопросов вообще не решаю. Я уже обо всем договорился с генералом Неверовским. Так что знай – у меня теперь нет даже малюсеньких грешков. Все искупил. Точнее выкупил... Спроси у своего начальства.

Еще через час, этот лейтенант докладывал своему непосредственному начальнику – заместителю начальника следственного отдела, что одна из столичных «бизнес-акул» по фамилии Наливайко имеет какие-то серые схемы с бизнесменами из Чечни.

-Хотел с ним поговорить, предложить покаяться, с нами поделиться, - честно признался молодой офицер, - ведь там, в Чечне, сейчас не до бизнеса. Но он даже не захотел со мною говорить. Сказал, что он невиновен. Короче отщипнуть отказался...

-Но вы же знаете, - хозяин кабинета майор юстиции посмотрел на подчиненного и из пачки лежащих на его столе дел, вытащил только одно - с надписью «Наливайко», и стал внимательно листать, - у нас есть только подозрение, что он нелегально торгует оружием. И нет прямых тому доказательств. Так что поговорить с ним, уверен, еще придется. Никто еще нас не посылал вот так...

Алексей Петрович Наливайко, несмотря на все звонки и открытки, появился в кабинете заместителя начальника Следственного отдела только через полторы недели. Он удобно расположился в кресле у стола, расстегнув плащ.

-Дорогой майор, - улыбнулся бизнесмен, - что вы от меня хотите?

-Хотел бы, Алексей Петрович, - спокойно ответил майор юстиции, - если так можно сказать, с вами поговорить по душам. Конкретнее - по поводу вашего бизнеса в Чечне. Давайте обсудим, зачем вам лишние неприятности, а нам головная боль. Уверен, мы всегда можем договориться.

-Откровенность за откровенность, - вновь улыбнулся Наливайко, - месяц назад я приобрел у одного очень влиятельного генерала за очень большие деньги единую «индульгенцию» за все мои прошлые, да и возможно будущие «грехи». Так что, прошу вас, мне больше не мешать. А я, не буду тогда, мешать вам получить следующее звание... Уверен, мы поняли друг друга?

Годы службы в этом отделе научили этого офицера не верить словам. Тем более, в Москве. Действительно, было не очень понятно, почему высокопоставленный генерал, который выдал такой документ о всепрощении этому бизнесмену, не поставил в известность его руководство. Не просил, даже не приказал.

-Конечно, господин Наливайко, - спокойно ответил майор, - у меня тогда единственный вопрос – кто этот генерал?

-Генерал Внешней разведки Неверовский, ныне работающий в Администрации главы государства, - также спокойно произнес Наливайко. – Надеюсь, у вас закончились все вопросы? Я могу идти?

-Конечно, Алексей Петрович, - майор юстиции встал и, подписав пропуск, проводил бизнесмена до двери.

На следующее утро, майор зашел уже к начальнику всего Следственного отдела подполковнику юстиции Вадиму Строкову. Офицер, уже получивший приказ о переводе в Центральный аппарат, собирался к переезду у себя в кабинете. Ну, и, заодно, принимал «памятные подарки» от подчиненных.

-Товарищ подполковник юстиции, - заместитель внимательно смотрел на своего руководителя, - хотел вам сделать небольшой памятный сувенир от господина Наливайко. Но мне сказали, что его прикрывает какой-то мне неизвестный генерал Неверовский. Я попытался договориться, но безрезультатно. Может, сможете получить необходимую информацию по этому высшему офицеру? Сказали, что он вроде из Внешней разведки РФ...

-Напиши на бумажке, на всякий пожарный, его данные, - распорядился Вадим. – У меня тоже есть кое-какие связи. Разберемся. Деньги терять сейчас нельзя, я и так потратился с этим назначением.

Через три дня, тесть будущего генерала юстиции Вадима Строкова, неофициально сообщил ему, что никакого генерал-майора Алишера Неверовского никогда не существовало ни во Внешней разведке, ни в ФСБ, ни даже в Министерстве обороны. А значит, скорее всего, этот бизнесмен Наливайко просто не хочет платить.

-Так что мы его теперь пошевелим на более высоком уровне, - тихо сказал он. – Тут я по твоей просьбе стал искать на него информацию, а нашел серьезный компромат. С интересом прочитал. Оказалось, что лучше бы он тебе заплатил в свое время... Для него было бы дешевле... Теперь заплатит гораздо больше. Кстати, за своевременную нужную и полезную «для государства» информацию, я обязательно, зятек, твой процент учту...

Своему тестю Вадим Строков верил безоговорочно. Недаром же он женился на дочери одного из высокопоставленных сотрудников нынешней Администрации Президента РФ.

Здесь, в Чечне, на территории брошенного еще в начале 90-х годов зверосовхоза под Шатоем, все было приспособлено для длительного проживания, как самих боевиков, так и пленных. Несколько небольших краснокирпичных зданий, спрятавшихся в лесу почти в километре от ближайшей дороги. И две бывшие фермы – деревянные, просторные, длинные - ныне перестроенные бандитами в тюрьмы. Все эти здания не были указаны ни на одной карте, и поэтому, вроде как официально не существовали в реальности.

По личному распоряжению Алишера, внутри каждой из этих ферм были выкопаны и забетонированы более 15 камер-колодцев, метра в четыре глубиной. Сверху ямы были

закрыты специальной крышкой-сеткой. Туда прятали людей, которых планировалось поменять на деньги. Сейчас этот бизнес на воюющем Кавказе стал очень модным. Поэтому о жизни заложников бандитам надо было беспокоиться, организовав им кормление и даже обогревая их камеры зимой. Разрешали спать не на земле, а на специальных деревянных настилах с матрасами. Все это – конечно не из-за благородства.

Дело в том, что каждый из пленников должен был увеличить благосостояние «Хирурга» и его команды не менее чем на 500 000 американских долларов. С прошлой зимы, пока Алишер Неверовский легализовался в «настоящего генерала» в Москве, четверых заложников из этих подвалов, за которых отказались платить родственники и их командиры, охранники хладнокровно расстреляли и закопали тут же, неподалеку, у леса.

А уже ближе к лету, еще пятерых солдат оптом продали какому-то именитому московскому политику и бизнесмену. При этом, по взаимной договоренности с этим политиком, и для поднятия его авторитета в Москве, официально столичным журналистам было объявлено, что воевавших солдат поменяли не на доллары, а просто отдали родителям в знак жеста доброй воли. Так что к осени в местной тюрьме остались лишь шесть заложников - пленный седой русский подполковник, два специально отобранных для выкупа сержанта срочной службы – из Питера и Екатеринбурга, и три гражданских рабочих, восстанавливавших в Гудермесе линии электропередач после войны. Руководству последних письмо с требованиями выкупа тоже было отправлено.

У себя в простом, но уютном кабинете Алишер Неверовский, словно полицейский из американского боевика, спокойно дремал, полулежа в кресле и забросив ноги на стол. Задание было успешно выполнено. Теперь денег действительно хватало не только на оплату наемников, но и на оставшуюся жизнь. Да и бухарский кинжал, за которым так охотился последние годы «Хирург», лежал уже здесь в сейфе, в ожидании своего хозяина.

Отличное время для жизни. Сейчас можно было по-настоящему его отряду легко вздохнуть, пока все боестолкновения с федеральными войсками на неопределенное время были прекращены. Конечно же, Алишер в будущем не рассчитывал скрываться. Его очень устраивало его нынешнее положение. Завершив дела на Кавказе, «генерал Неверовский» мечтал возвратиться в Москву к жене, новорожденному сыну. Потом, «уйти в отставку» и купить себе нормальную высокую государственную должность. Деньги, а значит - положение в обществе, новый паспорт гражданина России - давали пропуск в этот новый мир.

Боялся ли, что его опознают, что прошлое не отпустит? Нет, не боялся. Практически никого из тех, кто его видел на войне в Таджикистане и Чечне, не остался в живых. Остальные – знали только своих непосредственных командиров, тоже теперь уже погибших. Единственный, кто оставался до недавнего времени в живых, был его давний товарищ с позывным - «Сухой».

Но о нем Алишер тоже позаботился - тому сделали смертельную инъекцию. И он, сам того не зная, поехал из Приозерска умирать в гостиницу.

Или взять того «хапугу» из Хозяйственного управления Внешней разведки. Посмеет ли он рассказать о том, что продавал чеченскому полевому командиру во время войны документы и пропуска? Конечно же – нет. Даже если его возьмут за руку, он будет отнекиваться. Иначе же, ведь навсегда останется в дерьме до конца жизни.

Как и тот бизнесмен Наливайко, никогда не докажет, что отдавал кому-то какие-то деньги. И за что? За закрытие его уголовного дела? А при чем здесь он – генерал Неверовский? Увы, никаких документов о передачи ему финансов не существует, кроме слов...

Что касается журналистки Елены Родченковой, которую везли сейчас на Кавказ, то ее похитили исключительно, как приманку для спецназовцев. Так распорядился сам «Хирург». Да и для большей уверенности, во внутреннем кармане умершего «Сухого» сотрудники милиции должны были обнаружить записку на имя подполковника Большакова.

Где написано, что девушку должны передать ему лично через пятнадцать дней в определенном месте под Гудермесом. Но только взамен на 100 000 американских долларов.

При этом, ни ее, ни подполковника конечно же, здесь никто не думал оставлять в живых. К тому же, было подозрение, что покойный журналист Спиридонов мог ей кое-что рассказать о Чечне.

Ну, и, наконец, три предпринимателя из Приозерска, которые с генералом Неверовским отправились на переговоры. Здесь тоже все было четко организовано – в тридцати километрах от города их машину блокировали неизвестные. Всех, включая и самого генерала, похитили, надев мешки на голову. Оставленный там специально для алиби шофер, должен был это подтвердить.

А уже потом, всех пленников тайно переправили сюда, под Шатой. Далее, уже на территории зверосовхоза - бизнесменов по одиночке рассовали по ямам, а сам Алишер перебрался к себе в родные старые командирские апартаменты. И, в этот же день, распорядился сразу же отправить всем родственникам похищенных требования о выкупе. Всем без исключения, в том числе и своей супруге. Для своего будущего алиби и, главное, для большей убедительности.

Подполковник Николай Большаков возвратился к себе в кабинет после построения. Настроение было не лучшее. Вчера сообщили, что неизвестными прямо с трассы до Москвы похищены несколько областных бизнесменов, в том числе и сопровождавший их на переговоры - тот самый генерал Неверовский. А еще из милиции сообщили, что в потайном кармане куртки отравленного «Сухого» случайно обнаружена записка на имя Большакова. Всего несколько слов: «Обмен под Гудермесом. Сто тысяч долларов. Ширали».

-Так кто же ты такой полевой командир Ширали Намиев, по прозвищу «Хирург»? – Задумался про себя Большаков. - Тот, кто преследует меня уже несколько лет, словно тень? Хватит ему уже прятаться. Наступило время нам наедине встретиться. Ты планируешь убить меня в Гудермесе? Значит, пока еще не знаешь, что перед своей смертью «Сухой» успел рассказать о месте нахождения твоего лагеря. Получается, что теперь последний ход уже остается за мною.

В дополнении ко всему негативному, сегодня утром заместитель командира бригады полковник Котов внезапно отказал ему, причем под надуманным предлогом, в предоставлении грузовиков для проезда в столицу на военный аэродром Чкаловский. Сказал, что военная автомобильная инспекция с завтрашнего дня приступает к тотальной проверке всего их автопарка. Посоветовал взять взамен туристические автобусы местной турфирмы «Рассвет» - шесть стареньких, но еще довольно шустрых львовских автобусов, теперь уже считающимися «иномарками».

Николай посмотрел на часы – три часа дня. Отъезд, как и планировалось, через пять часов. А ближе к утру – они улетят в Моздок. И уже оттуда – к нашим частям. На этом официальная часть будет завершена.

Потом – по утвержденному заранее плану. Ровно в восемь часов вечера колонна туристических автобусов без сопровождения машин военной автоинспекции устремилась по небольшим узким улочкам Приозерска к мосту через речку Чернушку, в объезд озера, по дороге в сторону федеральной трассы в область. Они уезжали в Чечню, где пока официально уже не было первой войны, но где, вот-вот должна была начаться вторая. Уезжали в темноте, дабы не пугать жителей Приозерска своей экипировкой.

Уезжали в командировку, отлично понимая, что возвратятся не все. Им предстояло вновь стать невидимым и неофициальным для всех подразделением, в чью компетенцию входил поиск и освобождение находящихся в плену. Всех, не зависимо от профессии, звания, должности и национальности.

Ехали в полной тишине и темноте. Слабо светила только лишь дежурная темно-синяя лампочка над передней входной дверью в автобус, хорошо освещая лишь одного водителя. Шоссе было почти полностью свободно. Колонна проскочила железнодорожный переезд и, минуя небольшие населенные пункты, у самой бензоколонки выскочила на федеральную трассу. Ехали не торопясь, внимательно наблюдая за тем, чтобы не отстали и не заглохли последние автобусы.

А там, за окнами автобуса кипела жизнь. Чередой вдоль дороги стояли коммерческие палатки, каменные и деревянные одно и двухэтажные домики кафе, везде там играла музыка, смеялась молодежь, стояли появившиеся в последние годы многочисленные иномарки. И вряд ли, кто-то из них мог подумать, что сейчас в этих проезжавших мимо красивых расписных туристических автобусах едут не сытые и утомленные экскурсиями туристы, а военнослужащие Межведомственного антитеррористического центра, уезжавшие на войну.

Еще через несколько часов пути, уже на Владимирской трассе, в районе всем известного и воспетом Веней Ерофеевым населенного пункта «Петушки», Николай увидел, как их обогнали и перегородили дорогу два светлых автомобиля «Жигули» девятой модели без номерных знаков. Колонна вынуждена была взять правее к обочине и остановиться.

-Ну, все, дорогие мои туристы, доездили, - улыбнулся Олег Волик вылезая из «девятки», и громко распорядился своим. - Учтите - строго без мордобоя. Культурно, но жестко. Берем только деньги и золото. На все дела у нас около двух минут.

-Прошу открыть! - Он подошел к водительской кабине первого автобуса и, выплюнув жевательную резинку на землю, постучал рукояткой пистолета по открывающейся входной двери. – Вот и отлично!

-Товарищи туристы, прошу сдать мне всю наличность и золотые украшения, - Волик с улыбкой поднялся по освещенной лестнице автобуса. Весь салон оставался во мраке, освещая лишь единственное лицо испуганного водителя. - Все прошу положить в этот пакет. И мы с вами быстро расстанемся.

К удивлению Олега, в темноте салона автобуса никто не стал паниковать, не вскрикнул. Пока глаза Олега привыкали к темноте, с одного из сидений вдруг поднялся пассажир. Как ошибочно решил Волик, видимо для того, чтобы попытаться взять предложенный пакет. Спустя мгновение, Волик с удивлением увидел перед собою вместо туриста огромного спецназовца в бронежилете и его огромный кулак, стремительно летящий в лицо грабителя.

... Колонна автобусов, с двумя замыкающими светлыми «Жигулями», буквально на минуту остановилась прямо на трассе у поста ГАИ, возле поворота на Орехово-Зуево. Пока малолитражки парковали на обочине, а спецназовцы вытаскивали из автобуса связанных грабителей, подполковник Николай Большаков подбежал к посту и, заглянув в их дежурку, попросил инспекторов принять «грабителей туристов» вместе с их автомобилями. И, оставив свои координаты, быстро возвратился к колонне, которая мигнув фарами, исчезла в темноте.

До Москвы оставалось всего 80 километров. Так что дожидаться из «отпуска» Олега Волика и его подопечных полковникам Ковалевскому и Котову было уже не суждено. Тем более, что где-то в это же время, навстречу, по этой же самой темной осенней дороге, уже в сторону Приозерска из Москвы ехала большая объединенная оперативно-следственная группа. С ордерами на обыски и арест...

Чечня. Шатой. Три дня спустя.

-Все готовы? – В последний раз переспросил подполковник Большаков, и прошелся перед стоящими офицерами оперативной группы. - Пока разведка убирает часовых, а батальон блокирует базу боевиков по периметру, мы проникаем внутрь. Стараемся не

проявлять себя, по возможности, до последнего. Главное – внезапность. Сегодня здесь нас не ждут. Попытаемся без стрельбы. По возможности брать всех живыми. Искать заложников.

Месяцы кропотливых тренировок не прошли даром. Воспользовавшись картой, нарисованной еще «Сухим», разведчики и опергруппа прошли на территорию незаметно, минуя минные поля. Вся территория зверосовхоза была быстро и тихо взята под контроль. Часовых, во избежание шума, убрали ножами.

Пока одно отделение проверяло коровники, второе – блокировало штаб. Именно там, в коридоре, увидев спецназовцев, один из боевиков открыл стрельбу. В одно мгновение всю территорию базы оглушили выстрелы и разрывы гранат. Боевики «Хирурга» хотя и не ожидали гостей, и в столь ранний час, все же были готовы к «достойной» встрече. Но время ими уже было упущено.

Пока группа спецназа зачищала оставшуюся территорию, оперативная группа проверяла все помещения. В этом длинном деревянном коровнике, где содержали пленников, условия их содержания были во много раз хуже, чем для скота. В небольших земляных глубоких ямах у пленников было все рядом – ведро, в качестве туалета, стояло прямо рядом с кроватью, на которой они не только спали, но и ели.

Первым из ямы на поверхность достали почти всего седого мужчину с бородой и усами. Он был в полевой форме с большими двумя звездами подполковника на погонах. Рядом в ямах находились несколько солдат срочной службы, и три недавно привезенных сюда из Приозерска бизнесмена и несколько строителей. Все они были сильно истощены, обезвожены. А увидев освобождавших их спецназовцев, один из предпринимателей потерял сознание. Его спасал уже военный врач.

-Товарищ старший лейтенант, - обратился к Владимиру Безродному один из пленников. – Не так давно, в штаб к полковому командиру «Хирургу» отвели трех пленников. Вам надо их спасать. Их расстреляют.

Бой продолжился где-то не вдалеке, уходя к речке. Опергруппа прорвалась к краснокирпичному зданию, судя по всему, где и был штаб. Пока Безродный помогал эвакуировать пленных, лейтенант Евгений Чернов вместе с Николем Большаковым ворвались в один из кабинетов здания штаба. В коридоре засели несколько автоматчиков. Едва заскочили внутрь, как сразу же стенку прошила автоматная очередь, пули которой прошли в нескольких сантиметрах слева над головой подполковника. Чернов успел бросить гранату, и после взрыва все стихло.

-Большаков, - вдруг раздался голос из глубины приоткрытой комнаты. – Признаюсь, мы тебя недооценили. Но, ты умный офицер, не будешь стрелять в свою невесту. И дашь возможность нам уйти.

Николай заглянул в этот кабинет. В середине комнаты на коленях стояли три пленника. Это был какой-то паренек в строительном комбинезоне, его Елена и ...генерал Неверовский, в грязном рваном свитере и джинсах. Видно было, что над ним тоже издевались - разбита губа, руки, видимо, связанные за спиной.

-Нет, разговора у нас не получится, - едва взглянув на заложников, ответил Николай. – Предлагаю отдать нам всех заложников и самому сдаться. Гарантирую, что ты не будешь убит. И скажи своим людям сдать оружие. Не хочу жертв.

-Ты сделал свой выбор. – Ответил голос из-за стенки. И сразу же раздался выстрел. – Ответ он не верный...

Большаков увидел, как молодого паренька-строителя, словно от сильного толчка в грудь, отбросило к стенке, и он, обливаясь кровью, упал на деревянный пол. Понимая, что бандиты не остановятся, не теряя ни секунды, лейтенант Евгений Чернов бросился к Родченковой и, схватив ее, закрыл собою. А Николай, в это же время, в прыжке выстрелил скорее на звук, туда, где прятался с автоматом неизвестный.

Боевик, оставляя на стене кровавый след, рухнул. Николай быстро поднялся и подбежал к нему – нет, это был не главный, а совсем ему незнакомый немолодой таджик. В тот момент, казалось, беда миновала.

Но, краем глаза Николай увидел, как бывший заложник Неверовский вдруг достал из-за спины руки, в которых оказались пистолеты. И не мешкая, генерал сделал выстрел в лейтенанта и, почти одновременно - в Большакова. Подполковник видел, что пуля попала Чернову куда-то в голову, а его шею что-то сильно обожгло, и он почувствовал, как кровь заливает китель. Вторая пуля прошла чуть ниже – в бронежилет. Быстро среагировав, подполковник выхватил нож и метнул его в противника. Генерал Неверовский ойкнул, попятился, и стал быстро заваливаться назад, все еще пытаясь вытащить нож из груди.

На улице еще продолжался бой. А здесь за стенкой, в коридоре штаба было относительно тихо. Внезапно Большаков отчетливо слышал лишь гул шагов, видимо к спецназовцам шла подмога.

-Ты и есть «Хирург»? – Собрав последние силы Николай подбежал к умирающему «генералу». – Зачем меня преследовал? Зачем убивал моих сослуживцев?

Внезапно входная дверь в комнату за спиной со скрипом открылась.

-Любопытство – это грех, - услышал он знакомый голос входящего. На пороге комнаты с автоматом в руке стоял ... Володя Беликов. - Сколько раз тебе об этом говорил. Ну, вот командир, не ожидал меня здесь увидеть? Уже похоронил?

-Коля, - быстро продолжил Беликов, направив ствол автомата на бывшего сослуживца. – Прошу тебя не делать никаких резких движений. Не забывай – сам меня натаскивал по спецподготовке. Теперь, так - ты мне и моим людям даешь уйти, а я тебе, так и быть, оставляю твою Елену. Договорились?

-Володя? Ты остался жив? - Все еще не веря в увиденное, произнес офицер. - Никогда бы не подумал, что ты и есть «Хирург». Всегда считал, что Ширали Намиев – этнический таджик. А ты ведь наш, русский!

-Увы, так иногда бывает, когда в семье мама русская, - широко улыбнулся Намиев. - Поэтому папа меня от всех и прятал, потом отправил подальше за границу. Там никому не было никакого дела – таджик я или русский. А потом я решил воспользоваться тем, что не похож на свое окружение. Особенно тогда, когда я узнал, что ты убил моего отца. Понял, что Аллах дал возможность отомстить. А ты, оказывается, еще и забрал мое наследство - вот этот пчак. Беликов-Намиев достал из кармана кинжал.

-А ведь это не просто кинжал, - улыбнулся «Хирург», - это мое реальное безбедное наследство. Правда, жаль, что брат Али, или как ты его теперь уже знаешь как «генерала Неверовского», им уже не сумеет воспользоваться. Это не просто выгравированные здесь буквы – это шифр, номер отцовского счета в швейцарском банке. -Я же заранее приобрел документы и незапятнанную непроверяемую биографию некоего реального погибшего милиционера Беликова. Организовал спектакль со спасением себя и тебя из той лесной операционной.

Потом, воспользовавшись ключами твоего брата побывал у тебя дома. Помог твоему директору детдома смертельно упасть с лестницы. В Подмосковье организовал убийство нашего сверхсрочника с его невестой. Даже организовал тебе «смертельный» перелет из Анапы в Севастополь. Но ты, к моему удивлению, выжил. А чтобы знал, что это я - везде оставлял свой знак – скальпель.

-Все это время был с тобою рядом. Видел и радовался, как ты злишься, ловя воздух, а не меня. Пока ты думал, что я в Твери, я воевал в Чечне. Где и завербовал себе пакистанского офицера с позывным «Турист», того самого, которого, опять же по липовым купленным документам, ты знал, как Каримова. Потом с помощью поддельной газеты помог ему попасть к тебе в МАЦ. А после того, как он ликвидировал видевших нас Такаева и Спиридонова, а также твоего милиционера Курмангалиеву, то сделал все для того, чтобы его «случайно» застрелили, так удачно в то время подвернувшиеся, дезертиры.

-Ну и, наконец, «закрыл тему», организовав взрыв общежития. Правда, очень красиво получилось? Я даже прослезился, когда ты обо мне очень красиво говорил на кладбище. Выбора у меня не было – ты слишком близко подошел. Еще немного и ты мог выйти на меня сам.

-Но ведь мы на руинах обнаружили твои обгоревшие останки, - перебил его Большаков. – Мы их идентифицировали по нательному крестик.

-Ты прав, бомжей для подобных нужд в России хватает, - улыбнулся «Хирург». – Мы в Чечне зимой 95-го себе даже двойников для этих целей с Али сделали. И Спиридонов на это купился. А потом ваши спец в обгоревшей машине опознали «мои останки» лишь по оплавленной золотой печатке. Причем - липовой. Оригинал остался у меня... Он вытянул правую руку вперед, где на среднем пальце красовался золотой перстень с бриллиантом и буквой «А».

-А теперь, - «Хирург» показал Большакову на дверь, – вечер воспоминаний объявляется закрытым. Твою девушку, как и обещал, оставляю, а мы с тобою уходим.

В коридоре Нимиев увидел в окно бегущих к штабу солдат и старшего лейтенанта Безродного. Понял, что вырваться будет сложно. Он повернулся к Большакову и, подняв на него автомат, тихо сказал:

-Увы, планы меняются. Всех увести не удастся. Будем уходить вдвоем только с тобою. В тебя наши орлы стрелять не будут. Но вот теперь твою девушку в живых оставить не смогу. Свидетель. Так, что извини, командир...

Он поднял автомат. И в этот момент раздался глухой сильный удар по голове «Хирурга», который заставил его рухнуть на пол. Он лишь удивленно повернулся лицом к двери, и выронил из рук оружие. В дверях стояла Елена Родченкова. В ее руке виднелась разбитая о голову боевика бутылка виски. Которую она, видимо, совершенно случайно схватила со стола в кабинете генерала Неверовского.

-Ну вот, теперь мы квиты, - улыбнулся, переводя дыхание Николай. – Теперь уже, вне зависимости от твоего решения, я просто обязан взять тебя в жены.

-Ты мне в кафе в Приозерске тоже об этом говорил, - Елена поддалась на эту игру, и почувствовала, как ее медленно стал отпускать ранее сковавший страх. – А потом убежал. Вот, только в Чечне тебя и нашла, жених... Они вышли на улицу. Бой уже закончился. Пленные боевики толпились у коровника, чуть в стороне лежало их брошенное оружие.

-Товарищ подполковник, - доложил старший лейтенант Безродный. – Нескольким боевикам удалось уйти. Я послал группу их догнать. Но уверен, что это не приведет ни к какому результату. Скорее всего, у них для таких случаев был специальный план отхода.

-Никуда не денутся, - резко сказал Большаков. – Пусть теперь от нас прячутся, как тараканы. Всех уничтожим. Мимо в медицинский вертолет пронесли на носилках раненого лейтенанта Чернова. Он совсем бледный лежал на носилках. Голова была перебинтована, бинты быстро намокли кровью, и, хотя санинструктор сказал, что состояние тяжелое и нужна операция, вроде жизни ничего не угрожает. Евгений на секунду открыл глаза, и, увидев командира, с улыбкой прошептал:

-Не дождутся они моей смерти. Морпехи не сдаются! Еще повоюем...

Вместе с заложниками и захваченными в плен боевиками спецназовцев эвакуировали наши армейские вертолетчики. Подполковник Николай Большаков собирался проводить улетающую Елену. А самому же ему нужно было доставить арестованного «Хирурга» в штаб группы в Моздок. И оттуда, уже бортом госбезопасности, должны были доставить именитого полевого командира в Москву. Чтобы судить. Здесь, у самого вертолета, на корточках сидели арестованные боевики. Чуть в стороне от них – небольшой кучкой прямо на полянке сидели и их бывшие пленники, которых только что освободили из подвалов спецназовцы.

«Хирург» пришел в себя. Сильно болела разбитая голова, забинтованная медиками. Он попробовал шевельнуться – бесполезно. Он связан по рукам и ногам. Огляделся - он сидел здесь же в здании собственного штаба, прислонившись спиной к стене. Ширали был взбешен. Его точно выверенная многомесячная игра окончилась его же полным поражением.

Ведь кто мог подумать, что этот его Сухроб, уехавший в областной центр, попадет в руки спецназовцев не после своей смерти, а до нее. Да, Намиев слишком поверил в свой успех, и не рассчитал этой мелочи.

-Ну что, вчерашний мой друг Беликов, сдулся? – Охранявший его старший лейтенант Безродный с брезгливостью посмотрел на своего недавнего сослуживца. – Какая же ты оказывается тварь, Володя!

-Запомни, шакал, - зло посмотрел на спецназовца Намиев. – Я никогда не был вашим другом Беликовым! Я бригадный генерал Ширали Намиев, с позывным «Хирург». И вы для меня навсегда были и останетесь только лишь врагами. Вы убили моего отца. И я буду с вами драться. Буду вас преследовать. Не будет ног – поползу. Не будет рук – буду вас грызть зубами.... Безродный не стал дослушивать, плюнул на пол, и вышел из комнаты.

Ширали понимал, что это конец. Он отчетливо слышал, как неподалеку сели несколько вертолетов. Видимо, забирать раненных и заложников. Конечно, еще оставался вариант, что его доставят к коменданту в Грозный на аэродром «Северный», для дачи показаний и проверки его слов. Пусть даже на несколько дней. Этого вполне хватит, чтобы передать через «своего» человека весточку в отряд, что он жив. А там опять в оборот пойдут деньги, и он вновь обретет свободу. Гораздо хуже, если его сегодня отправят на ФСБ-шной вертушке непосредственно в Моздок. Там Ширали уже ничто не поможет. Гарнизон слишком хорошо охраняем, там много войск. Да и оттуда отправить в Москву проще. Неужели ситуация такая безвыходная?

Пока Безродного не было в комнате, у Намиева оставались несколько секунд, чтобы проверить, что есть в его карманах. Конечно же, пока он был в «отключке», все документы, оружие и «бухарский пчак» у него отобрали. Но, видимо, тщательно решили не проверять. Почти занемевшими пальцами он коснулся заднего кармана полевых брюк. Повезло! Он нащупал небольшую тревожную кнопку, которую ему, на всякий случай, порекомендовал вшить в карман брюк еще давно его друг Алишер.

С момента активирования этого небольшого передатчика, у его отряда была реальная возможность отследить в радиусе до метра, где в данный момент находится их командир. Ширали нажал спасительную кнопку. По негласному правилу, получив такой сигнал, спецподразделение отряда боевиков обязано было сделать все от них зависящее для освобождения командира. Ну, а в случае, если спасти его не удавалось, то командир подлежал ликвидации. При этом Намиев отлично понимал, что погибнуть в этом случае намного почетнее, чем до конца своих дней ходить в наручниках и с высоко поднятой задницей по темным этажам Соликамской тюрьмы. Так что необходимо было тянуть время...

Вертолет шел на высокой скорости очень низко над землей, едва не касаясь верхушек деревьев. Подобное могли себе позволить только лишь военные вертолетчики, люди, сумевшие пройти череду «горячих точек», рисковавшие жизнью в Афганистане. И поэтому использующие свои боевые знания здесь, в «мирной» Чечне 1996 года.

Большаков раскрыл свою полевую сумку и достал оттуда тот самый бухарский пчак. Если верить «Хирургу», в этих непонятных буквах зашифрован код. А может Ширали это сказал просто так, для поднятия собственного авторитета. Хотя в любом случае, теперь этот

злополучный кинжал надо передать военной контрразведке. Пусть сами разбираются с этим наследством «Хирурга», как и с ним самим.

Николай посмотрел в окно иллюминатора – внизу с бешеной скоростью летела земля. Почему то невольно подумал о том, что чем выше летим, тем менее заметна скорость. Как и в жизни, если в молодости летаем в облаках, не обращая внимание на идущие годы, то позже, когда становимся старше, притягиваемся все ближе к земле, и годы уже не бегут, а просто летят. Подполковник перевел взгляд на пленного Намиева, сидящего напротив. Вот ведь как в жизни получается, всего несколько часов назад этот человек хотел убить его, его Алёну. Конечно же, в ту минуту спасла случайность. Да и Алёна показала свой характер. Помогла обезоружить «Хирурга»...

В это время внезапно открывалась дверь пилота, и в салон выскочил молоденький летчик. -Что у вас здесь за передатчик работает? - Быстро спросил он. – Выключите немедленно. А то нас кто-то пытается пеленговать с земли. Вы вашего пленного досматривали? А то они могут нас и...

Летчик не успел договорить, как вертолет резко подбросило вверх, салон заполнил дым, а сквозь рваный корпус фюзеляжа Николай увидел приближающуюся землю. Винтокрылую машину резко закрутило, и она стала быстро падать на лес. Внезапно, что-то мелькнуло рядом, и Николая сильно ударило по голове. Теряя сознание, он увидел, как Безродного неведомая сила подняла с лавочки и бросила к середине салона вертолета. «Хирург» как бы растворился в дыму.

Вертолет, сбитый с лесной полянки переносным зенитноракетным комплексом, упал в нескольких сотнях метров. Видимо летчики, даже после попадания ракеты, пытались спасти технику и людей, и отвели падающую машину от огромных деревьев, поближе к лугу. От удара лопнувший корпус вертолета развалился уже на земле, и людей раскидало вокруг.

Подполковник Большаков попытался открыть глаза. Голова шумела. Он попробовал пошевелить руками и ногами. Вроде все цело. Он провел рукой по затылку и почувствовал липкое тепло крови. Она залила правое ухо, щеку. Сколько он пролежал здесь Николай не помнил.

Посмотрел в сторону – метрах в двадцати у самых деревьев догорал корпус его вертолета. Он попытался подняться, чтобы помочь пилотам, но встать не смог. Острый длинный кусок алюминиевого корпуса вертолета пробил ногу и мешал встать. Но к Большакову пошатываясь, уже шел старший лейтенант Безродный. Его левая рука тоже была вся в крови и висела, как плеть. Но он был жив.

-Володя, - подполковник тихо попросил друга. – Посмотри где там наш пленник. Это видимо его сигнал пытался вновь отправить нас на тот свет.

Большаков осмотрелся. Пропала полевая сумка. Видимо ее сбросило, во время падения. Очень аккуратно он вытащил железный кусок обшивки из ноги и попытался остановить кровь. Стало намного легче. Теперь Николай мог уже сам встать. Его поддерживал Безродный.

У небольшого оврага они увидели кровь. Рядом с небольшой лужицей лежала открытая полевая сумка Большакова. Кинжала там не было. А чуть в стороне лежали аккуратно перерезанные ножом окровавленные кусочки веревки. Судя по всему той самой, которой был связан «Хирург»...

Прибывшие на место трагедии на вертолетах спецназовцы констатировали только, что тела Ширали Намиева им нигде в округе обнаружить не удалось. Были найдены лишь следы протектора автомобиля «Жигули», к которым вели из оврага капли крови. Сам же живой или мертвый «Хирург» бесследно исчез...

Рафаэль Миргалиевич Тимошев - поэт и прозаик. Родился 25 ноября 1954 г. в семье военнослужащего в ГДР, г. Дрездене. Окончил Калининское СВУ, Ростовское высшее военное училище имени Главного маршала артиллерии М.И. Неделина. Службу проходил на космодроме «Байконур». Окончил философское отделение военно-педагогического факультета Военно-политической академии имени В.И. Ленина. По окончании – на педагогических должностях от преподавателя философии до заместителя начальника Военного университета по учебной и научной работе. Генерал-лейтенант, доктор философских наук, профессор. Автор поэмы «Лермонтов», повести «Око Индры», романов «Врата богов», «Золото Дункеля» и других произведений. Лауреат ряда литературных премий.

Лауреат Всероссийского литературного конкурса имени генералиссимуса А.В. Суворова 2019 года.

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «ЛЕРМОНТОВ»

Часть V.

17.

Их развели. Мартынов хмуро
Глядит с презреньем на врага:
Полуповернута фигура,
Дрожит предательски нога...
А тот стоит невозмутимо –
Едва усмешка уловима –
И ждет спокойно, как солдат,
Когда друзья неотвратимо
Их пистолеты зарядят.
Как будто был он убежден –
Ни друг не выстрелит, ни он...

18.

И вот несут по пистолету:
Майору Глебов подает,
А князь Васильчиков поэту
Оружье на руку кладет.

Но «горца» видя страшны очи,
Его лицо темнее ночи,
С тревогой шепчет другу он:
«Мартыш, по-видимому, хочет
Стрелять в тебя... Майор взбешен...
Стреляй и ты – и не дури,
Он не отступит – посмотри!»

19.

Но все решилось для поэта!
Готов он к вызову судьбы:
Казалось, слушаясь совета,
Готовит позу для стрельбы –
Чуть боком встал, нога в упоре,
Рука в мальчишеском задоре
Взметнула ствол перед собой...
Но, грудь прикрыв локтем, в укор
Качает князю головой –
Тому, мол, вовсе не бывать,
Чтоб стал он друга убивать...

20.

Не хочет он, чтоб ни случилось,
Чужую душу погубить,
Что жизнью полнилась и билась,
Желала искренне испить
До дна хмельную чашу славы,
Вкусить страстей людских отравы,
Ждала, любила впопыхах,
Грешила глупо, для забавы
И заблуждалась в пустяках –
Как ныне, не успев понять,
Что хочет друга жизнь отнять.

21.

Князь отошел. В душе сомненье
Вдруг в нем проснулось в первый раз:
Похоже, это представленье
Кровавым может стать сейчас!
Но что же делать? Дуэлянты
Уже готовы, как педанты,
К барьеру медленно пройти,
Лишь знак дадут им секунданты,
И выстрелы произвести!
Вдруг сердце обмерло внутри –
Раздалось жуткое: «...два...три!»

22.

То Глебов дал сигнал сходитьсь!
Но лишь успел махнуть корнет,
Мартынов уж вспорхнул, как птица,
И, тыча страшный пистолет,
Спешит на линию барьера...
А что поэт? Глазам не веря,
Застыли все – поэт стоит
И с хладнокровьем гренадера
На друга пристально глядит!
Шутить, конечно, он мастак,
Но что-то было здесь не так...

23.

Мартынов, словно бы споткнувшись,
Пред шапкой брошенной вдруг встал
И целить начал, чуть согнувшись...
Но не стрелял – чего-то ждал.
Иль мушка все не находилась,
Поскольку сердце колотилось,
Или не мог никак понять,
Что вдруг с врагом его случилось,
Коль тот желает все стоять...
Уж не хотят ли с ним шутить?
Вскипала кровь – тому не быть!

24.

А может, совесть в нем проснулась,
Кольнула сердце, как кинжал,
И от сознания ужаснулась,
Что он курок смертельный жал?
Что враг его стоит открыто,
Глядит, как целится сердито
В него товарищ, а в очах
Сомненье мечется убито,
И выбор тяжкий на плечах –
Иль подло выстрелить в упор,
Иль миром кончить этот спор.

25.

Ну, что ж! Пора помочь майору,
И в небо выстрелить заряд,
Чтоб понял он, забыв про ссору,
Пред ним стоит не враг, а брат.
Что в безоружного придется
Ему стрелять, коль не уймется,
И бог тогда ему судья:

Дуэль позором обернется,
Проклятьем – русская земля...
Но нет! Курок он не нажмет,
Лишь знак подать – и он поймет...

26.

А секунданты побледнели...
И, право, что-то здесь не так:
Один стоит, как на расстреле,
Другой не выстрелит никак,
Но в друга целит чрез поляну,
Хотя должны они по плану
Лишь в воздух целить и, пальнув,
Содвинуть дружно по стакану,
Друг другу руки протянув!
Но, слава богу, пистолет
Поручик поднял вверх... О нет!

27.

Не выдержав страстей накала,
Вдруг Грубецкой, как тот юнец,
Майору крикнул, словно с зала:
«Стреляйте же вы наконец!»
Что ты наделал князь! От злости
Мартынов, обезумев вовсе,
На миг дыханье задержал
И, вздрогнув, будто бы от трости,
Курок, зажмурившись, нажал...
И, как подкошенный, поэт
Упал, сжимая пистолет.

28.

Его убийца изумленно
Глядит на павшего... Дрожа,
Он вдруг оружие обреченно
Бросает наземь, как ежа:
«Как это все могло случиться! –
В мозгу испуганно стучится. –
Он сам виной... Я говорил...»
Но бьется совесть, точно львица,
И сердце рвет: «Что натворил!
Зачем убил... Зачем лежит...»
И в страхе прочь майор бежит.

29.

Зачем убил... Ужель на пару
Гордыня с завистью большой

Отмстила неземному дару
Поэта с русскою душой?
Иль, может, окрик Трубецкого
Смутил Мартынова стального,
И тот, в отместку шутникам,
Пустил кусок свинца шального,
Творя, не ведая что сам?
Но руку к сердцу приложив –
Виною подлая душа!
30.

Ведь что заставило майора
Так долго целить; и рука
Как смела вдруг рукою вора
Стрелять в упор, наверняка?
И ведь в то самое мгновенье,
Когда друг знаки примиренья
Столь откровенно подавал
И пистолет без принужденья
В пустое небо направлял!
Но пуля жечь оборвала
И сердце вмиг разорвала...

31.

И тотчас же над ним сверкнула
Зловеще молния. Ей вслед
Зарница дальняя мигнула,
И гром потряс весь белый свет.
Поднялась буря; дождь жестоко
Хлестнул поляну, и потоком
Сошел с разгневанных небес
На труп, лежащий одиноко,
На лица серые повес,
Застывших в ужасе вокруг,
На кровь, на скалы, на Машук.

32.

Так небо грозное прощалось
С мятежным сыном бурь и гроз
И ливнем гневным проливалось
Вселенских безутешных слез...
А он, рожденный небесами,
Лежал с сомкнутыми устами,
Один, недвижим, и душа
Его не наполнилась мечтами,
Стихом возвышенным дыша –
Она умчалась в мир иной
Под гром небес и ветра вой...

Александр Петрович Горопцев.

Член Союза писателей России, Председатель комиссии детских и юношеских писателей Московской городской организации Союза писателей России, Председатель исторической комиссии этой же организации, руководитель семинара по детской и юношеской литературе в Литературном институте имени А. М. Горького, доцент.

Закончил МИЭМ в 1976 г. Работал мастером на радиозаводе, инженером на телецентре в Останкино, заместителем главного редактора в журнале «Школьный вестник» для слепых и слабовидящих детей.

В 1994 г. экстерном окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Писать начал в 1971 году. Первую публикацию получил в 1991 г. Первая книга вышла в конце 1994 г.

В настоящее время изданы 55 книг: историологического содержания для детей и взрослых по мировой, отечественной и

московской истории, по мировой и отечественной военной истории, 5 книг прозы, а также книга «Лесков и Ницше. Сравнительное описание двух параллельных творческих миров».

Член жюри Литературного конкурса имени С. В. Михалкова на лучшее литературное произведение для подростков. Член Комиссии по Государственной премии Российской Федерации имени Маршала Советского Союза Г. К. Жукова. Лауреат многочисленных литературных премий, всероссийских и международных, московских и подмосковных.

Имеет 35 литературных наград разного достоинства: премии, медали, дипломы. В том числе медали «За труды в военной литературе» Союза писателей баталистов-маринистов от 27 сентября 2019 года и «За достижение в военно-политической работе» от 12 февраля 2020 г.

Отмечен призом «Золотой витязь» за книгу «Стратегия Второй мировой. Восточный фронт» XI Международного славянского форума «Золотой витязь» и Дипломом за книгу «Женщины в Древней Руси». Москва, 2020 г. этого же форума.

Лауреат Всероссийской литературной премии имени генералиссимуса А.В.Суворова 2005 года.

КРЕПОСТИ

ГОРОД-КРЕПОСТЬ ПСКОВ

Город Псков расположен на реке Великая в месте слияния ее с рекой Пскова. Впервые Псков упоминается в «Повести временных лет» под 903 годом по случаю женитьбы варяжского князя Игоря на псковитянке Прекрасе, которая, как гласят легенды, сменила свое имя после смерти Олега в 912 году и назвалась в честь этого князя, отца Игоря. Некоторые историки сомневаются в достоверности летописной легенды, утверждая, что Ольга была варяжкой. В самом деле признать жену Игоря и мать Святослава псковитянкой трудно тем, кто отстаивает идею скандинавского происхождения русской государственности, ведь Прекраса-Ольга своей жесткой, мудрой целенаправленной политикой заложила основы русской государственности и, кроме того, псковитянка-язычница, будучи фактической

правительницей Киевской державы при сыне Святославе, приняла приблизительно в 957 году христианство, словно бы подсказав внуку Владимиру I Святославичу, в какой стране света ему искать новую религию для формирующегося в Восточной Европе нового, сильного народа.

Прекраса-Ольга не была основательницей Пскова, и абсолютно никакой роли в истории города, как крепости, она не сыграла, но в судьбе Псковской земли, в характере псковичан, людей упорных в труде, упрямых в бою, непоколебимо верных всему русскому, всему тому, что закладывала в основы государства псковская красавица, очень много общих линий...

Никогда, даже в лучшие годы, Псков не являлся неприступной крепостью, хотя фортификационные сооружения города всегда, в том числе и в 1581—1582 годы, во время осады Батория, были добротными, отвечающими общим требованиям военного искусства эпохи. Но неприступными для внешних врагов (именно для внешних врагов!) были псковичи, ни разу за более чем тысячелетнюю историю не предавшие Русь, русское.

В 1581 году псковская крепость представляла собой сложную систему оборонительных сооружений. Город окружали каменные стены Большого города общей длиной в 10 км. Они имели 37 башен и 48 ворот. Вдоль реки Великая тянулась стена деревянная. При толщине 4—6 м стена достигала 6,5 м высотой. Средний город, располагался внутри Большого. Две стены его тянулись вдоль рек Великая и Пскова, третья полукругом замыкала их. В месте слияния рек стояла Довмонтова крепость. Стены ее возвышались над рекой на 10 м. В крепости со стороны реки Псковы находился Псковский Кремль, его стены достигали 15 метров высоты.

Население города составляло 15 тысяч человек.

ПОРАЖЕНИЕ НЕПОБЕДИМОГО БАТОРИЯ

К 1581 году положение в государстве Ивана IV Васильевича сложилось критическое.

Еще в 1563 году Иван Грозный начал войну с Ливонией, в тот же год сибирский хан Едигер проиграл войну сыну бухарского правителя Кучуму, попал в плен, погиб. Кучум внимательно следил за событиями в Восточной Европе, пытаясь отнять у русских Казань да и другие земли. В 1569 году во время похода турецкого султана, поддержанного крымским ханом, в Астрахань, Кучум собрал войско для вторжения в пределы владений Грозного. Султан отступал — Кучум отправил в Москву 1000 соболей в качестве дани. В 1571 году крымский хан Девлет-Гирей сжег столицу Руси — Кучум подготовил восстание казанских татар и черемисов. В 1573 году его воевода Маметкул перевалил через Уральские горы и прошелся с огнем и мечом по русским селениям. Русским удалось разгромить татар в битве у Молоди — Маметкул подался в Сибирь. В конце 70-х годов у Ивана Грозного ухудшились дела в войне с Литвой — Кучум отправил Алея в Пермский край. Он ждал, он готов был, как и крымские ханы, и турецкие султаны, и другие повелители близлежащих от Страны Московии народов и государств, нанести по Руси мощный удар.

И тут на беду, русским на испытание появился в Европе удачливый талантливый политик, напористый полководец семиградский князь Стефан Баторий. Он стал польским королем в 1576 году, когда дела в Польше были плохи. Русские войска в походах 1575—1577 годов захватили почти всю Ливонию. Польская армия явно не соответствовала современным требованиям как в организационном, так и в инженерно-техническом отношении. Стефан Баторий действовал быстро и решительно. Он отказался от ополчения, реорганизовал по западноевропейским стандартам армию, нанял иностранных наемников, хорошо им заплатив и пообещав золотые горы в случае побед в битвах.

Успехи Ивана IV Грозного напугали Швецию и Данию. Они выступили против русского царя.

В 1579 году Стефан Баторий пошел походом на Полоцк, осадил и после длительной осады взял город. Иван Грозный, почуяв серьезную угрозу, воюя еще и со Швецией, и в Ливонии, придерживая немалые силы на других границах, начал мирные переговоры. Стефана Батория переговоры не интересовали, он захватил русских послов и отправился с ними в Великие Луки, гордо заявив: «Да смотрите рече, како грады государя вашего возьму и поплению». И он взял Великие Луки 5 октября 1580 года. Жители города взорвали пороховые погреба и стены, а польский король, развивая успех, взял еще несколько городов. Он начинал мощно, как самые великие баловни военного дела!

Весной 1581 года Стефан Баторий повелевает: «Славнее же рече, и похвальнее прежних, нынешнему моему устремлению на русскую землю быти подобает, занеже на славный град хочу итти на Псков». В том же обращении король обещал по справедливости поделиться добычей со всеми участниками похода на славный русский город, и все, соотечественники и наемники, поверили ему. Осталось самое малое — взять крепость Псков.

Баторий собрал сорок тысяч поляков и шестьдесят тысяч наемников, среди которых были венгры и немцы, французы и шотландцы, австрийцы и датчане, шведы и румыны и другие воины Европы, и возгордился своей силой, глаголя, яко «не токмо Псков город... возьму и с ево пригороды, но и Великий Новгород и со семи приделы новоугородскими».

У гордости Баториевой была реальная опора: мощное войско, поддержка и доверие внутри страны, воодушевление сограждан, благожелательное отношение сильных европейских держав, надежда всех без исключения поживиться на восточно-европейской скатерти-самобранке. У Ивана IV Грозного ничего этого не было. Страна Московия к 1581 году воевать явно устала. И сам царь устал править страной. И поддерживать-то его извне никто не собирался. И опричнина-то сыграла свою пагубную роль. Многих прекрасных полководцев убили опричники и сам Грозный. Некоторые, как, например, Андрей Курбский, подались в бега, пристроились в армиях врагов. Опричнина — явление чисто имперское, хотя диссиденты, по разным причинам рождались и в демократических Афинах (Фемистокл, например). Бывали случаи, когда они воевали против тех, из-за кого им пришлось покинуть Родину. Андрею Курбскому почему-то казалось, что он, возглавляя войска, натравляемые на Русь, воюет против Ивана IV Грозного, а не против своих сограждан... Очень сильно обиделся князь на царя, но вот что было страшно в 1581 году! — еще сильнее могли обидеться на род Ивана Калиты, на Василия III Ивановича и, конечно же на Ивана IV Грозного жители Пскова, потомки тех, кого в 1510 году московские князья лишили республиканской вольницы. Но не обиделись псковичи. И не могли обидеться. Об этом догадывался и сам Стефан Баторий. Он в своем обращении к воинам честно и прямо сказал: разделим добычу псковскую. Он даже не мыслил о том, что Псков можно будет присоединить к своим владениям, не воюя, что псковичи согласятся отойти к Польше. Об этом мечтали несколько столетий многие повелители Европы. О добровольном присоединении Пскова Стефан Баторий не мечтал.

Он собрал стотысячную армию, не считая обоза, купцов, и повел ее к славному городу. Взял Остров — пригород Пскова, важный форпост в системе обороны большой крепости, и 18 августа авангардные части победоносного воинства явились пред грустные очи жителей Пскова.

Сам Баторий подошел к городу 24 августа 1581 года. И чужеземцы ахнули. Они увидели огромный город на высоком берегу реки Великой, окруженный тройным рядом белокаменных стен, скрепленных мощными башнями. Из бойниц на пришельцев недобро смотрели черные глаза пушек. За крепостными стенами золотом сверкали купола церквей, очень богатые купола.

«Любуюсь Псковом! Господи, какой большой город! Точно Париж! Помоги нам, Боже, с ним справиться!» — поспешил записать в дневнике секретарь Батория, ксендз Я. Пиотровский.

Чуть раньше Иван Петрович Шуйский, которому Иван Грозный доверил главное командование обороной города, говорил царю: «Надеемся, государь, свершенною надеждою крепце на Бога и на неборимую и крепкую стену и покров, хрестьянскую нашу заступницу, истинную богородицу, и на все святые и на твое государево царское имя, яко Псков город от литовского краля всякими укрепленьями отстояти может».

На того же Бога надеялся Иван Петрович Шуйский, хотя и был в своих мечтах чуть демократичнее ксендза Я. Пиотровского. На того же Бога. Но, видимо, потому что и говорят «на Бога надейся, а сам не плошай», что Бог всем одновременно столь разные желания исполнить не может. Кому-то побеждать, кому-то проигрывать. Кому?

Русские встретили врага огнем — сожгли посадки, чтобы ими не попользовались чужеземцы. Баторий начал с «психической атаки». Он приказал своему войску пройти торжественным несмешным маршем перед стенами города и несколько часов псковичи с любопытством, но без страха, смотрели на пехотинцев, кавалеристов, артиллеристов, на пушки разного калибра, слушали гром литавр и грохот тяжелого железа... Впечатлений псковичи получили много, будто на всемирной ярмарке войск. Стефан Баторий и главнокомандующий армией гетман Замойский стояли на высоком холме и гордо осматривали местность, своих воинов, молчаливые далекие фигурки на стенах города. Там в это время люди давали клятву «за Псков град биться с Литвою до смерти».

Пока у Стефана Батория все шло хорошо, и он был доволен, может быть потому, что не догадывался о происходящем в Пскове. После проведения смотра пришельцы занялись осадными работами, но не успели они приблизиться к стенам крепости, как раздались очень меткие залпы пушек, и тут же красота природная — поля, трава, овражки — была залита кровью людской, некрасивой на вид.

Стефан Баторий повелел воинам отойти подальше от города, пользоваться лесными дорогами, но псковичи будто бы заранее пристрелялись — доставали врага и в лесу. Пришлось искать место еще дальше от города. Сам король расположился станом неподалеку от погоста Любятова, хотел поспать покрепче, не удалось — русские ночью разбомбили стан, король чудом остался жив.

Русские пушкари погоняли чужеземцев по окрестностям Пскова, снаряды у них летали неожиданно далеко и попадали при этом метко в цель. Баторий удивился этому (разведка у него слабо сработала, не знал он тактико-технические данные псковских пушек, многого он не знал...), но, человек волевой, он спокойно занялся организацией штурма. Изучив состояние крепостных стен, посоветовавшись с полководцами, он принял решение штурмовать город на участке между Покровской и Винусской башнями.

В первую ночь сентября осаждавшие стали рыть траншеи, приближаясь к намеченному для прорыва участку. Русские, осыпая противника ядрами, наносили большой урон полякам, мешали работать, но воины Батория сделали свое дело, установили для стрельбы по городу тяжелые осадные орудия.

«Того же месяца, в 7 день, в четверг, на первом часу дни из наряду по граду из троих туров, из двадцати пищалей, и биша по граду без порестанно весь день до ночи» (Стр. 64). Пушкари у Батория были хорошие. Они разрушили огромный участок стены, повредили верхнюю часть Свинусской башни, почти разрушили Покровскую башню.

На следующие сутки с восходом солнца начался штурм. Воины Батория в белых рубахах, улыбающиеся, уверенные бежали к крепости. Псковичи встретили их огнем из пушек и пищалей. Но снаряды и пули не остановили отчаянных воинов. Они приблизились к стенам и проемам, и на них посыпались камни и бревна с гвоздями, полилась кипящая смола. Нападающие упорно продвигались вперед.

«Тогда же и все еже во Пскове жены, по домам оставшиися от печали, мало некако радости и благовестие приемше и оставивше немощи женские и в мужскую оболкшесе крепость и все вскоре, каждо из своих дворов и каяждо против своя силы, оружие ношаше» (Стр. 76).

В Пскове воинов было гораздо меньше, чем у Батория, но все жители встали на защиту родных очагов, женщины, дети. Они были врага кто чем мог, у кого какая силенка была — тот и брал топор ли, кол, камень, а если и на это силенок не хватало, то он воду в ковшике подносил воинам, потому что жаркая была сеча и пить хотелось, и бить врага... Такую крепость взять штурмом можно, но только уничтожив в ней всех, кто способен поднимать даже маленький ковшик с водой... Атакующие овладели Свинусской башней. Еще жарче стало воинам и больше им хотелось пить. Враг занял Покровскую башню. В проломы, на стены устремились штурмующие Псков. Здесь завязалось жестокое сражение. Накал битвы достиг предела, за которым мог быть только нервный срыв и паника. Русские, однако, оборонялись уверенно. Пушкарям удалось снести верх Свинусской башни — обломками придавило много нападающих. В кутерьме боя псковские воины умудрились заложить порох под эту башню, охнул взрыв и сотни европейцев похоронила в своем каменном теле башня. К вечеру инициатива перешла к русским — к воинам, к женщинам и к тем, кто подносил сражающимся ковшики с водой.

В три часа ночи атакующих выбили со стен, и И. П. Шуйский послал своих людей в контратаку! Победители взяли много пленных, оружие, знамена. Пять тысяч убитыми и десять тысяч ранеными потеряли штурмующие Псков. У защитников потери составили 863 человека убитыми, 1626 — ранеными.

Я. Пиотровский написал в дневнике: «Не знаю, сколько наших легло при этом штурме, потому что говорить об этом не велят... У нас и фельдшеров столько нет, чтобы ходить за ранеными» (Стр. 15). Все предусмотрел в том походе Баторий, фельдшеров маловато взял с собой. Но много медиков брать с собой — только тоску наводить на воинов...

Ночью город ... приводил себя в порядок. Восстанавливались стены, ликовали, усталости не замечая, люди, сновали, не желая спать, дети с маленькими ковшиками, наполненными водой.

На военном совете, созванном Баторием на следующий день после штурма, настроение царило гнетущее. Только сейчас до полководцев дошло, что подготовка к походу на Псков была проведена плохо. И не в фельдшерах тут дело! В день битвы атакующие узнали о прекрасных русских пушках, догадались, что пороха в городе гораздо больше, чем у них. Да и о мужестве псковичан в Польше Баторий не подумал.

В тот день всем стало ясно, что нужно отступить. Но Баторий, так и не став из-за псковичей польским Александром Македонским, упрямо твердил о взятии Пскова. Выигрывать он умел, проигрывать — не хотел. и вынудил совет принять гибельное для войска, решение продолжать осаду.

И началась для армии поляков и наемников и для защитников Пскова изнуряющая работа — длительная осада. Подкопы и штурмы, «льстивая» грамота короля, пытавшегося убедить непобедимых сдать город взамен на самые щедрые обещания, и активный поиск предателей, обстрел калеными ядрами, воспламеняющими постройки, — псковичи были начеку! Девять подкопов они рассекретили, штурмовать город чужеземцев отучили, на предательство не пошли, пожары тушили — еще бы им пожары не тушить, когда даже дети малые бегали с легкими бадейками по городу!

В конце октября Баторий придумал очередной ход. Ночью он послал отборный отряд сильных людей к стене со стороны реки Великой, они прикрываясь деревянными щитами, стали долбить камень, подсекая стену. Утром умельцы были уже под гротом, высеченным ими. Камни и смола псковичей не приносили врагу никакого вреда. Тогда защитники смастерили острые крючки на веревках и длинных шестах, ими они цепляли каменотесов за шеи или за туловища, вздергивали наверх и расстреливали, не суетясь.

В те же дни ударили морозы, чуть позже встали реки, в лесах объявились партизаны. Доставлять в армию продукты, фураж стало практически невозможно.

Второго ноября Баторий уговорил свое воинство пойти на решительный штурм. Но он опять не удался. Русские пушкари рассеяли попадавших по реке Великой пехотинцев, и больше упрямый король о штурме не помышлял.

Положение в городе тоже было тяжелым, не хватало продуктов питания, металла для ядер, людей мучила неизвестность (почему им не поможет царь?!), но боевой настрой у псковичей оставался очень высоким... Они постоянно ходили в атаки, наносили ощутимый урон врагу. 4 января 1582 года в последней вылазке защитников принимало участие несколько тысяч бойцов. Они убили несколько тысяч гайдуков, из них — 80 знатных панов. И добыча досталась им большая.

Стефан Баторий совсем разнервничался и пошел на подлость, которая не делает чести никому. Однажды ночью он отправил И. П. Шуйскому вместе с пленником письмо и ларец с деньгами, мол, от побежденного — победителю щедрый дар от всей души. Князь Иван Петрович Шуйский передал ларец своим умельцам. Они аккуратно вскрыли страшный дар, и все увидели торчащие из ларца в разные стороны 24 ствола, готовые изрыгнуть из себя смертный металл.

...17 января 1582 года в Псков прибыл Александр Хрущов. Он объявил о перемирии между Польшей и Россией на десять лет. В тот же день чужеземцы стали покидать окрестности Пскова. 4 февраля последний отряд врага ушел на запад.

А в 1583 году Швеция и Россия заключили между собой перемирие на три года.

Это было очень важно для уставшей от буйного правления Грозного страны. Псковичи своим самопожертвованием сыграли огромную роль в том, что Швеция, Польша и другие сильные соседи Русского государства предоставили Русскому государству возможность хоть немного передохнуть.

Военная биография Пскова не заканчивается на этом эпизоде. В 1615 году город пытался захватить шведский король Густав-Адольф. Но ушел отсюда не солоно хлебавши. Из Пскова Петр I повел армию России в победоносный поход на Карла VII. Здесь же находилась штаб-квартира Б. П. Шереметева. Но именно в те годы военное значение крепости сошло на нет, потому что границы России шагнули от Пскова далеко на запад, на северо-запад.

ОСАДА ТРОИЦКОЙ ЛАВРЫ СВ. СЕРГИЯ

*Там русский дух
Там Русью пахнет
(Из русских сказок)*

В 1345 году Сергей Радонежский основал в 71 км к северо-востоку от Москвы Троицкий монастырь. Уже в XVI веке он стал важнейшим духовным и культурным центром Московского княжества, великие князья которого при активной поддержке митрополитов всея Руси, московского боярства и столичного люда собирали в единое централизованное государство разрозненные, погрязшие в распри русские княжества. В 1380 году о. Сергей благословил на борьбу с темником Мамаем явившихся к нему в монастырь московского князя Дмитрия Ивановича и его двоюродного брата Владимира Андреевича Серпуховского.

Троицкие иноки Александр Пересвет и Родион Ослабя участвовали в Куликовской битве.

В 1540—1550 годы монастырь был огражден каменными стенами. Длина их составляла 1,25 км, в высоту они достигали 8,5—15 м, толщиной были не менее 6,5 м. Мощные стены скрепляли 11 башен. Царь Иван IV Грозный уделял большое внимание строительству крепостных сооружений, неоднократно приезжал в Троицкий монастырь, лично наблюдал за ходом работ.

Монастырь был включен в систему обороны Москвы, являясь главным форпостом на ее подступах с северо-восточной стороны, что говорит об осторожной политике Ивана IV

Грозного, которого частенько обвиняют в несдержанности, в переоценке своих возможностей и сил страны, вынужденной (не по прихоти царя, между прочим, а в силу складывающихся обстоятельств, воевать с Литвой, Ливонией и Швецией, с Крымским, Астраханским и Казанским ханствами почти одновременно.

Русское государство, активно сдерживая давление практически со всех сторон, готовилось к великим завоеваниям, предначертанным восточно-европейской державе судьбой.

Эта же судьба ниспослала на Русь великое испытание — Смутное время. В нем особую роль сыграет в очередной раз в истории Руси Троице-Сергиева лавра, в которую «предусмотрительный Василий» Шуйский успел отправить дружины детей боярских, казаков, стрельцов. Они в короткие сроки оборудовали крепостные сооружения, оснастили их всем необходимым, «и с помощью усердных иноков успели снабдить монастырь всем нужным для сопротивления долговременного» (Карамзин. Стр. 495).

В данном случае чутье не подвело Василия Шуйского. Он догадался, что его противники в борьбе за царский престол попытаются овладеть монастырем...

Отряды польского магната Ян-Петра Сапеги и пана Лисовского подошли к монастырю 23 сентября 1608 года.

Воеводы князь Григорий Долгорукий и Алексей Голохвостов, увидев противника, сделали вылазку, подняли шум и переполох в стане поляков, но не это было важным для них в тот день. Они вовсе не собирались устраивать решающее сражение у стен монастыря с неприятелем, в пять-шесть раз превосходящим русских по численности войска. Налетчики дали возможность жителям монастырских посадов сжечь свои жилища и организованно отступили с мирными жителями и их семьями за стены монастыря. Огонь в посадах трещал по-осеннему звонко, но Сапега и Лисовский и другие знатные поляки не обратили на этот вызывающе злой гул огня никакого внимания. Они руководили своими отрядами, разбивали стены неподалеку от монастыря и готовили послание осажденным.

Закончив основные работы по оборудованию своих станов, поляки отправили воеводам послание, в котором призывали русских покориться царю Димитрию (Лжедмитрию II) и клятвенно обещали: «Если мирно сдадитесь, то будете наместниками Троицкого града и владетелями многих сел богатых; в случае бесполезного упорства, падут ваши головы» (Карамзин. Стр. 496).

Подобные же послания получили архимандрит и иноки. Они вышли на площадь и «всенародно» прочитали письма поляков.

Чтобы по достоинству оценить величие подвига защитников монастыря святого Сергия Радонежского, достаточно вспомнить сумбур и хаос, царившие в умах восточно-европейского люда в те годы страшные, разгульные, бедовые, знаковые для могучей державы, преодолевающей сложнейший барьер на пути своем. Сложность ситуации укоренилась даже не во внешних признаках этого полыхающего огнем барьера, через который нужно было перепрыгнуть побыстрее, а во внутренней объективной причине Смутного времени, являющегося своего рода «водоразделом» между двумя эпохами в жизни великой державы, когда Русское национальное государство, ожив свое время, превратилось (пока де факто) в государство имперского типа, с ярко выраженным сильным центром, очерченным границами Московского княжества и прилегающих к нему областей, и со слабыми в экономическом и политическом отношении окраинами. Это перевоплощение одного государства в другое бесследно никогда, ни у одного народа не проходило, о чем говорят, например, такие имена (и связанные с ними события в истории), как Кир и Даврий I, Цинь-Шихуанди и Лю Бан, Сулла и Цезарь, Моде и так далее. Оно всегда сопровождалось напряженной внутренней борьбой на уровнях самых глубинных: на молекулярном уровне, то есть на уровне отдельно взятой семьи, и на атомарном уровне — на уровне отдельно взятого человека.

И он — этот атом любого государства — часто не выдерживал напряжения борьбы с самим собой и взрывался. О последствиях ядерных взрывов люди двадцатого века знают не понаслышке. О последствиях «атомных» взрывов в душах отдельно взятых людей всем любителям исторического чтения тоже хорошо известно. Разрушительная энергия этих двух в чем-то удивительно похожих явлений бытия огромна именно потому, что и в том, и в другом случаях она с трудом поддается управлению. Именно поэтому страшны разного рода смуты и опасны для государства в целом и для отдельно взятого человека — особенно для человека, потому что ему, «взорвавшемуся», оторвавшемуся от всего того, что добрые люди называют «слишком человеческим», мечущемуся по вселенной заразным фантомом, ищущему что-то таинственное — не пойми что, не пойми зачем — шарахающемуся от себе подобных, заразу несущих, хаос порождающих, взрывающихся то и дело фантомов... потому что этому человеку, неопределившемуся, неопределенному, но даже в сумбуре смут нетеряющему вкус к жизни найти эту жизнь или хотя бы пути к ней, практически невозможно.

...В конце сентября 1608 года на территории Восточной Европы было великое множество людей потерявшихся. Они еще не взорвались (и слава Богу!), но уже потерялись в себе самих. Они не знали, чего хотят, чего не хотят, «что такое хорошо» и «что такое плохо». Перед ними носились разъяренные фантомы, примагничивающие к себе слабых, порождающие взрывоопасную тревогу в душах сильных, и лишь самые сильные не поддавались злему искушению, терпели и в терпении своем находили верные ходы.

В сентябре 1608 года многие города русские покорились Лжедмитрию II. Почему?! Не в данной книге отвечать на этот душевно сложный вопрос. Но покорились! А во многих городах разъедающее дух народа, русский дух сомнение появилось: а вдруг он и впрямь тот самый Дмитрий, сын Ивана IV Грозного, народом, между прочим, любимого!

Слушая послание Сапеги и Лисовского, защитники русского монастыря, прекрасно знавшие о положении в стране, о сомнениях своих соотечественников... не сомневались ни секунды!

«Не страшимся!» — ответили они полякам, да те и сами могли догадаться, глядя на пепел посадов, что защитники русской святыни живыми монастырь не отдадут.

Через день иноземцы приступили к осадным работам, а 3 октября начался обстрел монастыря. Стреляли поляки из 63 пушек непрерывно, но быстро поняли, что их слабомощная артиллерия не разрушит стены лавры. Это невеселое открытие не отпугнуло Сапегу и Лисовского. Они, разработали план подкопа и в строгой тайне организовали работу.

Пушки продолжали пальбу, основное войско поляков, не скрывая, вело интенсивную подготовку к штурму, но се это было лишь отвлекающим маневром: мастера миной войны из войска Сапеги и Лисовского углубились в землю и стали сооружать подкоп под стены лавры.

Днем 13 октября в стане поляков была пьянка. Чужеземцы, подготовив необходимое количество штурмовых лестниц, тарас (плетеные корзины на полесах, исполняющих роль щитов для атакующих колонн), щиты рубленые, тоже на колесах с бойницами для стрельбы, теперь расслаблялись, пили, горд фланируя по своему страну. Попили они вина заморского, отдохнули. Подо вечер пушки поляков усилили огонь. сразу с заходом солнца чужеземцы под музыку бросились на штурм.

Но застать врасплох оборонявшихся им не удалось. Русские встретили атакующих дружными залпами пушек и пищалей, и поляки, не достигнув стен, побросав лестницы и тарасы, отступили с большими потерями. Сапега и Лисовский, как ни в чем не бывало, утром послали своих людей к победителям. Русские в это время собирали богатые трофеи. Поляки подъехали к ним на безопасное расстояние и предложили новые, более выгодные условия сдачи монастыря. И опять был отказ, а затем штурм, утренний сбор трофеев, новые условия...

Прошла неделя. 19 октября русские без приказа начальников устроили вылазку, и неудачно. Еще через шесть дней поляки глубокой ночью пытались овладеть монастырем и вновь русские были начеку.

Долгорукий и Голохвостов почувствовали неладное в поведении противника и решили узнать, что задумал враг. В Мишутинском овраге русские разведчики добыли языка литовского ротмистра Брушевского. Тот поведал под пыткой тайну Сапеги: поляки готовят подкопы! Вскоре к воеводам привели еще одного языка, раненого казака; тот указал место подземных работ. Не мешкая, Долгорукий и Голохвостов выработали контрметры. Русский умелец, «зело искусный» в горном деле, монастырский слуга Корсаков сделал под башнями «слухи», ямы, в которых постоянно находились воины, внимательно слушавшие голоса и стуки людей, копающих землю в глубине. Осажденные под его руководством соорудили ход из-под стены в ров для внезапной атаки, которую тщательно готовили воеводы.

И в ночь на 9 ноября русские с трех сторон напали на врага. Они овладели мельницей, нашли неподалеку от нее подкоп. Двое смельчаков Шилов и Слот заложили в него порох. Но поляки контратаковали русских. Разгорелся бой. Шилов и Слот спешили. Они зажгли порох и не успели выбраться из подкопа. Прогремел взрыв. Два мирных русских земледельца остались навеки в толще земли.

А бой продолжался. Воодушевленные защитники монастыря дрались зло и с диким возбуждением. «Не страшимся! Победим! Отомстим!»

В том бою они вывели из строя 1500 человек из войска Сапеги и Лисовского, Потеряв убитыми 174 человека и ранеными 66 человек. Русские отбили у врага 8 крупных пушек, много пищалей, самопалов, несколько бочек пороху, другое вооружение; подожгли, отходя в монастырь, туры, разрушили батареи.

Эта крупная победа вынуждала Сапегу и Лисовского изменить тактику осады. Они перестали штурмовать крепость, палить из пушек, окружили крепость плотным кольцом, и началась своего рода позиционная война. Каждая из сторон, отказавшись от активных действий, пыталась выманить противника в выгодное для себя место боя и разгромить его.

Зимняя осада — серьезное дело! Русский предатель доложил Сапеге о том, что, спустив верхний пруд, поляки оставят монастырь без питьевой воды. Чужеземцы воспользовались этим, но осажденные выкопали у себя пруды и успели запастись водой. Она была грязная, но ее пили, на ней готовили пищу.

Зима 1608—1609 годов началась с победы русских. По приказу воевод они налетели на укрепления противника, нанесли ему большой урон в ходе тяжелого долгого, продолжавшегося с переменным успехом боя, отошли за стены крепости. Хорошо началась зима для осажденных, но какой она была трудной для тех, кто сказал Сапеге и Лисовскому: «Не страшимся!»

В монастыре не хватало дров. Поляки зорко следили за крепостью, убивали дровосеков. Не хватало продуктов, воеводы уменьшали ежедневный паек. Скученность людей грозила эпидемией. В монастырь пробралась измена! Сначала русских предал Селевин. Его братья, узнав об этом, сражались отчаянно, удивляя храбростью и врагов, и соотечественников. Они погибли в бою, не опозорив свой род. Но не спасли они от измены, от дум о ней защитников.

Долгорукому донесли, что монастырский казначей вместе со вторым воеводой Голохвостовым замыслили измену! Казначею «дали время на покаяние: он умер скоропостижно» (Карамзин. Стр. 500). Голохвостова уличить в измене не удалось, он остался воеводой, сражался добросовестно, и не известно, был ли он в сговоре с казначеем и был ли сговор вообще!

Этот эпизод, однако, посеял недоверие в войске осажденных. А зима наступала, готовя новые испытания. Холода развели на время враждующие стороны, и в монастырь наведалься новый искуситель! Молодые воины да и монахи по ночам стали покидать лавру, уходили в деревни, предавались там разврату с молодыми женщинами.

И наконец нагрянула в монастырь цинга! Она заразила самых бедных и слабых, от них болезнь перелетала к другим. Люди пухли и гнили, умирали, живые задыхались от смрада. Пощады болезнь не знала. В день от цинги умирало до 50 человек. Много дней в русской зиме. Люди копали большие, с запасом, могилы и с утра до вечера хоронили мертвых.

Уже было не до войны. Русские больше не устраивали вылазок, берегли силы для отражения атак, а Сапега и Лисовский, получив такого прекрасного союзника, не спешили воевать, ждали, когда цинга сделает свое дело без выстрелов, без утомительной резни.

Архимандрит Иосиф писал кесарю Авраамии Палицыну письма в Москву, просил о помощи. Василий Шуйский, слушая мольбы Авраамия, ничем не мог помочь осажденным: Лжедмитрий II сидел в Тушино и готовился штурмовать столицу. И все же русский царь выслал в помощь осажденным небольшой отряд с вооружением. Атаман Останков пробился сквозь кольцо осажденных в лавру, потеряв при этом всего несколько человек. В монастыре радовались пополнению как величайшей победе, хотя подмога-то была малая, всего 80 бойцов. Но очень своевременно они явились в лавру. Люди взбодрились, надежда осветила их суровые лица.

На следующий день осажденные увидели, как к стенам монастыря поляки подвели четверых из отряда атамана Останкова и на виду у изумленных соотечественников казнили их. Эта казнь пленных обозлила русских. Они вывели на стены монастыря 42 пленных литовца и сделали с ними то же самое, что поляки сделали с четырьмя русскими.

Между прочим, поляки поняли все абсолютно верно. Они обвинили в злодеянии не русских, а своего же пана Лисовского, приказавшего казнить пленных, и хотели самого его отправить на тот свет. Не отправили. Сапега помешал им. Он был мудрее головореза Лисовского, человечнее. Хотя в данном случае его человечность дорого обошлась русским. Разбойник пан Лисовский еще долго будет бандитствовать на Руси.

В конце зимы русские захватили в плен литовца Мартиаса. Это был очень опасный человек. Он быстро вошел в доверие к князю Долгорукому и так понравился воеводе, что тот даже спал в одной комнате с ним. В стычках с поляками Мартиас бился храбро, многих своих сограждан убил, научил русских пушкарей быстро и точно целиться, по вечерам он вел мудрые разговоры с воеводами — ну очень хороший человек Мартиас!

Он готовил страшную измену, и только случай помог разоблачить этого суперагента Сапеги. Из польского стана к русским перебежал литовский пан Непмко, глухонемой от рождения, но воин прекрасный. Он увидел Мартиаса в компании воевод и яростно заскрежетал зубами, выгнал изменника из комнаты, объяснив знаками, кто такой Мартиас и что он может натворить.

Воеводы приказали пытать Мартиаса. Тот долго терпел, но в конце концов сдался, рассказал о том, что все это время он отправлял на стрелах извещения Сапеге, готовился в условленную ночь заклепать монастырские пушки... Литовец Немко крепко помог русским.

Но сами русские в Смутное то время ошибались частенько.

«Город за городом сдавался Лжедмитрию: Владимир, Углич, Кострома, Галич, Вологда и другие, те самые, откуда Василий ждал помощи... Шуя, наследственное владение Василиевых предков, и Кинешма, где защищался воевода Федор Боборыкин, были взяты и разорены Лисовским; взята и верная Тверь: ибо лучшие воины ее находились с царем в Москве. Отряд легкой Сапегинной конницы вступил и в отдаленный Белозерск, где издревле находилась часть казны государственной; ляхи не нашли казны, но там и везде освободили ссыльных... себе в усердные сподвижники. Ярославль, обогащенный торговлей английскою, сдался на условиях не грабить его церквей, домов и лавок, не бесчестить его жен и девиц... Псков... сделался вдруг вертепом разбойников и душегубцев» (Карамзин. Стр. 504—505).

Как легко было в те годы ошибаться человеку, как легко было этому атому взорваться!

Как трудно было сохранить себя от всевозможных соблазнов, страхов...

За время осады, продолжавшейся 16 месяцев, защитники лавры потеряли, по свидетельству Авраама Палицына, 2125 человек. К маю, когда отступила цинга, в живых осталось всего 500 человек. С ними-то Сапега и хотел поспорить, повоевать.

В ночь на 28 мая он вывел свои роты и хоругви на исходную позицию.

Люди затаились в ожидании команды. Раздался взрыв. Поляки бросились на стены. Но их здесь ждали! Упорный бой длился всю ночь, и лишь утром поляки отступили. Русские осуществили дерзкую вылазку, захватили 30 пленных.

Через месяц Сапега вновь послал людей на штурм — результат был прежним.

Еще через месяц к полякам из Тушина пришла подмога. Пан Зборовский посмеялся над Сапегой и Лисовским, простоявшим здесь почти полтора года, но перед решающим штурмом и он послал воеводам и архимандриту предложение капитулировать! То ли испугался пан штурмовать крепость, то ли «пожалел» защитников, но наговорил он им в своем послании много лжи. Мол, и Москва уже покорилась Лжедмитрию.

«Красно лжете, но никто не имеет вам веры», — ответили воеводы, у которых осталось всего 200 воинов.

31 июля 1609 года они отразили еще один штурм, последний. Пан Зборовский перестал смеяться. Поляки перестали штурмовать монастырь. А 15 августа осажденные отбили у поляков большое стадо скота! Веселее стало жить в монастыре. 19 октября Скопин-Шуйский прислал в лавру 900 воинов, 4 января 1610 года — еще 500 ратных людей, и Сапега, Лисовский вместе с погрустневшим Зборовским 12 января сняли осаду.

ОСАДА СМОЛЕНСКА

Впервые Смоленск, расположенный в верховьях реки Днепр, упомянут в Устюжском летописном своде под 862—865 годами. Город являлся центром славянского племени кривичей, важным торговым и ремесленным пунктом на знаменитом пути «из варяг в греки». И уже поэтому Смоленск был на протяжении многих веков мощной крепостью.

В 882 года город входил в состав Киевской Руси. В XII веке стал центром Смоленского княжества. С 1404 по 1514 годы являлся владением Великого княжества Литовского. Воины Смоленска участвовали в Грюнвальдской битве, где многонациональное войско разгромило Тевтонский орден.

В 1586—1602 годах знаменитый русский зодчий Федор Конь построил вокруг города великолепную крепость, которую называли «каменным ожерельем земли русской». Общая длина крепостной стены составляла 6,5 км. Высота стен была 13—19 м, ширина 0 5—6 м. Федор Конь, тонкий знаток фортификационного дела, углубил фундамент крепостной стены на 4 м. Во время осады Смоленска это помешало полякам сооружать подкопы и подкладывать под фундамент крепости мины. Русский зодчий укрепил цоколь крупным камнем белого цвета, а стены скрепил башнями высотой до 21 метра. Самая мощная, Фроловская, башня со стороны Днепра достигала 33 м в высоту. Крепость имела 9 ворот. В трех из них были вмонтированы опускающиеся железные решетки.

Снаружи крепостной стены строители соорудили «слухи» — двухметровые, хорошо замаскированные траншеи для обнаружения работ противника под землей.

16 лет Федор Конь возводил Смоленскую крепость. В 1609 году, через семь лет после окончания работ, город осадил крупное польское войско во главе с королем Сигизмундом.

Опытный полководец и дипломат гетман Жолкевский вместе с известными в Польше военными специалистами и военачальниками произвели тщательный осмотр крепостных сооружений и пришли к единодушному мнению о том, что штурмом Смоленск не взять, о чем гетман и доложил Сигизмунду.

Польский король, однако, был иного мнения. Он понимал важность — и политическую и военно-стратегическую — захвата одной из лучших крепостей Европы для польской короны особенно после фиаско под стенами Троице-Сергиевой лавры.

Он выслушал гетмана Жолкевского, не внял его словам и предостережениям, разбил лагерь на живописном берегу Днепра между Троицким, Спасским и Борисоглебским монастырями и первым делом послал в город манифест, в котором объяснил жителям «причины Божьей кары, низринувшейся на Русь в виде междоусобия и шведов, мечтающих

овладеть Московским государством, истребить веру православную и дать нам свою ложную...» (Н. М. Карамзин).

Оратором и публицистом Сигизмунд был отменным. Послание, проникнутое искренней любовью к русским людям и в частности к осажденным им самим смолянам, заканчивалось строгим намеком: Польский король обещал в случае мирного согласия жителей Смоленска сменить подданство, много всевозможных благ, милостей и прав, в противном же случае он обещал им только огонь и меч. Русские люди, конечно же, не отказались бы от милостей и прав, но... воеводы, боярин Шеин, руководивший обороной города, а также князь Горчаков, архиепископ Сергей, воины и мирные граждане, прослушав манифест Сигизмунда, сказали в один голос: «Мы в храме Богоматери дали обет не изменять государю нашему, Василию Иоанновичу (Шуйскому. — А. П. Т.), а тебе, литовскому королю, и твоим панам не раболепствовать во веки».

В тот же день смоляне отправили вместе с манифестом Сигизмунда свое послание в Москву. Они просили Василия Шуйского оказать им помощь.

В Смоленске гарнизон состоял из: 2,5 тысяч посадских людей, 1,5 тысяч крестьян, 900 дворян и детей боярских, 500 стрельцов и пушкарей. то есть всего в распоряжении Шеина было 5400 челок, обученных (естественно, в разной степени) воевать. Сигизмунд привел отборную армию численностью чуть более 12 тысяч человек, к которым в любую минуту могло подойти подкрепление.

В городе по подсчетам специалистов находилось около 45 тысяч человек вместе с посадскими людьми, перешедшими в город после того, как Шеин приказал сжечь посад. Жители Смоленска и посада активно участвовали в обороне родного города, как и крестьяне, бежавшие под защиту могучих стен Федора Коня от бесчинств врага. Они делали все от них зависящее, чтобы не впустить в город поляков. Но их же всех нужно было разместить (а домов в Смоленске было мало!), накормить (а к этому не готовились жители Смоленска), обезопасить от обычной в подобных случаях беды — эпидемий...

В первые дни осады об этих и других проблемах жители не думали, и воины, и полководцы. Впрочем, и в войске Сигизмунда никто еще не догадывался о том, что ждет здесь пришельцев и осажденных.

Польский король разработал план внезапного ночного штурма. В нем главная роль отводилась немцу Вайеру и шляхтичу Новодворскому. Они должны были незамеченными пробраться во время отвлекающей атаки поляков к стенам крепости, заложить петарды (подрывные снаряды) под Копытецкие и Авраамиевские ворота, произвести взрыв и при успешном стечении обстоятельств подать своим сигнал из трубы: с ними вместе в бой отправились трубачи со своими музыкальными инструментами. Операция была продумана до мелочей. Бешеная атака нескольких рот и хоругвей отвлекли внимание осажденных. Новодворскому посчастливилось целым и невредимым пробраться к Авраамиевским воротам. Шляхтич работал быстро, не зная усталости. Он заложил петарду под ворота, раздался взрыв, ворота разлетелись. Счастливый шляхтич радовался, как ребенок, но недолго он радовался, потому что рядом с ним не оказалось трубачей, их отсекали русские стрелки. Минер лежал в укрытии, ждал условленного звука труб, ждал штурма и заслуженной награды от короля, но Шеин быстро сообразил, что задумал враг, приказал зажечь факелы на башне и на стене. У русских были хорошие пушки и пищали. Воины Шеина приготовились к стрельбе. Яркие факелы хорошо освещали перед Авраамиевскими воротами поле, по которому штурмующие... не рискнули атаковать крепость! Испугались! А вдруг ворота не разрушены! Но даже если они разрушены, то можно ли преодолеть освещенное поле под прицельным, убийственным огнем?!

Утром русские отремонтировали ворота, засыпали камнем и песком несколько других ворот, а те, которые были оставлены для сообщения с внешним миром, укрепили палисадами, расставили около них усиленные караулы. Зорче стали русские.

Через три дня к Сигизмунду явились запорожские казаки. Король решил подготовить и осуществить общий штурм. Пушек хороших у него для этого не было. Все попытки минеров пробраться к крепости русские пресекали. 16 января 1610 года защитники Смоленска докопались до подкопа врага, взорвали его. Через одиннадцать дней в глубине земли произошла новая встреча с поляками. Русские обстреляли захватчиков снарядами со смрадным составом. Некоторые ученые считают, что это был первый бой в мире с применением химического оружия, но подобными снарядами воины разных стран «угощали» своих противников еще во времена создания «Артхашастры», да и винить русских в «открытии химического фронта» никак нельзя: не лезли бы поляки под чужой город да в чужой земле, никто бы их «химией» не отгонял бы от своих очагов.

14 февраля осажденные взорвали хитроумный подкоп французского инженера, погибшего в сооруженной им же самим самому же себе могиле. Снаряд, погубивший француза, не был химическим. Ни селитры, ни серы, ни водки, ни других химически активных веществ в нем не было. Но французу от этого легче не стало.

Вокруг Смоленска в лесах началась партизанская война. Скопин-Шуйский, прекрасный полководец, на котором, по мнению многих ученых, держалось правительство и сам царь Василий IV, послал на помощь горожанам 30 опытнейших ратников, дав им задание организовывать партизанские отряды.

Это была стратегическая бесценная идея. Партизанская война при умелом руководстве ею помимо чисто военных дивидендов дает патриотически настроенным деятелям еще и политическую громадную прибыль, поднимая народ на борьбу, дисциплинируя массы, цементируя их вокруг одной идеи и т. д.

К началу весны 1610 года Сигизмунд III понял, что осада задерживается надолго, но — и это удивительно, загадочно! — не оставил город, не ушел в Москву, где он мог бы решить политические задачи. Почему же он не пошел на Москву? Ответов на этот вопрос существует много, и вряд ли любой из них может быть правильным, потому что ситуация в Московском государстве и в соседних странах была суперсложной. Сейчас, по прошествии четырех веков, ее, конечно же, можно чисто умозрительно упростить и сказать так.

В Русском государстве в XVI веке произошли качественные метаморфозы. Из национального государства, окончательно сформировавшегося в годы правления Ивана III Васильевича, страна после захвата Казанского и Астраханского ханств, после прорыва к Югорскому камню и в многоплеменную Сибирь уже в последние годы правления Ивана IV Русь по сути превратилась в государство имперского типа с ярко выраженным сильным центром и ослабленными экономически, политически и духовно окраинами. Уже одна эта, объективно свершившаяся на фоне общего движения истории Земного шара метаморфоза обязана была потряхнуть государство, как случалось не раз с другими державами мира, например, с Римской республикой, превратившейся после Третьей Пунической войны и после захвата Коринфа в 146 году до н. э. в государство имперского типа и на целых полтора века попавшего в полосу внутренних дрязг.

К середине XVI века в Стране Московии созрела еще одна неприятная метаморфоза: политически явно устарел и сильно сдал род Рюриковичей — это громадное дерево с подгнившими корнями. Иван IV нанес по нему сокрушительный смертельный удар. Но род Рюриковичей еще жил! И Василий IV Шуйский, далеко не худший представитель этого славного рода, делал все, чтобы спасти... Да нет, не род, но свою веточку этого древа — подобные задачи редко кому в истории людей удавалось решать.

Сейчас все это ясно. Сейчас ясно и другое. Московской империи, только что родившейся, умирать было очень рано, взял бы Сапега Троице-Сергиеву лавру или нет, сдались бы защитники Смоленска или нет, правил бы страной какой-нибудь лжецарь или нет — безразлично. Московская империя выжила бы, завоевала бы 1/6 часть Земного шара, а то и больше, устроила бы на рубеже XIX—XX веков солдатскую революцию, чтобы водружать на престол «солдатских императоров»... все бы это было в любом случае. Империи, особенно

такие, как Римская, Византийская, Московская, и так далее, рождаются не по прихоти гениев, а по объективно существующему в природе закону движения жизни людей на Земном шаре.

Но значит ли это, что защитникам Смоленска нужно было сдавать город, не губить себя... если государство все равно будет жить? Нет-нет!! Сдавать Смоленск нельзя было. Потому что не государство для людей, а люди для государства. Каждый подвиг, каждое деяние отдельно взятого гражданина, либо группы людей лепит, как мудрый зодчий, внешний и внутренний облик не только этого отдельно взятого гражданина либо группы людей, но свое государство в целом, свою Родину, Отчизну.

Здесь действует странная обратная связь. Государство живет, как уже сказано, по своим упрямым законам. Городок на холме (Ромул, Кучка с Юрием Долгоруким), небольшое царство или княжество (до Секста Тарквиния, до Даниила Александровича), государство этрусков и Киевская Русь, греческая колонизация и ордынская дань, сопровождаемые хаосом междоусобиц, великие победы и поражения, галлы и скандинавы с Литвой, Ливонией и Тевтонским орденом, Ганнибал и Девлет-Гирей, Сулла и Иван IV Грозный, Спартак и Степка Разин, Цезарь + Август и Петр I Романов... и так далее. Параллели, конечно, не совсем точные, но если вспомнить особенности, «среду обитания» и время жизни, то вполне можно признать существование упрямо функционирующего общего закона жизни таких государств.

Весной 1610 года Сигизмунд решил снабдить свою армию современной артиллерией. Он заказал пушки одному мастеру из Риги, но того кто-то быстро убил. Польский король узнал, что в самой Риге есть хорошие пушки, организовал их доставку под стены Смоленска.

И 18 июля начался обстрел города. В четырехугольной башне слева от Копытинских ворот снаряды пробили брешь. На следующий день Сигизмунд послал людей на штурм. Русские выстояли. Через пять дней король вновь штурмовал город. И вновь защитники Смоленска отразили натиск. 11 августа был самый страшный штурм.

Поляки потеряли около тысячи бойцов и отступили. И еще десять месяцев они держали город в осаде (а всего смоляне держались более 20 месяцев).

В начале июня 1611 года у Шеина осталось всего 200 человек, способных держать оружие в руках. На 6,5 крепостных километров. По 32 метра на одного человека. Маловато. Голод, болезни, цинга, ранения, снаряды и пули врага за 20 месяцев осады погубили всех защитников.

Теперь участь крепости была решена. В ночь на 3 июня поляки выдвинулись на исходные для штурма позиции. Их было в несколько раз больше русских. И Сигизмунд знал об этом. Но, даже имея такое преимущество, поляки сходу взять крепость не смогли. Первую атаку врага отбросил отряд русских во главе с Шеиным.

В это время рыцарь Мальтийского ордена (а в войске Сигизмунда кто только не воевал!) подложил заряд под стену, отошел на безопасное расстояние и поджег фитиль. Прогремел взрыв. В огромный проем ринулись атакующие.

Защитники и жители города отступали к горе в центре города, к собору, где хранился порох. Поляки теснили их со всех сторон. Укрывшись в соборе, люди прочитали молитвы, осмотрели храм, уносивший их мечты и жизни в небо, и подожгли фитиль. Страшный взрыв взволновал землю, напугал всех, кто еще жил.

В живых остался один из последних защитников Смоленска — воевода Шеин. Окровавленный, с мечом в руке он стоял на высокой башне, рубил поляков, старался не слышать плач жены, юной дочери и крохотного сына. Он хотел погибнуть в бою, он сдаваться не хотел, но жена, дочь и сынишка малый умоляли его прекратить бой и сдаться, и жить.

Воевода Шеин вдруг замер, посмотрел на родных, тяжело вздохнул и сдался в плен. А разве можно этого человека в чем-то упрекнуть? Он сделал для Родины все, что мог и даже более того. Человек для государства.

Поляки отнесли к Шеину и к другим знатым пленным, которых подарила им Русская Смута, хорошо. Воевода вернулся на Родину через девять лет, чтобы верой и правдой служить России.

В 1634 году в русско-польской кампании М. Б. Шеин вынужден был капитулировать. Не по собственной воле. Не из-за ошибок. Не из-за страха. Он хотел, оказавшись в безнадежной ситуации по вине других, спасти жизни своим воинам. И опять был плен. А после плена — суд на Родине, приговоривший знаменитого организатора Смоленской обороны к смерти.

Приговор был приведен в исполнение. А через много-много лет историки разобрались во всех тонкостях той неудачной кампании и оправдали Шеина, который Родине служил преданно, потому что знал наверняка, что люди живут и творят для государства, а не государство существует для своих граждан.

В 1654 году Смоленск был взят русским войском и возвращен России в 1667. году согласно Андрусовскому перемирию... Этот акт подтвердил Вечный мир 1686 года между Россией и Речью Посполитой.

В 1812 году здесь произошло Смоленское сражение между французской и русской армиями. Оно длилось более двух суток: с 4 по 6 (с 16 по 18) августа. Русским генералам М. Б. Барклаю де Толли и П. И. Багратиону удалось уйти от решающего сражения, надвигавшегося Наполеоном, и отвести войско по Старой Смоленской дороге к Москве.

В годы Великой Отечественной войны 1941—1945 здесь также произошло крупнейшее Смоленское сражение. Оно продолжалось два месяца и сыграло важную роль в срыве фашистских планов молниеносной войны, дало Красной армии возможность организовать оборону Москвы.

АЗОВСКОЕ ОСАДНОЕ СИДЕНИЕ

Турки владели Азовом с конца XV в. Здесь они вели выгодную торговлю, в том числе и пленными русскими людьми, которые высоко ценились на рынках Азии и Европы. Московские великие князья, а затем и цари «всея Руси» мечтали выбить османов из Азова, получить выход к южному морю. Но другие важные дела отвлекали царей. И тогда донские казаки сами, без разрешения и согласия царя Михаила Федоровича, решились взять Азов. Царь за тысячу верст, а они рядом с татарами живут; у них, у донских казаков, дети пропадают бесследно. Надоела казакам такая канитель. Захватили они крепость. Четыре года жили «кум королю», горя не знали, но горя ждали, потому что царь не обрадовался их подвигу. С Османской империей русскому государству воевать было рановато. Он, конечно, мечтал о Черном и Азовском морях, но сильные турки не думали уступать свои территории.

Целых четыре года готовились турки, собрали армию в 250 тысяч человек, явились к Азову. 250 тысяч человек! И много это, и мало. Бывало, и по 500 тысяч воинов османы водили в разные страны. Сюда, под Азов, привели они «всего» 250 тысяч человек, уверенные, что этого вполне хватит для штурма крепости, в которой находился гарнизон в... 550 казаков! Огромный перевес в живой силе и технике был у турок — в 45 раз превосходило войско османов русский гарнизон. Во всей военной истории человечества такие случаи можно пересчитать по пальцам. И редко кто из полководцев, оказавшихся в столь тяжком положении, решался давать бой, а если и решался, то, конечно, же проигрывал. Яркий тому пример — подвиг спартанцев царя Леонида...

Донскими казаками командовал Наум Васильев, помогал ему есаул Федор Порошин. Военную историю они знали слабо, в делах царя разбирались плохо, может быть, поэтому и решили дать бой туркам, поспорить с историей. Не напугало их несметное османское войско — удивило лишь.

Появились вражеские отряды 24 июля 1641 года ближе к полудню. И степь чистая словно бы покрылась густым непроходимым лесом. Стали турки и их союзники (в основном, люд кочевой, дерзкий, разбойный, да немцы, прекрасные артиллеристы) шатры и палатки ставить — словно горы белые повыврастали на полях перед Азовом. Вот уж действительно, войско несметное.

Чтобы по сильнее напугать казаков, затрубили турки в трубы, резким криком, резвым гомоном разных голосов заполнили полдневную тишину. А потом стали палить из пушек и мушкетов, огнем и дымом солнце затмили. А тут еще забарабанили сотни барабанов: не видели русские казаки ада кромешного — теперь увидели. Но не испугались. Удивились только.

Вечером пожаловали к ним турки-толмачи, долго говорили о силе и могуществе султана, предлагали сдаться подобру-поздорову, обещали, что султан «пожалует их за это честью великой». Добрые какие-то турки. У них перевес почти в пятьдесят раз, а они разговоры водят, пять с половиной тысяч казачков в рабство продать по выгодной цене. Не захотели драться турки. Миром думали дело уладить. Русские от предложения отказались.

Очень оскорбились турецкие толмачи! Пришли к своим полководцам, доложили все, как есть. Разозлился не на шутку паша. Затрубили разом трубы, зашумели дробно барабаны-громачи, заняли жуткую песнь роги, заскулили жалобно цебылги (цимбалы), и увидели казаки с крепостных стен, как споро строятся вражеские отряды под пестрыми полотнищами знамен. Четыре года ждали они этой грозной минуты, но не сидели сложа руки, а готовились к смертной схватке, тщательно готовились.

И вот, склонив к Азову множество знамен, турки пошли на штурм. Казаки молча наблюдали за шествием колонн. Вот передовые части врага приблизились к крепости, вот уже по лестницам взбираются они наверх, удивляются: почему русские молчат? Почему не стреляют? Уж не перепугались ли они насмерть?

Нет-нет, не испугались казаки. Они четыре года ждали — дождались! Наум Васильев дал сигнал, и началась стрельба. Заговорили пушки, громко затрещали пищали и аркебузы, и... тяжело охнула в нескольких местах земля, провалилась, словно от тяжести человеческих тел, и будто озлившись за что-то на турок, зашлась огненным кашлем.

Наум Васильев все предусмотрел, учел! Досконально изучил он подступы к крепости, вычислил маршруты наступающих колонн, заблаговременно, в тайне соорудил подкопы, набил подвалы дробом сеченым и порохом... Были у турок специалисты осадного дела: шведы, датчане, немцы, но и те не догадались, что ждет их под стенами Азова «смертельный сюрприз». Много солдат погибло в подкопах. И стрельбой из пушек и пищалей русские нанесли огромный ущерб врагу. Турки заметались. Наум Васильев поймал момент и атаковал неприятеля. Любят казаки в атаки ходить! Большое знамя турецкого паши захватили они и вернулись в крепость. Сил у них было не шибко много, чтобы одним ударом разгромить противника. Зато уж первый бой выиграли они славно — около 30000 убитыми оставил враг под стенами Азова.

Утром турки прислали в город толмачей. лицом они заметно поблекли, да и спесь куда-то делась. Предложили они откуп: «За всякую убитую яныческу голову по золотому червонцу, а за полковы головы по сту талеров». Богатый народ турки. И казачки могли разом разбогатеть. Но отказались они от мертвого богатства, так сказали толмачам: «Не продаем мы труп мертвого, но дорога нам слава вечная».

Не было в тот день ни войны, ни мира. Похороны были. Святой для любого народа день. Молчали пушки, скреблись лопаты о сухую землю. Общую могилу для солдат копали турки. На три версты ров получился. Глубокий, кровью сдобренный.

Наработались османы лопатами, да понравилось им это дело. Решили они огромный вал соорудить, выше Азова, чтобы оттуда по городу из пушек да пищалей пулять. Быстро рос вал земляной, приближался к стенам. Нравилось это дело туркам, а русским — не очень. В лобовой атаке побеждает смелый. Но то была даже не смелость. Слишком много лбов

турецких, слишком мало — русских. Османы не поверили, что такое может быть, что противник осмелится атаковать! Русским, однако, ничего другого не оставалось. Большое количество турецких лбов их не напугало — им очень нужен был турецкий порох. С иконой Иоанна Предтечи, покровителя донских казаков, с яростным криком: «С нами Бог!» — ринулись они в атаку, опрокинули с рукотворного холма неприятеля, захватили 16 знамен, 28 бочек пороха, отошли назад и отнесли бочки с порохом в подкоп — под земляной вал. Турки собрались было на валу продолжать работы и подбирать-хоронить убитых, но вдруг раздался страшный взрыв! Турецким же порохом сгубило многие тысячи турков, а тысячу пятьсот янычар подбросило в воздух и живыми (!) отнесло взрывной волной в город.

Турецкий полководец упорный был человек. Он приказал соорудить с противоположной от разрушенного вала стороны громадный холм, шириною в два броска камня (это около 150 метров по современному исчислению), а длиною в «три лучных стрельбища» (а это и на километр потянет, если не больше!). Со злостью и невиданным упрямством принялись турецкие солдаты за дело. Соорудили гору, установили на ней пушки, привели на вершину пехотинцев с ружьями, и 16 дней и ночей бомбили и расстреливали они Азов, не прекращая канонаду ни на минуту. Разрушили в городе дома и здания, церковь Иоанна Предтечи, крепостные стены... Ни единой души не должно было остаться в живых. Ан нет, все казаки Наума Васильева живы. Они сделали подкопы под турецкую гору, соорудили под землей покои и, слушая жестокую канонаду, продолжали копать: 28 подкопов провели под таборы турецкие! Очень трудолюбивые были казачки!

Ночью, когда часть турецкого войска палила по городу из пушек и ружей, а часть отдыхала, русские напали на сонные таборы и нанесли врагу жесточайшее поражение.

Турецкий полководец терял людей, но не самообладание. Даже после ночной атаки он сохранил спокойствие. Паша решил отказаться от «наземной войны», попытался победить казаков их же оружием: приказал провести от таборов семь подкопов в сторону Азова. Но казачки подземное дело знали лучше. Они дали возможность неприятелю повозиться в глубинах земли, прокопать ходы, но как только турки собрались в подкопах для атаки, раздался очередной взрыв, похоронивший много «живой силы» противника. Паша отказался от подземных «промыслов» и приказал ядрами, «огнем чиненными», бомбить город — выстояли казаки, прячась в ямах... И тогда решил паша измором взять отряд Васильева. Ясным утром он отправил в бой 10 тысяч бойцов. Весь день шел бой. Вечером следующие 10 тысяч солдат сменили уставших товарищей. Ночью в атаку пошли еще 10 тысяч янычар.

Сколько раз огромные армии, организованные таким образом, буквально, сводили с ума упрямецев. Бессонница, недоедание, усталость, раны — и бой, бой, бой. Можно выдержать день, два, три, три с половиной... Кто-то выдерживал чуть больше, кто-то — чуть меньше, но сдавались после такой карусели даже самые стойкие. Наум Васильев сделал все, что мог. Ни один царь не потребовал бы от него большего. Даже самый жестокий повелитель не наказал бы отважных бойцов, если бы Васильев и его казаки подняли бы белый флаг и сдались бы на милость победителя. Впрочем, о милости в отряде Васильева не думали. Казаки сражались, отбивали атаки, ни на что не надеясь. Они, возможно, сошли бы с ума, если бы туркам удалось взять верх. Но отлетали раз за разом турки, стояли на боевом посту изможденные казаки — и не было у турок шанса победить, а у русских — выстоять!

У казаков был один шанс — уповая на Бога, пойти в отчаянную атаку. Или умереть.

С чудотворными иконами Иоанна Предтечи и Николая Угодника полуживые от усталости воины пошли в атаку: «С нами Бог!»

Атака казаков была неудержима. Турки отошли с большими потерями и... устали воевать. Но почему? Продукты и боезапасы в армии османов подошли к концу. Союзникам надоела эта возня. Устали за 93 дня осады и полководцы, и воины. Да и капризная осень спешила к Азову, и болеть стали янычары и союзники. Турецкий паша пытался уговорить русских сдать, но гарнизон Азова упорно стоял на своем посту.

И враг ушел!

Казаки порадовались невиданному успеху, да недолго была их радость. Порох в крепости кончился, сами они устали и еле волочили ноги. Нужны были деньги и люди для ремонта крепости.

Наум Васильев, Федор Порошин и еще несколько казаков отправились в Москву. В январе 1642 года собрался Земский собор, где решался вопрос об Азове. Здесь же Федор Порошин написал «повесть об азовском осадном сидении донских казаков», рассказал все честь по чести. Не историком он был и не писателем, а лишь есаулом, но — правду написал. Земский собор, боясь серьезной войны с Турцией, отказался от Азова. Царь щедро наградил всех, кого привел в Москву Васильев. А Федора Порошина сослал в Сибирь.

Никто не знает, почему.

Может быть, потому что слово неосторожное сказал есаул монарху, недовольный решением собора? А может быть, за правду-матку о величайшем подвиге русского солдата, подвиге, оказавшемся ненужным ни царю, ни Отечеству?

Русские оставили Азов, не желая конфликтовать с могучими османами, но не забыли об этом городе, о выходе к Азовскому морю.

В 1695 году за дело взялся Петр I.

Валерий Васильевич Тытенко.

Родился в 1951 году в Кемеровской области. В 1973 году окончил Кемеровское высшее военное училище связи. Военная служба прошла в ЗаБВО и СибВО на командных и штабных должностях, в том числе военным журналистом в окружной газете «На боевом посту». В настоящее время на пенсии. Полковник в отставке. Член Союза журналистов России. Член Российского союза писателей и Интернационального союза писателей. Председатель ЛИТО военных писателей в Чите.

Лауреат Всероссийского литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья!» 2021 года.

ДЕТИ ВОЛЧИЦЫ

Темный волчонок рычал на чужака, объявившегося не понять откуда. Подогревая свою злобу, хватал его за загривок и оттащивал от логова. Светлый упирался дрожащими лапками в землю и повизгивал от страха, потому что был слабее. Светлый – волчонок из чужого выводка. Он отстал от волчицы матери в незнакомом лесу, а природное чутье вывело его в другую стаю. Инстинкт самосохранения подсказывал, здесь его примут.

Серая волчица лежала около норы и наблюдала за возней волчат. Иногда она поднимала голову и вслушивалась в звуки густого леса. Над горным перевалом неслись рваные тучи. По тропе, что пролегла через россыпь камней, недалеко от волчьей норы, двигались редкой цепочкой люди, сгорбившись под тяжестью объемных рюкзаков и оружия.

Волчица предупредительно прорычала. Но волчата продолжали бороться. И только после того, как с неба донесся пронзительный свист, а земля содрогнулась от разрыва мины, темный волчонок отпустил свою жертву и прытко нырнул в нору. Светлый заскулил, но не решился последовать его примеру. Самка, глухо ворча, ткнула его в бок влажным носом.

Волчонок опрокинулся на спину и беспомощно задрогал лапами. Волчица снова толкнула его носом. И так повторилось несколько раз, пока детеныш отчаянно труся, не полез в нору, откуда доносилось рычание темного волчонка. Волчица, убедившись, что теперь ее выводку ничто не угрожает, скрылась в норе.

...Было очень холодно. Андрей Хатьков поежился и, запахнув полы армейской плащ накидки, попытался защититься, таким образом, от пронизывающих порывов северного ветра.

Вот уже несколько часов командир роты разведчиков федеральных войск вел наблюдение из укрытия, изучая в оптический прибор, гряду ближних скал, где предположительно находились чеченские боевики.

В мятежной Чечне шестой месяц шла война, и Андрей стал невольным свидетелем событий, развернувшихся на его родине. По велению деструктивных сил он был вынужден участвовать в безумном политическом спектакле, где люди истребляли друг друга во имя сиюминутных интересов либералов и националистов, схлестнувшись в непримиримой войне за право получить власть над горским народом. Хатькову порой казалось, что он спит тяжелым бредовым сном, где реальность невозможно отделить от мистики.

...После выпуска из общеобразовательного училища лейтенант Хатьков, закончивший его с красным дипломом и золотой медалью, попал по распределению в Сибирский военный округ. Офицер-направленец из отдела кадров, изучив красный диплом, служебную характеристику и «корочки» перворядника по военному многоборью, предложил лейтенанту на выбор две должности: начфиза бригады или командира разведроты. Андрей выбрал второе.

Впоследствии высокие организаторские способности молодого офицера позволили ему за один год вывести свое подразделение в передовые, и сослуживцы пророчили ему хорошую карьеру. Прослужи еще пару лет и молодого офицера направили бы на учебу в академию. Но командование мотострелковой бригады, в соответствии с ее предназначением, получило приказ срочно грузиться с полным боевым комплектом в воинские эшелоны и убыть в Чечню на войну с ваххабитами.

...В глубине горного ущелья находилась скала, где Андрей в детстве подвергся серьезному испытанию. А было ему тогда десять лет. Пацаны уходили гурьбой далеко в горы, чтобы играть в казаков-разбойников. Русские мальчики выбирали роль «казаков», а чеченским ребятам доставались «разбойники», и пацаны с гиком и свистом, как это когда то делали их воинственные предки, носились по расщелинам и скалам.

Однажды Шамиль, всегдашний вожак чеченских ребят и очень храбрый мальчик, убегая от «казаков», смело прыгнул со скалы, удачно приземлившись на каменный выступ. Андрей, преследовавший своего друга, не решился повторить его подвиг. Испугавшись высоты, он застыл, как вкопанный на краю обрыва, осознавая, что теперь Шамиль не упустит случая позлорадствовать над ним. Действительно, тот уже успел забраться на самый верх скалы и весело подпрыгивал, выкрикивая злые шутки.

– Замолчи! А не то я тебя отлуплю! – погрозил Андрей кулаком.

– Ты трус, как и все русские! – кривлялся и показывал язык Шамиль. – Тебе никогда не сделать того, что умею я. Да и что говорить: ишак ты, ишак!.. И-а...

Ишака Андрей не простил. Догнав Шамиля, он ударил его по лицу, и разбил нос до крови. Шамиль был младше Андрея на три года, и ему, конечно же, было не совладать с более сильным противником. Размазывая по лицу кровь, он закричал истошно: «Ишак, ишак! Вот расскажу отцу, и он тебе задаст!»

И побежал домой с чеченскими мальчиками.

Андрей, посмотрев вниз, испытал минутное состояние страха. Скала была высокой, метра три, а площадка у подножия совсем небольшой. Если неудачно прыгнуть, можно потерять равновесие и скатиться кубарем в обрыв, на дне которого были хорошо видны острые камни и обнаженные корни деревьев.

Но, видя, как сочувственно смотрят на него приятели, он закрыл глаза и прыгнул. Пареньку повезло, – он приземлился и не сорвался в расщелину. Вот и славно, есть свидетели, которые в селе всем расскажут, что Хатьков младший не трус.

Став взрослее, Андрей не раз вспоминал этот случай из далекого детства. Мог разбиться, ногу повредить... Но понимал, надо было прежде всего доказать себе и друзьям, что он настоящий мужчина.

Поступая в сибирское военное училище, Хатьков младший не думал, что ему доведется воевать, как и отцу в Великую Отечественную. И где! Не в Европе и не в Афганистане, а на своей земле. Он был кадровым офицером, когда Чечня заявила о своей независимости, и его родители были вынуждены уехать от бандитского беспредела в

Сибирь. Андрей постоянно мучился от мысли, что отныне Чечня стала для него чужой. А ведь там осталось много друзей. Тот же Шамиль, его закадычный друг. А теперь получается, что ничего этого не было?

...Воинский эшелон прибыл в Моздок на рассвете. Сибиряков на вокзале встречали солдаты из местных воинских частей. Одетые в грязное обмундирование, на ногах вместо сапог – кеды, они с завистью смотрели на хорошо экипированных профессионалов.

Но пока что в округе все выглядело мирным и спокойным. Синее небо над головой, запах дыма солдатских кухонь и блистательная корона величественных гор Кавказского хребта – сияющая в лучах восходящего к зениту солнца.

И вдруг на следующий день расслабившихся мотострелков всполошила весть, как удар грома: первый мотострелковый батальон, вошедший несколько часов назад в Грозный, уже воюет.

В подразделениях началась суеда. Офицеры организовали для личного состава стрельбы, а водители готовили боевые машины к походу.

Вскоре из штаба военного округа поступил приказ, – бригаде выдвинуться на боевые позиции колонной. Первые полторы сотни километров до Грозного преодолевали долго и нудно; на колеса и гусеницы боевых машин налипала желтая грязь дорог, образовавшаяся после дождей, упавших с хребта. К вечеру загустел белый туман, скрывший дома и улицы молчаливых чеченских аулов, откуда в любой момент могли прозвучать выстрелы.

... Грозный. В ярких утренних лучах солнца южный город был виден как на ладони. На окраине звучат одиночные выстрелы. Это чеченские снайперы «работают по целям».

Подразделениям бригады приказали разместиться на кукурузном поле. Пространство большое, но и грязи по колено. Солдаты материли командира, определившего место для стоянки бригады. А тут еще выяснилось, что на расстоянии всего пятидесяти километров от основного «КП» застряли тылы. А кушать солдатам хочется. Это в Моздоке было трехразовое питание, а в реальной боевой обстановке личный состав остался даже без «сухая». Воду пить с колодцев запрещали – вода отравлена. Наиболее сметливые догадались копать ямы, откуда черпали воду, процеживая ее через майки.

Наконец разведчики приволокли тылы. Выяснилось, что зампотылу бригады – толстый, как кабан, майор струсил. Он стоял около служебного уазика бледный, с трясущимися руками, и не мог произнести ни слова в свое оправдание.

Андрей перед отправкой в Моздок позвонил отцу и сообщил ему, что уезжает на войну в Чечню. Отец промолчал, но потом сказал по-мужски:

– Я, надеюсь, ты думал об этом, когда поступал в военное училище?

Конечно, думал. Но это было тогда, и другое дело теперь, когда реалии войны более чем очевидны.

Чего скрывать, стрессы снимали водкой. Ее в изобилии. Она помогала не думать, что ждало солдат впереди.

На последнем этапе боевой задачи мотострелкам предстояло войти в Грозный и занять здание бывшего парламента. Закрепиться и удерживать его до тех пор, пока федералы не очистят город от боевиков.

...Боевики встретили наступающие силы федеральных войск шквалом огня. Снайперы простреливали почти каждый метр городских улиц. Слышалось цоканье шальных пуль по каменным стенам от визгливого рикошета. В подразделениях появились первые раненые, и убитые. Личный состав, не обкатанный в боях, мучило желание драпать, куда глаза глядят. А нельзя, стыдно перед товарищами и подчиненными. Солдаты смотрят своим командирам в глаза и сжимают огрубевшими ладонями цевье автомата. Наверное, только сейчас они поняли, что их жизнь висит на волоске и находится в распоряжении командира.

Скажет он:

– «Иди!». И пойдешь с зыбкой надеждой на то, что тебя прикроют. А если ранят, то санитары вынесут с поля боя. Командиры взводов – те же пацаны, только с офицерскими

погонами на плечах, сосредоточенно слушают эфир и хриплыми голосами дублируют по рациям команды.

При постановке боевой задачи в офицерском строю один из лейтенантов вдруг уперся и сказал:

– А почему именно я, неужели больше некому? Не пойду, делайте со мной, что хотите...

Комбат, усатый майор, уставший после бессонных ночей, напрягся, вынул пистолет из кобуры и твердо произнес:

– Ты подумай, лейтенант, обратной дороги не будет – или пушу тебя в расход, или ты сделаешь все, как надо...

Лейтенант, побледнев, молча и медленно приложил руку к козырьку помятой фуражки и направился к подчиненным, ожидавшим его невдалеке.

Взводный разместил пулеметы в заданных направлениях, грамотно поставил задачу на поражение противника. Потом он станет отличным командиром, и его представят к боевой награде. А пока же ротный, приняв от лейтенанта доклад о выполнении задачи, крепко пожмет ему руку и скажет:

– Спасибо, брат. Я в тебя верю.

На войне существуют другие измерения и иная логика. Скоро и старшему лейтенанту Хатькову представился случай пройти серьезное испытание. Командира разведроты вызвал к себе комбат.

– Присаживайся к столу, можешь налить себе чай.

Подождав немного, майор продолжил:

– Ты же родом из Чечни? А в Грозном тебе доводилось бывать?

– Да. Когда мальцом к друзьям ездил...

Комбат развернул карту и ткнул карандашом в один из районов Грозного:

– А здесь был?

Карандаш острием уперся в квадратики, обозначившие жилой массив.

– Да, я эти места хорошо знаю.

– Ну, тогда, старшой, слушай боевую задачу. Спецназовцы интересуются этим районом. Их разведка доложила, что около кинотеатра появились какие-то субъекты в военной форме. У нас на этот счет нет данных. Разведгруппа, если нарвется на боевиков, увязнет и придется отвлекать силы. Сходи туда один и посмотри кто там и сколько их. Справишься?

– Есть справиться!

– Только без лишнего геройства. Войти как мышь, все узнать и сразу обратно.

Андрей долго копался в гражданской одежде, пока не отобрал кое-что по сезону, чтобы не привлекать к себе внимания. Замечательно, что две недели не брился. Вид, как у настоящего бродяги.

...Ротный ушел в Грозный ночью. Выбрал маршрут вдоль берега канала, заросшего высоким камышом. Потом пробирался узкими улочками, пока не вышел в искомый сквер. В качестве точки наблюдения выбрал чердак заброшенной усадьбы. Всю ночь были слышны выстрелы, а небо рассекали огненные трассеры.

Когда рассвело, Андрей вышел из убежища и направился к кинотеатру по узкой улочке.

Начало светать... Появились местные жители. Они тащили большие сумки, воду в ведрах, спиленные деревья.

На ступеньках кинотеатра сидела стайка мальчишек. Подъехал ГАЗ-66, из кузова прыгнули бородачи в афганках и в бронежилетах, после чего принялись снимать зеленые ящики. Уже это указывало на то, что здесь, видимо, находятся либо пункт управления боевиков, либо склад с оружием и боеприпасами. После того как сюда несколько раз подъехали вооруженные люди на легковых автомобилях, можно было определить полевых

командиров и их сопровождение. Андрей остановился на первом предположении. Он решил, что можно возвращаться к своим, но вдруг услышал позади себя хриплый мужской голос.

– Эй, земляк, погоди! – Андрей обернулся и увидел в нескольких метрах низкого крепыша в афганке, направившего на него ствол автомата. Чеченец разглядывал Андрея.

– А твое лицо мне знакомо. Хатьков, ты ли это? Какими судьбами? Ну и видок у тебя... Бичуешь?

Андрей узнал боевика. Круглые черные глаза, презрительная усмешка, гуляющая по плотно сжатым узким губам. Шамиль! Тот самый приятель из далекого детства.

Так они и стояли напротив друг друга, не понимая, что им делать дальше. А потом, как в детстве, начали пикироваться друг с другом.

– Слышь, Хатьков! Ты же в военное училище поступал. Сейчас, поди, уже офицер Российской армии? Шпионишь? Признайся!..

– Да брось ты, какой с меня шпион? Вот родителей приехал проведать...

– Каких родителей? Я лично несколько лет назад проводил их аж до границы...

– Спасибо... – машинально произнёс Андрей.

– Не за что...

И тут Шамиль резко передернул затвор автомата.

– Хватит трепаться, сейчас пойдем в штаб, там все и расскажешь... Я ж твою курсантскую фотку видел, которую ты своей подружке прислал... Короче, Штирлиц, сдавайся, руки верх и айн, цвай, драй...

Андрей сунул руку в карман куртки и сдернул большим пальцем чеку с гранаты.

Смерть приготовилась к прыжку. Бывшие друзья напряглись и лихорадочно искали выход из создавшего положения.

– Что у тебя в кармане? Пистолет? Не пытайся палить, ты у меня на мушке, – сказал Шамиль.

– Нет, не пистолет, фрукт у меня в кармане. Знаешь, такой тяжелый и зеленый?

– Ага, понял. Лимонка, значит. А ты, Хатьков, смелый стал, коль смерти не боишься. В камикадзе записался? А думал, приведу тебя в штаб, да и шлепну тебя по старой дружбе. Чтобы не больно было...

– Не выйдет у тебя ничего... Знаю, живым не выпустите. И в заложниках сидеть не хочу. Родители, сам знаешь у меня бедные, денег у них на выкуп нет. Так что извини, если куда мы с тобой и пойдем, то только в ад или рай.

– Ну, ты, конечно, в рай собрался, – произнес с иронией Шамиль.

И снова они стояли, молча наблюдая друг за другом. Андрей понимал, что теперь их жизни висят на волоске. Одно небрежное движение, и на земле останутся два бездыханных тела.

– Знаешь что, — нарушил молчание Шамиль, – Иди-ка ты, Хатьков, туда, откуда пришел, и не поминай меня лихом. А в бою встретимся, не обессудь, пощады не будет.

Шамиль нарочито спокойно повесил автомат на грудь, демонстративно развернулся на сто восемьдесят градусов и направился вразвалку к кинотеатру.

Андрей не верил, что легко отделался. Вытащил из кармана гранату, поставил чеку на место и выдвинулся в противоположную сторону. Шел, стирая со лба холодную испарину, и ждал, что вот-вот прогремит автоматная очередь и ударит его по ногам.

Вернувшись в часть, Андрей доложил комбату о результатах разведки. А вот о встрече с Шамилем промолчал. В конце концов, это было его личное дело.

...Через несколько дней завязался тяжелый бой в районе, где вел разведку старший лейтенант Хатьков. Федералы бросили туда крупные силы. Боевики защищались яростно и стойко, но, понеся большие потери, ушли вглубь Грозного. Андрей в том бою не участвовал, чему был очень рад. Хотя на его счету за время войны в Чечне было немало убитых боевиков, но не хотелось, чтобы в их число попал и Шамиль.

Жизнь распорядилась так, что больше бывшие друзья не встречались. Да и о чем они могли бы говорить, если б такая встреча еще раз состоялась? Война развела их по разные

стороны баррикад, как это часто бывало в истории России. Говорят, что у каждого своя правда. У «федералов» одна, у чеченских боевиков – другая. А еще говорят, что истина находится где-то посередине.

...Однажды с боевых позиций бойцы привели двух гражданских. Один из них бородатый и с... гитарой! Кто такие? Оказалось, артисты! Да откуда, аж из Питера. Юра – звезда эстрады. Чтобы послушать его песни, солдаты спустились в подвал, там он и выливал наболевшее под перебор струн. И только потом его спросили, как они вообще попали сюда? Ведь вокруг боевики.

А Юра смеется и просит показать ему хоть одного ваххабита. Солдаты переглянулись:

– Да ты что, потом отвечай за тебя?

– Ну, хотя бы издалека!

Решили рискнуть. Нацепили на артистов бронежилеты, каски и провели их на последний этаж дома. Потом надели на палку каску и приподняли ее над подоконником. И сразу же – трес! Пуля снайпера прошила ее, как тонкий лист фанеры.

Юра сказал:

– Спасибо!

И сразу вниз. На прощание эстрадный артист оставил бойцам свои визитки и пригласил всех в гости.

Через несколько лет после войны двое ребят съездили в Питер и навестили певца. Юра встретил бывших воинов как лучших друзей. Поговорили о жизни, вспомнили об этом концерте.

Прошло время. После того как Грозный был взят в кольцо, мотострелковая бригада убыла в Сибирь на отдых и переформирование. Но когда боевики были вытеснены из города и боевые действия переместились в горы, воинская часть, где служил Андрей Хатков, получивший досрочно воинское звание «капитан», снова прибыла в Чечню.

... Хатков вздрогнул, услышав голос своего взводного:

– Андрей Васильевич! Вас к рации.

В эфире прошелестел голос комбата:

– Шестой, как слышите?

– Я шестой, слышу нормально.

– Бери группу и срочно гони в квадрат десять. Там медсестра застряла с раненым. Надо их выволить, только будьте осторожнее.

– Вас понял!

И тут же на волне кто-то прорычал:

– Эй, шестой! Козел е...! Ты бы не спешил, все равно ваша девка нам достанется. До встречи в аду!

Очень даже знакомый голос. И тут Андрея осенило. Да это же друг детства Шамиль, с которым их развела военная судьба! Выдало его залихватское – эй! Жив, значит, курилка. Но, видать, совсем озверел от жизни дикой.

Андрей решил воздержаться от достойного ответа. Чеченцы часто выходили на связь таким образом. Задача у них одна – спровоцировать федералов на активные действия, или обмануть, имитируя указание вышестоящего штаба. И начинается... «Не туда идете. Приступить к отходу». Но голоса своих командиров знаешь, поэтому не попадаешься на уловки. Бывает, задаешь контрольные вопросы, на которые боевик ответить не может. Например, как зовут дочь начальника штаба бригады? Или, где встречали Новый год в прошлом году? И когда ваххабитов «раскалывают», они матерятся и сыпят угрозами. Но «федералов» не запугаешь пресловутой излюбленной чеченской казнью – отрезанием головы, или другими карами.

...Разведчики прибыли в указанный квадрат и рассредоточились. Андрей, оставив для прикрытия группу бойцов, спустился один в лощину, где должны находиться медсестра и раненый солдат. Но его обнаружили боевики и открыли бешеный автоматный огонь. Разведчики ввязалась в бой, а Андрей, прижимаясь к каменистой земле, пополз в

заросли чащи, где под скальным козырьком, укрывшись плащ-палаткой, сидела медсестра. Рядом лежало бездыханное тело солдата. Медсестра обрадовалась, увидев своего спасителя.

– Что с бойцом? — спросил Андрей.

– Умер он, товарищ капитан. А я его так умоляла потерпеть. А он все: добей, да добей, не выживу, дескать. А потом скончался. Много крови потерял...

– Понятно. Хоть ты жива, и, слава Богу!

И тут задрожала земля. Это артиллеристы накрыли позиции боевиков тяжелыми снарядами. Вылезать из укрытия опасно – противник находится сравнительно недалеко, а шипящие осколки мин и снарядов летели прямо над головой.

Медсестра прижалась к груди Андрея. Ее глаза были наполнены ужасом, она дрожала, впившись в Андрея.

Артналет не утихал. Снаряды методично лупили по боевым позициям чеченцев.

– Тебя как зовут? – поинтересовался Андрей, чтобы хоть как-то успокоить медсестру.

– Вера.

– А откуда ты?

– Из Пензы!

– А я отсюда родом!

– Ты чеченец?

– Да нет, русский. И фамилия у меня Хатьков. Попаду к тебе в медсанбат, будешь за мной ухаживать?

– Лучше не попадайте к нам. Живите. Вы, мужики, нам для другого нужны, – стуча зубами пролепетала Вера.

– Молодец! Ну, если ты не утратила чувства юмора, то у нас с тобой все в порядке.

– Спасибо тебе, – вдруг очень спокойно произнесла Вера.

– За что?

– Надо же, с тобой я не боюсь. Я глупая женщина?

– Нет. Собирайся, нам пора уходить...

Артналет прекратился. Пока боевики приходили в чувство, бойца вынесли в расположение своих войск.

...Вернувшись с задания Хатьков проверил позиции подразделения. В горах воцарилась тишина. И вдруг ущелье наполнил тоскливый вой, а потом на вершину скалы вышли волчица и выводок волчат.

– Шлепнуть их... Андрей изготовил карабин с оптическим прицелом к стрельбе, но вдруг осознал. Не виноват лесной зверь, что в его мир пришли люди и уничтожают друг друга... Серый волк в отличие от людей, которые ради выгоды, называемой независимостью, выдирают снарядами деревья с корнями, живет по закону стаи в мире и согласии, защищая друг друга, а власть доверена самому сильному и мудрому — вожаку. Если бы люди придерживались этого закона, то, возможно, они бы не были столь упрямы в желании одержать пиррову победу.

Передышка закончилась. Передовые отряды «федералов» пошли уничтожать мелкие группы боевиков. А чеченцы держались в расщелинах до последнего, не желая сдаваться на милость победителя. Для противоборствующих сторон мужество и честь были выше инстинкта самосохранения. «Федералы», натолкнувшись на упорную оборону противника, отступили. В эфир ушел радиосигнал, и реактивная артиллерия обрушила на чеченцев новый шквал огня.

Война продолжала свой ожесточенный ход, а волчья стая покинула родные места.

Ст. Курская, 2000 год

Александр Николаевич Хвастов.

Родился 2 марта 1991 года в поселке Пригородный Моршанского района Тамбовской области в семье рабочих.

С 1998 по 2008 год учился в Сокольниковской средней общеобразовательной школе. С августа 2008 года – курсант факультета культуры и журналистики Военного университета Министерства обороны Российской Федерации. С июня 2013 по март 2017 года – корреспондент редакции газеты Министерства обороны Российской Федерации «Красная звезда». С апреля 2017 по июнь 2018 года – старший офицер отдела (методического обеспечения военно-патриотической работы) Центра военно-патриотической работы Вооруженных Сил Российской Федерации. С июня 2018 года по настоящее время – помощник начальника отдела (организации научной работы и

подготовки научно-педагогических кадров) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ.

В мае 2016 года выпустил книгу очерков «Ребята, мы вас не забудем!», посвященную жителям Моршанска и Моршанского района Тамбовской области, погибшим в Афганистане, Закавказье и на Северном Кавказе.

Основатель Поисково-исследовательского клуба имени Константина Симонова «ВОЕНКОР» – первой общественной организации в России, которая носит имя фронтовика, военного корреспондента, поэта, писателя, драматурга и киносценариста, внесшего весомый вклад в увековечение памяти погибших защитников Отечества. Организация занимается установлением судеб пропавших без вести на фронте военнослужащих, а также другой военно-патриотической работой.

Руководитель и автор проекта ВБД «Военкор» (Всенародная база данных об участниках Великой Отечественной и советско-японских войн по материалам периодических изданий 1941-1945 годов), главная цель которого – собрать воедино информацию о фронтовиках и тружениках тыла, партизанах, бойцах народного ополчения, юных героях-антифашистах, упоминания о которых встречаются на страницах газет и журналов, выходивших в Советском Союзе в военные годы.

Имеет ведомственные и общественные награды: медали Министерства обороны Российской Федерации «За отличие в военной службе» III степени и «За заслуги в увековечении памяти погибших защитников Отечества», медаль Союза журналистов России «Памяти интернет-журналиста Владимира Сухомлина», медаль «100 лет Военному университету» и другие.

Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России.

Лауреат Всероссийского литературного конкурса имени генералиссимуса А.В.Суворова 2021 года.

ТЕНЬ У БЕРЕЗКИ

Утро выдалось морозным и пасмурным. С тяжелых серых туч то и дело норовили слететь капли осеннего дождя. Стоя у места отправки, я надеялся, что природная стихия все же минует нас. Дождь мог сильно помешать нашим поисковым работам. Рядом со мной стоял наш командир Владислав Олегович, крепкий мужик со шрамом над бровью, Костя – стажер отряда, как то сказал мне, что тот служил в Чечне, наверно там его и заработал. Командир, как и я, морщась, смотрел на хмурое небо.

- Неприятно конечно будет, если польет, но... - хлопнул он меня по плечу – не страшно, не сахарные. - Сказав это, он отошел проверить, все ли загрузили в хаммер и можно ли уже отправляться. Несмотря на суровый вид, мужиком тот был добрым, много знающим и много повидавшим. Именно он рассказал мне об этом деле и как подготовиться к нему, чтобы не сплеховать. Сегодня, после тщательной подготовки, я с отрядом «Гвардеец» поеду на место сражений, поднимать останки тех, кому было не суждено вернуться с фронта домой.

- Эй, малой, карета подана, прошу на борт! - крикнул мне наш водитель Сергей или как он больше любил – Сережка.

Весь наш небольшой отряд, состоящий из пяти человек, начал дружно забираться в салон «хомяка», как порой мы называли эту машину.

Ехать нам предстояло не меньше четырех часов в деревеньку Сухая Нева под Новгородом. Решив скрасить время, ребята стали делиться историями с прошлых поисков и просто историями из жизни.

Так я узнал, что Катя, единственная девушка в отряде, настоящий ветеран этого дела. Ей приходилось участвовать в перезахоронениях советских солдат даже в Молдавии.

- Страшней всего было находить маленькие кости. - Говорила Катя. - Однажды мне попался один целый скелет, мальчик, сын полка. В такие моменты вспоминаю собственных детей. Страшно это. - Закончила она немного севшим голосом и отхлебнула чая из термоса. В машине повисло молчание, разбиваемое лишь размеренным звуком дороги, наверно каждый вспоминал свой маленький скелет.

Разговоры возобновились, ребята стали шутить, каждый пытался разрядить сложившуюся атмосферу скорби.

- Владислав Олегович... - начал я.

- Просто Влад, Саш.

- Хорошо. - Обращаться к нему на «ты» было немного неловко.

- Влад, ты ведь уже давно занимаешься этим, сколько тебе удалось поднять солдат?

- Много, Саша.

- Это сколько, десять, двадцать?

- Это тебе не трофеи на соревнованиях, Саша, чтобы вести им счет и хвастаться этим.

Это люди, отдавшие за нас свои жизни, люди, которые так и не смогли вернуться домой, они даже могилы нормальной не имеют. Я считаю, что поступать так, признак невоспитанности.

Он серьезно посмотрел на меня, от чего мне стало стыдно за свой вопрос.

Ребята понимающе закивали словам командира, Костя, молодой веснушчатый паренек, ненамного меня старше, даже улыбнулся. Похоже он, как и я сейчас, однажды задал этот вопрос и получил тот же ответ.

А пока наш путь продолжался, дождь все-таки забарабанил по крыши машины. Душевные истории о работе и жизни все продолжались, под мерный стук колес об неровный асфальт и дробь осеннего дождя.

Когда мы добрались до деревушки, было уже одиннадцать часов. Проезжая окраину я увидел несколько серых обелисков, знаки коллективной памяти о лежащих в здешних лесах.

Дождь перешел на легкую морось еще час назад, дороги размыло, в морозном воздухе растворился запах сырой земли.

Несмотря на трудности, хаммер не спеша, переваливаясь с одного бока на другой, выехал на нужную полянку и замер. Мы вывалились из него и стали разминать конечности, прохаживаясь туда-сюда. Все-таки сидеть на одном месте четыре часа тяжело. Даже командир ходил, похрустывая суставами.

- Итак, ребята, вот мы и на месте. - Потирая шею и оглядывая место действия, сказал Влад. - Зимой 41-ого, когда немецкое наступление заглохло в нескольких десятках километров от Москвы, настал черед Красной Армии теснить врага. Усиленные сибирскими частями войска прорвали немецкую линию фронта и продвинулись далеко на запад.

Влад махнул рукой, указывая направление.

- В районе Демянска были окружены около шести немецких дивизий. Это первый случай в Великой Отечественной войне, ребятки, когда части вермахта попали в столь серьезное окружение. Лишь в 42-м немцам удалось снять эту блокаду. Тогда войска Северо-западного фронта провели несколько наступательных операций. Надо отдать должное, враг сопротивлялся грамотно, умело, даже рационально, как они это умеют. Хотя они, как и мы несли большие потери. Много наших и их солдат полегло в этих землях. Здесь мы и будем нести вахту памяти. - Подытожил командир.

- Эх, красиво-то как. - Вздохнул Костя.

- Осенний лес всегда красивый. - Подтвердила Катя, улыбаясь. - Ну что, начнем лагерь ставить?

- Да, опушка хорошая, вон там место безветренное, в луже тоже не уснем. Ставим палатки здесь... - Влад продолжал раздавать советы, где и как лучше сделать.

Я помог разгрузить наши пожитки, палатки, вещмешки и инструменты.

Место здесь действительно оказалось живописным. Полувековые ели и стройные березки стояли на границе леса. Под стволами рассыпались блестящие от недавнего дождя грибы. Создаваемая матушкой природой гармония совсем не вязалась с картиной кровопролитных боев, вошедших в историю, как «Демянский котел», которые так и мелькали в моем воображении. Когда я прошел немного вглубь леса, недалеко от лагеря, каждая глубокая выемка представлялась мне воронкой от снаряда, а особо крупные шляпки грибов то потерявшейся каской, то костью черепа. Немного жутко было осознавать, что я хожу буквально по останкам людей.

Устройством лагеря мы занимались почти до сумерек. Было решено не торопиться, все-таки предстоит ночевать здесь пару дней. «Лучше сделать все по-хорошему, чем потом тысячу раз поправлять». - Как любит говорить душа нашего отряда Сережка.

Решили начать поиски с завтрашнего утра, а сейчас Катя начала готовить похлебку на костре, как в старые добрые времена. Костя откуда-то достал гитару, и полилась незатейливая мелодия. Влад сидел возле костра и рассматривал карту местности, отмечал места сражений. Каждый был чем-то занят.

Когда совсем стемнело, на опушке показался еще один хаммер. К нам присоединился бесшумный друг отряда – Максим Федорович Якобский.

- Здорово, орлы! - поприветствовал нас веселый мужчина с пышными усами. - Как жизнь молодая? Как добрались?

- Нормально, Максим. Сам как? - Ответил ему крепким рукопожатием наш командир.

- Да что мне будет!

Он состоит в отряде «Торнадо», но часто помогает «Гвардейцу» в его вахте памяти. 17 лет как занимается поисками не вернувшихся с войны. В этот вечер под песни Цоя, да под вкусный чай, приготовленный на костре с лесными сушеными ягодами, он выдавал историю за историей. Рассказывал, как правильно запоминать дорогу к лагерю, чтобы если вдруг заблудишься, отойдя далеко от своих, найти дорогу назад и не помереть голодной и холодной смертью. Говорил про хитрые грибы, маскирующиеся под съедобные, про лесные

звуки, которые способны дезориентировать напуганного человека и завести вглубь. Разговорчивый мужичек, которого мы с трудом заставили сворачивать сиделки, ибо завтра нужно уже приступать к работе, а время за полночь.

Заготовив сухих веток для костра и прибрав за собой мусор в пакеты, мы, завернувшись в спальные мешки, легли спать. Сон какое-то время все никак не шел ко мне. В ту ночь я не мог перестать думать о людях, которые однажды уснули здесь навсегда и которых мы должны были выкопать завтра.

Несмотря на страхи, которые посетили меня перед сном, за всю ночь я не видел ни одного кошмара. Признаюсь, так крепко я еще никогда не спал. Правду говорят – на свежем воздухе сон мертвецкий.

- Подъем, бойцы, солнце уже взошло! – разносились по опушки бодрые слова Максима.

- Что-то я это солнце не вижу. - Сонно отозвался Колин голос из соседней палатки.

- Ты его не видишь, а оно есть. Подъем, хватит спать!

Меня всегда удивляли такие люди, которые могли быть бодрыми даже после пяти часов сна.

Умывшись и позавтракав, мы стали собирать инструменты и вещи, которые могли понадобиться в работе. Собравшись и повторив больше для верности, чем для необходимости план действий, мы двинулись в лесную чащу к месту поисковых работ. Пройдя места, где уже копали другие отряды, а это было видно по сваленным в кучу у стволов деревьев гильзам и прочим железкам, Катя с Владом стали проверять землю металлоискателем. Как только они их включили, так лесную тишину тут же разорвало от писка этих приборов.

- Это нормально, что так звенит? – спрашиваю я, морщась от столь неприятного звука.

- Конечно. Здесь все сейчас будет звенеть. Куда не шагни, так точно пройдешься почему-нибудь металлическому, по останкам техники или снарядов, например. - Разъяснил мне Максим. - Вон, смотри. Здесь даже деревья звенеть будут. – Он указал мне на ближайшую елку. Я непонимающе посмотрел на него, елка елкой. Но тут он постучал пальцем по бугоркам на коре и я наконец-таки разглядел, что это вовсе не естественные наросты, которые можно часто встретить на деревьях, это вросшие в молодой еще тогда ствол пули. Затем он перевел мой взгляд на дальнюю березку. В ствол этого дерева вросла чья-то каска.

- Здесь полно этого железа, Саш. Из этого леса многие музеи страны получают свои экспонаты. Патроны, каски, ордена, ножи, оружие, личные вещи неопознанных. - Рассказывал мне Максим. А я в этот момент вспомнил те кучки, что мы прошли. Там как раз я и видел нечто напоминающее оружие и патроны.

- Да уж, мы будто сами в музее.

- А то, Саша. - Хлопнул он меня по спине и двинулся дальше, поближе к Владу с Катей.

Мы проходили с металлоискателем до обеда, пару раз начинали копать, но ничего не нашли. Уходить из леса пустыми не принято, но и найти что-то важное пока не получилось.

- Ну что ребят, поиски поисками, а обед по расписанию. - Посмотрев на часы, сказал командир. - Возвращаемся в лагерь, потом продолжим. К нам обещал Димка присоединиться. С ним нам всегда сопутствует удача.

- О, Димка заглянет к нам на огонек? Хорошо. Нюх у него как у собаки. С ним точно найдем наших ребят. - Сказал Сережка.

Мы вернулись в лагерь и начали готовить обед. Как Влад и говорил, к нам присоединился Дмитрий Сергеевич. Мужчина средних лет с россыпью шрамов на лице и ампутированной левой кистью. Мы начали разливать чай, когда он присоединился к нашему отряду. Пока мы пили, он рассказал новопривывшим, мне и Косте, свою печальную историю. Как подорвался на mine во время таких вот поисков, как чуть зрения не лишился, как не бросил все это и продолжил поднимать из земли солдат.

- Да не бойтесь, ребятаки, сейчас техника новая хорошая, не то, что раньше, все найдет. Сейчас мой случай редкость. - Успокаивал нас он. - Кстати, я тут пока шел к вам, крюк небольшой сделал и у дубка одного кость видел, вроде человеческая. Для местной живности слишком крупная, нужно проверить. - Сказал он командиру, отхлебнув чая.

- Место запомнил?

- Обижаешь, Влад, - наиграно скорчив гримасу, ответил тому Дмитрий.

- Да не дуйся. - Стукнул командир того в плечо. - Так, бойцы! Поели, в путь. Работы много, нужно проверить наводку до сумерек.

Погрузив рюкзаки с инструментами на плечи, мы пошли обратно в лес за Дмитрием. На место мы пришли довольно быстро. Действительно, под деревом оголилась над осенней листвой берцовая кость безымянного пока солдата.

- Так. - Сказал командир, обводя место с костью пристальным взглядом. - Максим, Сереж, мы с вами копать будем. Начни здесь, - сказал он Сережке, указывая левее находки, - Макс, давай ты правее возьмешь, я обкопаю кость. Катя, ты с Костей будешь очищать от земли. А ты Саша будешь описывать, что мы нашли. Начнем, а то темнеть скоро начнет. Хотелось бы закончить это сегодня. Дим, обойди тут с металлоискателем, может, наткнешься на что еще или времянку найдешь. Мне показалось, что где-то тут мелькнула какая-то ткань, а может и почудилось.

- Да не вопрос. - Ответил Дмитрий и, взяв прибор, пошел пищать им в том направлении, которое ему указал Влад.

И вот ребята начали копать. Сначала из земли достали солдатские ботинки сорокового размера. Потом Сережа откапал противогаз и бритву. Максиму удалось найти несколько ребер, ложку с надписью, которую мы так и не смогли разобрать. В итоге на этой раскопке нам удалось найти еще несколько фрагментов костей: фаланги пальцев, часть стопы и челюсть.

- Похоже, здесь танк проехал. - Посмотрев на то, что удалось найти, сказал Максим. - Глядите, как кости разломаны, да и разброс слишком большой.

- Похоже на то. - Вдохнул Влад. - Ну, пара костей - тоже результат.

В это время вернулся Дмитрий.

- Там впереди бугорок, скалистый, а возле него останки лежат. Наполовину видны, должно быть, дождем размыло. - Сказал Дмитрий каким-то поникшим голосом. - Обнажилась часть черепа с косичкой.

На этих словах ребята так и замерли. А глаза Кати стали поблескивать от собравшихся слез.

- Еще светло, нужно раскопать ее. - Нарушил тяжелое молчание командир.

Действительно, оказались женские останки. Девчонка, медсестричка судя по сохранившейся повязки с красным крестом, в черепе отверстие от пули. При ней нашли то, что осталось от документов. Звали Лизой, всего 20 лет прожила и погибла, здесь, в лесу. Она была там одна. Других останков в радиусе 10 метров мы не нашли. Мне кажется, что это самое страшное, когда умираешь в одиночестве, когда рядом никого нет. Лишь враг, приставивший к твоему лбу оружие.

В лагерь возвращались молча. Наверное, каждый вспоминал свою такую девочку, найденную под землей. А может ребята думали, что все мы, так или иначе, умираем в одиночку.

«Пчхи» - кто-то из ребят чихнул сзади меня.

- Будь здоров. - Сказал я, оборачиваясь, но я замыкал нашу колонну. Сзади меня никого не было. - Показалось что ли? - спросил я сам у себя так и замерев на месте, переводя взгляд с одного дерева на другое.

- Эй, Саша, ты чего отстал? - Напугала меня Катя.

- Тут чихнул кто-то. - Сказал я, не подумав, и уже приготовился к не верящей улыбке. Но вместо предполагаемой насмешки я наткнулся на понимающий взгляд.

- И не такое бывает. Здесь каждому доводилось слышать нечто подобное. Плач, смех, фырканье, кашель, мольбы о помощи, стоны. Можешь считать это боевым крещением. Они признали тебя. Только не подведи их. - Сказала мне Катя и зашагала к уже далеко отошедшим ребятам.

- Стой, кто признал, о ком это ты? - Спросил я, желая услышать не то, о чем я подумал.

Катя остановилась и, развернувшись, абсолютно серьезно ответила мне.

- О мертвых конечно. - Мы смотрели друг на друга, я с удивлением, она с нечитаемым выражением на лице. Сказать, что мне было жутко не сказать ничего. Я уже ловил себя на том, что чувствую чей-то взгляд на себе, а когда оборачивался, то никого не видел, списал все на нервы. Ночные разговоры, которые доносились до меня ночью, я тоже списал на то, что парни вышли покурить перед сном и перешептываются. Но теперь это обростало совсем другим смыслом.

- Не трусь, боец. – Бодро сказала мне эта женщина. - Мы им нужны. Так что они нас не обидят. - И зашагала в сторону лагеря. Мне ничего не оставалось, как последовать за ней, обдумывая наш разговор.

По прибытии в пункт нашей временной дислокации, мы сели у костра. Когда целый день на свежем воздухе, готов разглядеть в любой простой пище самое изысканное блюдо. Приготовленный суп был принят всеми «на ура». Стали уже чай разливать, как Максим принес из своей машины бутылку водки.

- Помянем. – Коротко сказал он, посмотрев на мешок с останками Лизы.

Никто не стал возражать, даже Катя, которая не была любителем подобного. Мы выпили, закусили.

На мой рассказ о звуках в лесу, ребята рассказали мне множество подобных историй. Как и говорила Катя, это не редкость в подобном деле.

- Это еще ничего. - Сказал Дмитрий на очередной случай с раскопок. – Видите ту дальнюю березку? - кивнул он головой на деревце на опушке, покачивающееся в ста метрах от нас. - Вот за ней порой, в ясную ночь, можно увидеть блуждающий силуэт солдата. – Закончил он.

Мне сложно было поверить в такое, хотя после того что я уже испытал в этих лесах, поверить можно было даже в призрак.

Несмотря на все рассказы и истории, накопленная за день усталость взяла свое, и я отправился спать. Завтра для меня был последний день поисков, нужно было еще собрать некоторые вещи, чтобы никого потом не задерживать. Ребята тоже отправились спать.

Расстелив спальник, я вышел из палатки, чтобы забрать высохшее полотенце, но так и остановился. Там у той самой березки кто-то стоял, всего лишь неясная тень, которая могла быть чем угодно, да хоть игрой воображения, но я почему-то был уверен в том, что это тот самый солдат. В этот момент в груди поселилось чувство чего-то незавершенного, невыполненного.

- Это не мы их ищем, а они нас... - сказал я в темноту.

Я не раз еще участвовал в поисковых работах, выполняя свой, пожалуй, маленький, но все же долг перед теми, кто отдал за нас свои жизни. Но эту, свою первую вахту памяти, я запомню на всю жизнь.

И тень того бойца, одиноко бродившего у березки...

«И ПУСТЬ СТРАНА ТЕБЯ ЗАБЫЛА...»

1.

Звонок в дверь. Хотя зачем эти звонки, если столько времени уходит на выяснение, кто там-м-м...

В семье терпеть не могли закрытых на защелку входных дверей. Особенно Юрка. Постоянно друзья по двору, ребята из футбольной команды, одноклассники... Юрка обожал друзей, а еще старший брат Олег и младшая сестренка – Маринка. Предмет особой заботы. Даже в

школе, проходя по коридору, завидев Марину, Юрка всегда спрашивал: «Никто не обижает?». Хотя, уважая парня, никто и не подумал бы как-то девочку обидеть. Симпатичный, рослый, спортивный Юрка – сестра гордилась братом, как собственным раритетом.

Когда его футбольная команда играла, не было азартней болельщицы, чем Маринка.

Улыбнулась, вспомнив, какой решающий, красивый гол на последней минутке матча при ничейном счете забил Юрка. Собственный визг ей понравился. И чего тогда удивляться, что соседка Иринка каждое утро перед школой заходила и просила брата повязать галстук. Такой узел не у каждого получится – ровненький, аккуратненький. Маринка все примечала – соседка, скорее всего, неровно дышала, когда брата видела... Вот и приходила по утрам о себе напомнить. Наверное, всю ночь от любви таяла.

Только Юрке главное – чтобы друзья в порядке были. Марина знала – брат живет, наслаждаясь каждым днем. Живет своей мальчишеской, мужской жизнью – активно занимается спортом, рыбалкой и встречается с друзьями.

Да и сейчас живет здесь, с мамой и всей семьей...

На кухне что-то упало, гулко шлепнувшись об пол. Марина зашла и увидела, как мама поднимает «дембельский» армейский альбом, который друзья сделали уже после – потом... Маринка знала, что мама часто его рассматривает, читает...

- А ты помнишь, дочка, как Юрка ловко погасил в поле загоревшийся трактор? - Александра Николаевна погладила обложку, словно поцеловала рукой фото своего отчаянного мальчишки.

- Ну да, как же не помнить, если ты его еще отругала за прикопченную одежду и грязные руки...

- Доча, так непорядок же! Прибежал такой боевой и грязный-прегрязный. Кричит: «Тр-р-рактор!». Ничего не могу толком понять... Рассказывает, а я ищу место, по которому бы отшлепать. Ведь мог и сам загореться – долго ли до беды... Эх, – тяжело вздохнула мать. Слез уже не было...

2.

Детство и отрочество для нормального парня всегда заканчивается службой в армии – закон такой! Юрка был нормальным парнем – не «диванным» котом у телевизора.

- Мам, ну что ты так переживаешь? – Юрка успокаивал родителей. - Все нормальные служат. Или ты меня на грядке посадишь и поливать как капусту будешь? В армии же интересно! Чему-нибудь новому научусь. Щи варить, например, - и улыбнулся щедро, открыто, как и жил с детства.

Маринку просто распирало от гордости, когда на линейке, по окончании родной Большекуликовской школы брат стоял в первых рядах тех, кому пришла пора служить. Даже раскраснелась от счастья! Чего ради мама так волнуется? Отслужит, как все, вернется заматеревшим, еще сильнее...

Только материнское сердце всегда все чувствует заранее. Оно никому не признается, чтоб беду не кликать. Даже самым близким и родным никогда не признается, что тяжело ему, сердцу-то...

Писатель из Юрки был никакой – вымучивал строчки в письмах домой и то потому, чтоб мать не переживала. А жизнь начала свои фокусы показывать.

Советский Союз был когда-то огромной страной. Земель – завались и еще чуток. Попробуй устеречь каждый метр от завидующих глаз «соседей», готовых отгрызть хоть островок, хоть кусок тайги или парочку гор...

Юрка после «учебки» попал в Азербайджан. Люди вообще ему очень нравились – и в этой республике – тоже. Ну, а поскольку люди разные бывают, в Азербайджане тоже жили и хорошие, так и не очень. Как и везде. О чем писать? Но Юрка в письмах давал полную

хронологию событий, потому что знал: мама читает и каждое событие рассматривает под микроскопом. Учует, если что не так пойдет...

«Ем, сплю, служу в Нахичевани, на дежурство возят на заставу. Все нормально, мам!».

Может, в Нахичевани и нормально все было – в мире и стране беспокойно, тревожно становилось. То тут, то там вспыхивали «очаги» нетерпимости и какой-то ожесточенной ненависти.

Юрка просто не понимал, откуда у людей столько этой ненависти! Из-за чего? Из-за земли? Так ее столько, что на всех хватит. Да еще и останется! Человеку-то вообще после смерти всего 2 метра хватит – с собой не унесешь. Удивлялся и жгуче-искрящимся взглядам черных, как ночь, глаз местных молодых ребят. Юрке бы дружбы с ними – сильными и ловкими джигитами – по самое горло хватило бы для счастья!

Но не получилось...

3.

Правильно в народе говорят: «Когда паны дерутся – у холопов чубы трещат». Так всегда. В столице – переворот, а что с армией? Путаница, неразбериха, а ведь это люди с оружием. И работа у них – Родину защищать. От кого? А не назначили – ни врага, ни соратника... Вот и прижали ребята плечо к плечу, друг друга защищать и прикрывать, если понадобится...

Юрка для друзей – стена и опора.

- Слушай, надо на дежурство! - А дело уже в Грузии было, куда ветром перемен занесло сержанта Юрия Лысова.

И ведь говорил командир:

- Кто хочет домой, рапорт на стол – и до свидания!

Только Юрка все, за что брался, доводил до конца. Служба – значит, служба. А домой через несколько месяцев все равно поедет – положено! И домой писал, что еще чуть-чуть – и будет дома. Пусть мама пироги готовит – так и писал. И Юрка еще удивлялся, почему из дома писем нет. А потом пришла весточка – они тоже ничего от него не получали. Бардак полный!

На заставах и базах людей катастрофически не хватало. Не бросит же границу, да еще и в такое смутное время, настоящий солдат!

Петунин, друг, 29 сентября 1992 года попросил заменить его на КПП. Это под Кутаиси, в Грузии. Просто отдежурить вместо него. Юрка мог всегда помочь и не в такой мелочи...

- О чем речь, Игорь! Считаю, что я уже там...

«Там» для Юрки оказалась Вечность.

4.

Всего полчаса работы на КПП. Юрка заметил странное движение парней, которые вели себя неадекватно. Насторожившись, приготовил оружие. Нет, не собирался он его пускать в ход, но чем черт не шутит, когда Бог спит!

Тем более стремительно темнело, как это бывает обычно в горах. Вот еще вечер, а потом резко падает тьма – ночь!

В двух шагах ничего не видать. А тут еще куча народу. Вечно на КПП собираются гражданские – ребята, девушки – молодежь, одним словом.

Внезапно у худых черноглазых парней в руках блеснуло оружие. Да не ножи или кастеты – стрелковое. А потом вроссыпь выстрелы – над головами у пацанов и девчонок. Отпугнуть хотели... Ну, чтоб своих не поубивать. На солдат КПП нацелились...

И начался бой. Последний для Юрки. Главный.

Если вам скажут, что человек всю свою жизнь готовится к подвигу – посмейтесь! Чушь это полнейшая. Человек может готовиться к свадьбе, к рождению сына или дочери. Любой из людей готовится ЖИТЬ.

Просто наступает момент, когда нужно мгновенно принять решение – твоя смерть или другого человека – рядом с тобой. И к этому выбору, бывает, идет человек всю свою сознательную жизнь. Часто даже не осознавая и не думая об этом.

Юрка принял смерть на посту. Скорее всего, это были не его пули, а свинец предназначался для Игоря, других ребят, с которыми служил. Юрка не мог иначе... Он играл в футбол и твердо знал, что такое командная игра. Ребята-бойцы – это его команда. Мирные сопливые девчонки и мальчишки, которые каждый день собирались на КПП, тоже его команда. И он за них в ответе...

Потому что солдат.

5.

Игорь, узнав, что Юрки больше нет, плакал, не стесняясь – винил себя за то, что отправил на смерть друга. «Вместо Юрки должен был быть я...». Домой, на дембель, Игорь уехал седым. Как самая малая плата за жизнь, подаренную другом.

Мать еще раз тяжело вздохнула и вдруг улыбнулась. Если бы Юрка знал, с какой любовью его ребята, его команда, будет собирать и придумывать этот «дембельский» альбом, он наверняка сказал бы:

- Чего дурью маетесь? Айда на поле – мячик лучше погоняем!

И уж точно смеялся бы до икоты при виде «памятных досок», школы и улицы, названных в его честь..., - Александра Николаевна выглянула в окно.

Во дворе буянил май. Александре Николаевне показалось... Юрка идет, а рядом – с ним куча ребятшек. Они шли с футбольного поля...

- Смотри, идет твой архаровец! - бабушка ткнула в сторону улицы и отвернулась от Маринки. - Юрчик наш идет. Снова победил кого-то...

И обе улыбнулись.

После этой трагедии в дом Лысовых придет письмо от сослуживцев Юрия: *«...Ваш сын был достойным человеком. Он погиб от пули грузинского экстремиста, до последней секунды своей жизни, до последней капли крови выполнив свой воинский долг. Он принял смерть с оружием в руках.*

Смерть наступает первыми самых лучших. Ваш сын Юра был отличным сержантом, хорошим товарищем. Он пользовался авторитетом среди сослуживцев. Его уважали как солдаты, так и офицеры части. Он до последней минуты жил достойно и погиб достойно, как герой.

Память о нем навсегда останется в наших душах. Он навечно записан в списки роты, и новые солдаты будут равняться на него...».

Но новым солдатам недолго придется равняться на подвиг Юрия Лысова. Часть вскоре расформируют. А России предстоит выдержать на себе еще одну боль — войну в Чечне. И тысячам простым парням судьбой уже будет уготовано там погибнуть.

И только односельчане с особым трепетом произносят имя своего земляка. Героя необъявленной войны в Закавказье:

«Лысов Юра был очень жизнерадостным человеком. Ребята любили его за доброту, трудолюбие. У него были очень хорошие взаимоотношения со всеми одноклассниками, он был надежным другом. Любил петь с друзьями, с большим желанием занимался футболом».

Из воспоминаний Тучиной Тamarы Александровны, учителя географии.

«...Он во всем видел позитивное. Очень любил спорт, с юмором относился к трудностям. Класс, в котором учился Юра, был очень дружным, поэтому он был всегда в окружении друзей...»

Долгова Ирина Алексеевна, учитель химии.

«Мой папа, Мардоян Николай Владимирович, учился с Юрием Лысовым, который участвовал в боевых действиях на Кавказе. Они были хорошими друзьями. Вместе играли в футбол, ездили на соревнования, катались на мотоцикле. По словам папы, Юрий всегда был дружелюбным, мог прийти на помощь в трудную минуту. После школы его призвали в армию, и он был направлен на Кавказ. В это время там шла межнациональная война. Он погиб на посту.

В 2014 году была открыта мемориальная доска в память о Лысове Юрии, который учился в Большекуликовской школе 10 лет.

Все односельчане помнят Лысова Юрия...»

Мардоян Марина, учащаяся МБОУ Большекуликовской СОШ.

«Мы, будущие призывники, гордимся, что учимся в школе, где учился Юрий Лысов.

Он с честью и достоинством выполнил свой патриотический долг и является для нас примером и образцом. В трудные для нас минуты его мужество и героизм помогут нам преодолеть все препятствия и невзгоды. Он не вернулся, но память о нем навечно останется в наших сердцах...»

Василенко Алексей, учащийся МБОУ Большекуликовской СОШ.

P.S. Через три месяца после гибели Юрия один из его армейских друзей отправит ему письмо, в котором сообщит, пожалуй, все новости. Ведь столько не виделись! Когда ему сообщат о гибели друга, тот будет переживать эту страшную новость очень долго. И так и не найдет ответа, почему война забирает лучших...

Вячеслав Николаевич Черкасов.

Родился 12 марта 1956 года в г. Воронеже. После окончания школы дважды поступал в Воронежский инженерно-строительный институт, но не прошел по конкурсу. Полтора года работал на Воронежском авиационном заводе слесарем механо-сборочных работ. В мае 1975 г. был призван в Вооруженные Силы СССР.

Служил на Черноморском флоте мотористом-электриком на постах наблюдения и связи. В 1977 г. поступил в Киевское высшее военно-морское политическое училище. После его окончания выбрал местом дальнейшей службы Северный флот. Был

корреспондентом-организатором в газете «Северная вахта» Беломорской ВМБ. В 1983 г. переведен в газету Северного флота «На страже Заполярья», где прошел путь от корреспондента-организатора отдела боевой подготовки до заместителя главного редактора. Капитан 1 ранга запаса. Участвовал в пяти дальних походах.

Стихи начал писать в 1978 году. Печатался в журналах «Московский вестник», «Морской сборник», «Площадь первоучителей», альманахах «Мы – земляки!», «Ванга». В 2007 г. вышел сборник стихов и рассказов «Горсть былого», в 2019 – «Марафон в прошлое».

Председатель литературного объединения Северного флота «Полярное сияние». Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России. Участник первого всеармейского совещания военных писателей в 2008 году. С 1983 года проживает в ЗАТО Североморск Мурманской области.

Дипломант Всеармейского литературного конкурса имени генералиссимуса А.В.Суворова 2021 года.

СОЛЕННЫЙ ТОРТ

На центральном командном пункте дизельной подводной лодки, а во флотских кругах просто «дизелюхи», царило спокойствие. Да-да, именно спокойствие, поскольку полной тишины на ЦКП «живой» субмарины не бывает. В помещении всегда стоит некий электронно-металлический шум, который, время от времени, перекрывается командой или докладом, после чего следует какое-то движение и... опять ленивое профессиональное спокойствие.

Командир подводной лодки, которая второй месяц устало пробивала толщу иностранного моря, патрулируя в заданном районе, оторвавшись от своих размышлений о тишине и спокойствии, в очередной раз посмотрел в сторону закутка, где, расположившись на крышке ящика с запасными инструментами и приборами, спал главный боцман, он же – старшина команды рулевых-сигнальщиков мичман Коношенков. В походе главный боцман старался не отлучаться из центрального поста даже для отдыха. Потребность в нем возникает часто. Вот и сейчас приближалось время очередного всплытия для зарядки аккумуляторной батареи. А это значит, что место главного боцмана – на горизонтальных рулях.

Будить боцмана было жаль. Не прошло и часа, как, возвратившись с камбуза, Коношенков устроился подремать в своем закутке, успев перед этим шепнуть капитану 2 ранга:

- Товарищ командир, задание выполнено. Шепнул и незаметно глянул в сторону механика, не услышал ли тот.

Командир электромеханической боевой части, еще довольно молодой капитан-лейтенант, не отрываясь следил за стрелками приборов, и, чувствовалось, был не в духе.

О причине плохого настроения офицера командир догадывался. У механика сегодня день рождения, но об этом по общему уговору все «забыли». Вот и обижается капитан-лейтенант на невнимательность сослуживцев.

Пришел он на лодку перед самым походом субмарины, отправленной подремонтировать на завод. В экипаже еще не прижился, друзей не завел, но уже поприисутствовал на дне рождения одного из членов экипажа и видел, с какой теплотой поздравляли подводники своего товарища. Понятно, что сегодня считает себя чужаком, которого обошли вниманием.

Откуда было знать каплею, что в кают-компании уже накрывают по-праздничному стол, что в радиорубку замполит отнес магнитофонную кассету с записью поздравления от жены и дочери «чифа», что незамеченный им доклад боцмана командиру – это последний штрих в приготовлениях экипажа к чествованию сослуживца.

Несколько часов назад, когда боцман передал управление горизонтальными рулями старшине 1 статьи Анатолию Левицкому, командир пригласил его к себе.

- У механика сегодня день рождения, Михаил Олегович. Нельзя ли его чем-нибудь удивить?

- Понял, товарищ командир. Будет торт. Фирменный.

На подводной лодке, конечно же, были штатные коки. Но когда, как сегодня, у кого-то из членов экипажа в море случался праздник, командир просил боцмана порадовать экипаж. И Коношенков радовал.

До службы он окончил кулинарное училище, успел поработать поваром в одном из лучших ресторанов Ленинграда. И хотя на флоте профессию сменил, любви к кулинарному искусству не утратил. Бывало, и без просьбы командира приходил в свободное от вахты время на камбуз, подменял кока. И тогда рождалось, к восторгу подводников, какое-нибудь затейливое блюдо, название которого не каждому удавалось выговорить с первого раза.

Сегодня Коношенков на камбузе пробыл особенно долго, почти все отведенное для отдыха время. Уснул минут сорок назад. «Ему б еще хоть пару часиков поспать, - подумал командир. – Но...»

- Вахтенный офицер! – скомандовал капитан 2 ранга. – Учебная тревога! Приготовиться к всплытию!

Мичман мгновенно проснулся. Первым делом бросил взгляд на глубиномер – уж не случилось ли чего? Но нет, лодка шла на прежней глубине.

Коношенков стал за спиной старшины 1 статьи Левицкого. С минуту наблюдал за тем, как подчиненный управляет рулями, а затем положил руку на плечо моряка. Тот сразу же поднялся, уступая место.

Приняв доклад о готовности экипажа, командир приказал всплывать.

Главный боцман плавно принял рукоятки управления горизонтальными рулями на себя и тут же привычно почувствовал, как начал нарастать дифферент на корму. Стрелка глубиномера пошла на уменьшение отсчета.

О том, что лодка всплыла, в прочном корпусе ощутили по начавшейся качке. Командир и верхняя вахта поднялись в рубку. В ее ограждении было неуютно и мокро. Соленые волны разбушевавшегося моря, разбиваясь о черный бок подводного корабля, холодным дождем орошали командира и его свиту. Тяжелые валы перекачивались через верхнюю палубу, словно на их пути не было всплывшей в крейсерское положение лодки.

Командир выглянул из ограждения. Нос субмарины то поднимался над водой, обнажая крылья носовых вертикальных рулей, то снова исчезал в пенных волнах. Фонтан брызг ударил в лицо капитану 2 ранга, и он поспешил укрыться за ограждением. Промокнуть он еще успеет.

Подводники не любят качки. Привыкшие к спокойной глубине океана, они с трудом переносят неустойчивое положение субмарины в «горбатом» море, и стараются как можно быстрее «нырнуть» метров на тридцать, чтобы избавиться и от морской болезни, и от необходимости ходить в раскорячку.

Но в этот раз быстро уйти с поверхности не получалось. Надо было подзарядить аккумуляторы, а это процесс не минутный. Пока работает дизель, народ хлебает «болтанку» полной ложкой. И не сказать, что все получают от этого удовольствие, ведь морская болезнь воспринимается людьми по-разному. У одних разыгрывается аппетит, и они безостановочно пожирают ржаные сухари, основательно сдабривая их солью крупного помола и заедая солеными бочковыми огурцами или квашеной капустой. Другие, наоборот, возвращают пищу из своих недр, теряя при этом работоспособность, а случается и возможность передвигаться.

На подводной лодке укачивающихся было предостаточно, поэтому команду «Приготовиться к погружению» экипаж воспринял с энтузиазмом. Все, кто был на мостике, в надстройке, горохом посыпались в узкую горловину рубочного люка. Последним приготовился спускаться на ЦКП командир субмарины, но его остановил раздавшийся из динамика трансляции голос главного боцмана:

- Товарищ командир, носовые рули не работают!

Капитан 2 ранга взглянул вперед. Да, носовые горизонтальные рули, вздрагивали, но оставались на месте, продолжая чертить океанскую волну...

- Видимо, от ударов волн заклинило стопор, - раздался за спиной командира голос Коношенкова. Он уже успел подняться в надстройку.

- Что будем делать, Олегович? – спросил командир, не оборачиваясь.

Конечно же, он отлично знал, что в таких случаях надо делать. Если не удастся с нескольких попыток убрать рули в легкий корпус, кому-то придется выходить на верхнюю палубу и пробираться вон к тому невзрачному лючку, чтобы вручную выбить злосчастный стопор. До лючка метров пятнадцать, если считать от ограждения рубки. В штиль – несколько секунд пути. Но, то в штиль. А когда волна свободно перекачивается через верхнюю палубу?..

- Идти надо, товарищ командир, гидравлика не тянет, - снова сказал Коношенков. – А поскольку заведование мое, то разрешите одеваться?

- Кто будет страховать вас?

- Матрос Шпицак свободен от вахты. Он справится.

Через двадцать минут Коношенков снова поднялся в рубку. Несмотря на то, что события разворачивались отнюдь не шуточные, никто из находившихся на мостике моряков не смог сдержать улыбки. Уж больно потешно выглядел бравый боцман. Одет он был в комбинезон, поверх которого натянул теплый свитер и рабочую куртку. Опясался ремнем, с которого металлической бахромой свисали небольшая кувалда, ломик, ключ от крышки люка и еще какие-то инструменты.

- Ну, Михаил Олегович, с богом! – напутствовал его командир. – Поаккуратней там...

- Кажись, не в первый раз, товарищ командир. Дело-то привычное.

Михаил Олегович лукавил. Выходить в море на верхнюю палубу ему приходилось и раньше. Но в такую погоду - впервые.

Стоя в ограждении рубки, он высчитал интервал между волнами, которые неутомимо шлифовали верхнюю палубу. Выходило немного: семь-восемь секунд. До люка за это время не добежишь. Значит, надо перебежками. Первая – до шпигатов, там можно удержаться, затем – до скобы. Ну и последний рывок – до лючка...

Коношенков, неспеша докуривая сигарету, раз за разом прощупывал глазами путь. Командир не торопил его, хотя каждая лишняя минута пребывания лодки на поверхности грозила потерей скрытности. Он понимал, что в такую погоду самолет-разведчик вряд ли поднимется с аэродрома, но вероятность встретиться с каким-либо кораблем была весьма высока и абсолютно нежелательна.

На всякий случай он дал команду радиометристам прощупать горизонт, однако два-три оборота антенны ситуацию не сильно прояснили. Пока горизонт чист, но надолго ли?

Наконец боцман шагнул на верхнюю палубу. Держась за металлические скобы, опоясывающие рубку, переждал очередную волну и рванулся вперед. На седьмой секунде упал на палубу – как раз в том месте, где наметил. Тяжелая волна накрыла его с головой...

Командир субмарины из ограждения рубки видел, что боцман упал неудачно. Он успел схватиться за отверстие в легком корпусе лодки только одной рукой, вторая – не дотянулась сантиметров пять-шесть, когда огромная черная волна накрыла Коношенкова с головой...

- У него же недавно вторая дочка родилась, некстати промелькнула в голове командира мысль. – Что я его Любаше скажу? Как объясню, почему послал именно его, отца двоих детей, на столь опасное дело? Эх, надо было кого помоложе послать, порасторопнее.

Мысль ушла вместе с волной, которая скатилась по бортам лодки, явив командиру прижавшегося к ее корпусу боцмана. Мгновение и Олегович рванулся вперед...

Вторую передышку он сделал у кнехтов. Она была дольше первой. Через него перекатились целых три волны. Правда, были они поменьше той, что окатила его у шпигатов, но все равно – приятного мало.

Третий рывок был последним. Упав на люк, главный боцман нащупал на поясе ключ и сноровисто заработал им. Через минуту он был уже под палубой, между прочным и легким корпусами подводной лодки.

На устранение неисправности времени ушло меньше, чем на то, чтобы отдраить и задраить крышку люка. Тут уж действительно дело было привычное. Правда, кувалдочка пару раз выпадала из замерзших рук, но это пустяки...

...На обратном пути мичман Коношенков двигался уже не так проворно. С мостика было видно, что он устал, замерз и, судя по всему, наглотался соленой воды. Понимая это, страхующий Олеговича матрос Шпицак и пришедший к нему на помощь штурман буквально тащили своего товарища к рубке.

Оказавшись под защитой прочной стали, боцман долго не мог унять дрожь. Крепкие руки товарищей помогли ему одолеть крутые лодочные трапы, и спуститься в теплое нутро субмарины, где его уже ждал неразлучный друг мичман Нестеренко.

- Ну, как там наверху, свежо? А я тебе как раз горячий душ приготовил! Да, во хлебни микстурки, что доктор прописал...

Пятьдесят граммов медицинского спирта, не задев горла и пищевода, горячим комком упали в желудок, и через минуту благодатное тепло разлилось внутри, согревая продрогшее тело.

Через полчаса, завершив восстановительные процедуры, под горячими струями, мичман Коношенков спал в своем закутке за пультом управления. Как всегда – лицом к циферблату глубиномера, чтобы, проснувшись по тревоге, сразу же увидеть самое важное для рулевого подводной лодки – глубину.

... А в кают-компании офицеры сидели за столом, на котором бело-розовым цилиндром возвышался торт, сделанный руками главного боцмана для именинника – командира БЧ-5. Этот торт снился и Коношенкову. Он ел его вместе с товарищами, и с удивлением ощущая на губах соленый вкус крема.

ЧАЮ ХОЧЕШЬ?

Попугая другу Мишки Сенцова подарили кубинские моряки перед тем, как его корабль, выполнив свою миссию, собирался на переход с солнечного острова Свободы в холодную темноту родного Заполярья. Не то, чтобы друг страстно любил птиц, его подвело стремление привезти на далекий Север нечто экзотическое. Небольшое пестрое чудо, время от времени долбившее клювом прутья клетки, как нельзя лучше подходило для этого.

«Подарочек» очаровывал семью Мишкиного друга недолго. Вскоре выяснилось, что двадцатисантиметровый попугайчик всего лишь птенец из семейства ара, которые в зрелом возрасте достигают метрового роста, а живут до 300 лет. Надежды семейства на то, что им по счастливой случайности достался ара-дистрофик, не оправдались, и через десять лет в клетке величиной почти с холодильник сидел достойный представитель своего семейства, обладавший равнодушием бегемота, коварством скорпиона и наглостью обезьяны. Он довольно быстро научился болтать, но говорил исключительно тогда, когда считал это нужным.

Проблемы у Мишкиного друга начались уже через пять лет. В отпуск с попугаем не поедешь, а друзья, близко познакомившись с арой, брать его на поруки отказывались наотрез. Несколько лет муж и жена в отпуск ездили по очереди, раз-другой удавалось упрямить соседа хотя бы кормить попугая, но, как известно, всякому везению приходит конец...

...Мишка блаженствовал у телевизора за субботним пивом, и на звонок отреагировал несколько раздраженно. Открыв дверь, буркнул другу: «Проходи!» — и полез за вторым бокалом.

Но друг от пива отказался. Немного помявшись, он достал из дипломата бутылку водки и водрузил ее на стол. Зная вредно-непьющий характер друга, Мишка насторожился.

- Дело есть, — оправдал его настороженность друг.

- В гараже, что ли, помочь? — попытался увильнуть от беды Мишка.

- Нам с женой семейную путевку в Ялту дали. Впервые за 15 лет службы на Севере. Так что... возьми к себе Ару. Больше нам обращаться не к кому.

«И цистерна водки не за ставит меня прожить месяц с твоим крылатым орангутангом», — хотел было отшить своего приятеля Мишка, но, взглянув на уже понявшего все по выражению его лица друга, промямлил:

— Кот же у меня. Помесь то ли тигра с рысью, то ли пантеры с норвежской дикой кошкой. Он же твоего Ару в момент сожрет.

- Ну и пусть сожрет, - радостно сказал друг, — у нас из него суп сварить-рука не поднимается. Считай, что член семьи.

Крыть было нечем.

Неделя после отъезда друга прошла без приключений. Клетка с Арой стояла на высокой тумбочке, а первая же попытка Мишкиного кота поближе познакомиться с попугаем закончилась ударом веника, после чего потомок тигра интереса к птичке не проявлял.

Спокойствие было нарушено в субботу вечером. Увлеченный пивом и футболом, Мишка слишком поздно услышал резкий щелчок за спиной и, обернувшись, увидел, как открывается дверца клетки. Что-либо предпринять он уже не успевал, поэтому остался в кресле, ожидая дальнейшего развития событий.

Попугай неторопливо сдефилировал на пол и, опираясь на кончики крыльев, походкой гангстера направился к Михаилу. «Сейчас долбанет», — подумал тот, отыскивая взглядом, чем отразить нападение.

Но тут в события вмешалась третья сила. Увидев птичку на свободе, родственник сибирской рыси воспылил желанием поохотиться. По всем правилам лесной науки, припав к паркету, он начал подбираться к Аре.

«Ну вот и все, - подумал Михаил. — Сейчас он ему башку скрутит».

Однако попугай краем глаза заметил опасность и, резко повернувшись, пошел «на Вы». Остановившись перед опешившим котом, он долго смотрел на приготовившегося к прыжку охотника, затем резко долбанул его клювом по голове и произнес скрипучим голосом Шерлока Холмса: «Чаю хочешь?»

То, что кот чая не хочет, Мишка понял сразу. Пару раз перевернувшись, он задал такого стрекача, что Михаил не успел заметить, куда он делся.

Ара же повернулся и оценивающе уставился на мишку, мол, ты тоже «чая хочешь» или так поймешь?

Мишка понял так, и на оставшиеся три недели у него в квартире воцарилась попугаевщина. Причем, Ара действовал, как заправский гангстер, отбирая у Мишки все, что ему понравилось.

Что же касается кота, то он стал выходить на середину комнаты лишь спустя две недели после того, как Мишкин друг забрал свою экзотику обратно, а при слове «чай» мгновенно исчезал за холодильником. Не любят коты чай...

Борис Юрьевич Цукер.

Родился в Ленинграде в 1956 году. После школы - работа на Кировском заводе, служба в армии – Группа советских войск в Германии, учеба в Ленинградском институте водного транспорта, работа в Ленпорту СЗРП, заводе «Трубосталь» и пивоваренной компании «Балтика». Сейчас работает в школе 450 Курортного района Санкт-Петербурга. Член Союза писателей России. Автор шести сборников стихов. Лауреат ряда литературных премий. Дипломант Всероссийского литературного конкурса имени генералиссимуса А.В.Суворова 2021 года.

ПАРИЖ, СПАСЕННЫЙ ПОД МОСКВОЙ

Те, кто выжил, помнят и поныне
Бой на высоте Дубовый Стан.
Под Смоленском, около Катыни,
Сутки потерял Гудериан.

Батальон в развалины церквушки
Обороной намертво залез,
А за речкой – егеря и пушки
Из восьмой дивизии СС.

Как еще выдерживали нервы,
Если от стрельбы тряслась рука?
И в душе, наверно, каждый первый
К черту посылал политрука.

Фрески разлетались, словно птицы,
Вот почти и нету их уже,
И святых разбитые глазницы
Заставляли думать о душе.

Старшина со снайперской винтовкой,
Попривыкший к перемене мест,
Вспомнил, как в своей родной Ольховке
Сдернул тросом с колокольни крест.

А когда огонь прямой наводкой
В пыль расколошматил две стены,
Танки появились на высотке
Ангелами гневными войны.

В этой драме спас от смерти многих
Краснозвездный танковый финал...
Ну а политрук потом о боге
Целый месяц не напоминал.

Напоследок рывкнула свирепо
Батарея, и огонь затих.
Плакало растерзанное небо,
Омывая мертвых и живых.

Отошли, до одури напившись
Круговерти лобовых атак.
Насчитали двести семь погибших
А вот Витьку не нашли никак.

... Он винтовки выронил обломки,
Пошатнулся – и свалился в грязь.
На краю спасительной воронки
Трое немцев щерились, смеясь.

Голову корежило от звона,
Но толчок прикладом был суров,
И судьба оформилась колонной
Безоружных, раненных бойцов.

Мог бы жить и ждать подмоги свыше –
Ведь не политрук и не еврей –
Только на обочину он вышел
Из толпы сломавшихся людей.

Поднял камень, замахнулся... Пули
Изрубили вставшего с колен,
А другие – те, кого согнули, –
Обреченно зашагали в плен...

Этот случай – да подать красиво,
Только не случился пьедестал.
Лишь ответ военного архива:
Виктор Павлов. Без вести пропал.

Нет, память не хочет меня отпустить.
Годиною той огневою
Великой и малой и белой Руси
Стояли сыны под Москвою.

Славянское братство, понятно, навек,
Но были во взводе среди прочих
Казахи, армяне, татары, узбек
И даже еврей – пулеметчик.

И в трудные эти осенние дни,
Теря последние силы,
Вокруг Дубосеково братья мои
Немецкие танки косили.

Над полем осколков носилась пурга,
Смертей куролесила стая.
Наш взвод останавливал танки врага,
И таял, и таял, и таял...

Возможно, беспмятство душу разъест,
Но эти слова не померкнут:
Нас всех наградили за этот разъезд,
И только меня - не посмертно.

Даниилу Гранину.

Пожары в этот черный Новый год
Светили ночью, не тревожа холод.
Наш полк в районе Пулковских высот
Фашисту перекрыл дорогу в город.

Но, проведя сквозь минные поля,
Заставив всех изрядно удивиться,
Насмешливо блокадная земля
Прислала к нам в блиндаж двух пьяных фрицев.

Фельдфебель был угрюм и очень зол,
А лейтенант – веселый, как синица.
Он все кричал фельдфебелю: «Осел!
Пойми, дурак, нам это просто снится!»

Им жизни сохранил передний край,
И мы вели их в тыл, теряя силы.
А по дороге – умерший трамвай,
Который пассажирам стал могилой,

А по дороге – трупы на санях,
И дети, как ожившие скелеты...
И лейтенант шептал, скрывая страх:
« Не может быть! Мне просто снится это...»

И мой напарник фрица меж бровей
Ударил – тут уж было не до шуток.
И закричал: «А ну-ка, комм скорей,
Пока еще не потерял рассудок!

А знаешь, - продолжал негромко он,-
Мы одолеем – в этом нет сомнений.
Но свалят все они на страшный сон,
Когда поставим гадов на колени!»

Он ни разу не ругнулся матом,
Даже если смерть была близка.
Рядовой Шовкат Абдусаматов,
Кашевар пехотного полка.

Был улыбчив, незлобив и ловок,
От войны не откосил ни дня,
И черпак нередко на винтовку
Без напоминания менял.

А еще, когда осколком мины
Выбило обозного коня,
Плов из неожиданной конины
Помогал почище артогня.

В феврале боец был так изранен,
Что искали смертный медальон.
В третьей рукопашной под Любанью
От полка остался батальон.

Выжил. И в далеком Самарканде
Старший внук, уже почти солдат,
Раз спросил за чаем на веранде:
«Он красивый, этот Ленинград?»

Дед коснулся пальцами медали,
На ладони покачал металл:
«Мы ведь просто город защищали,
Я его ни разу не видал».

Май солнцем победителей встречал,
Убитая война уже остыла.
И распахнул объятия Урал,
Стальной хребет несломленного тыла.

Однако путешествию конец.
На полустанке вышли из теплушки
Увешанный медалями боец
И Найда – вислоухая подружка.

Военный век, безумен и жесток,
Загнал народы в смертную огранку.
Но, видно, уберег собачий бог
Собаку – истребительницу танков.

Сельчане пировали до утра,
Гудеж вокруг стоял – ну, чистый улей!
А на заре взревели трактора,
И Найду из избы как будто сдуло.

Раздался лай, потом короткий визг,
Застыли окровавленные траки,
И трясся побелевший тракторист
Под взглядом умирающей собаки.

Солдат ругался в бога душу мать,
Кричал, рыдая: «Найдочка, задрыга!
Ну сколько нужно было повторять
Что больше нет нужды под танки прыгать?!»

И людям боль его была ясна,
И каждый этим горем был затронут,
Хотя в село доставила война
На сто дворов две сотни похоронок.

У Ксении Егоровны всегда опрятный вид,
Хотя душа Егоровны отчаянно болит
За мужа, что отправился в небесные полки,
За сына, что на Муринский вернулся без руки.

Но Ксения Егоровна не требует покой,
И медсестрой работает с болезными душой.
Ведь до Удельной ходу ей десятка два минут...
А там военнопленные строительство ведут.

Как первый раз увидела – чуть не сошла с ума:
Так ясно вдруг припомнилась блокадная зима!
Но скоро попривыкла к ним и замедляла шаг,
И немцы с ней здоровались: «Гут морген! Гутен таг!»

Ах, до чего отходчива блокадница-вдова!
Шагнула как-то к пленному, коснулась рукава,
И подарила гансику - не дрогнула рука -
Вареную картошину и пачку табака.

Ругался сын отчаянно на следующий день.
Да норов у Егоровны потверже, чем кремьень.
Приобняла увечного и, закурив «Казбек»,
Сказала: «Полно, Витенька: он тоже человек».

На кладбище зимою - тишина
Гуляют по дорожкам снег да ветер,
И днем фигура редкая видна,
А в темноте души живой не встретишь.

Расцвет застоя. Серые дома,
Безличье окружающего мира.
И кажется порой – сойдешь с ума,
Но все-таки: отдельная квартира.

И нету ни театра, ни кино –
Для новостроек вечная издевка –
Но нам везло. Ведь здесь давным-давно
Уже была деревня Пискаревка.

И памятная кладбища звезда
Колола зарубцованные раны,
И майским днем шагали мы туда,
Сжимая помертвевшие тюльпаны.

И класса замечательный народ,
Мои сестрички школьные и братцы,
Решил в последний общий новый год
До кладбища привычно прогуляться.

Пришли – и встали. Вам, средь бела дня,
И не представить даже на мгновенье,
Как в переливах Вечного огня
Ожившие, раскачивались тени.

Нет, позабыть я это не смогу,
Хоть внуков и качаю колыбели:

И наши с Танькой тени на снегу,
И бесконечность траурных постелей.

...На кладбище зимою – тишина,
Да и кого в мороз тут можно встретить...
В тот вечер в сны мои пришла война,
А день Победы ждал тридцатилетия.

Его мы звали попросту «Беспалый».
Ходил в котельной, тих и неказист,
Немного странный, непонятный малый,
Зато в делах – большой специалист.

И даже инженер, который главный,
Имел на кочегара свой расчет,
И знал: на слух любую неисправность
Вот этот мужичок легко найдет,

Найдет – и нам: «Вперед! Трудитесь, зайцы!»
Шагнет к столу, где чай уже налит,
Сомкнет кольцом оставшиеся пальцы
И «Беломор» привычно засмолит.

На Новый год мы с ним делили смену.
Махнув стакан в кондейке, у трубы,
Он вдруг сказал, негромко и не в тему:
«Да подо Мгою. Собирал грибы.

И от прогулки этой окаянной
Семь лет назад, четвертого числа,
Остались лишь большой и безымянный,
А остальные мина унесла»...

Никто его потом не звал «Беспалый».
В котельной нашей, ловок и плечист,
Работал Жора – безотказный малый,
Когда-то виртуозный пианист.

Пора беспамятства настала:
Пророча негу и уют
На опустевших пьедесталах
Кумиры новые встают.

И кто-то, дергая за ворот,
Вещает про блокадный ад:

«Париж отдали... Выжил город!
Зачем душили Ленинград?»

И не докажешь индивиду,
Что выплыл европейский дом
Лишь потому, что били гниду
Под Сталинградом и Орлом.

И наша память о потерях
Хранит от смерти шар земной,
Где открывает миру двери
Париж, спасенный под Москвой.

Подполковник запаса, **Василий Сергеевич Цицанкин.**

Родился в городе Москве. В 1983 году окончил с отличием Московское военно-музыкальное училище по специальности «преподаватель детской музыкальной школы». В 1988 году окончил с отличием Военно-дирижерский факультет при МГК имени П. И. Чайковского по специальности «Дирижер военно-духового оркестра». После окончания Московской консерватории проходил военную службу в должности военного дирижера 10-ой оперативной эскадры Тихоокеанского флота (Тяжелый авианесущий ракетный крейсер «Минск»), а также в должности военного дирижера отдельной бригады подводных лодок стратегического назначения (база Финвал-54-ТОФ) на Камчатке.

В 1997 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Музыкальная культура Российской армии и флота во второй половине XIX века». С 1993 г. – преподаватель, а с 1997

по 2005 год – старший преподаватель, доцент кафедры Военно-оркестровой службы Московской военной консерватории. Кандидат исторических наук, доцент, почетный работник культуры города Москвы, преподаватель высшей квалификационной категории.

По материалам диссертационного исследования В.С.Цицанкина опубликовано в отечественных научно-публицистических журналах: «Музыкальная жизнь», «Военно-исторический журнал», «Воин России», «Оркестр», газетах: «Красная звезда», «Музыкант», «Начни сначала», «50+» и др. свыше 90 статей и очерков по проблемам духовой музыки в России и за рубежом.

Автор нескольких художественных книг и методических пособий: «Музыкальная культура Российского офицера», «Военные оркестры во второй половине XIX века», «Валерий Халилов. Любить всю жизнь» из серии «Жизнь замечательных людей», «Методика проведения марш-парадов и плац-концертов», нескольких сборников партитур: «Ансамбли для духовых и ударных инструментов», «Неизвестные марши С.А. Чернецкого» (выпуск 1-4).

С сентября 2018 года по сегодняшний день В.С. Цицанкин работает в должности заведующего учебной части ГБПОУ города Москвы «Академия джаза».

Лауреат Всероссийского литературного конкурса имени генералиссимуса А.В.Суворова 2019 года.

ВАЛЕРИЙ ХАЛИЛОВ. ЛЮБИТЬ ВСЮ ЖИЗНЬ

В каждой области искусства есть люди, которые наделены не только талантом от природы, но и являют собой пример творческого горения, высокого патриотизма и беззаветного служения любимому делу. Одним из таких людей, которые внесли достойный вклад не только в развитие Военно-оркестровой службы Вооруженных Сил РФ, но и всех

духовых оркестров России в целом, стал Заслуженный деятель искусств РФ, народный артист России генерал-лейтенант Валерий Михайлович Халилов...

Долгие 14 лет он успешно руководил Военно-оркестровой службой Вооруженных Сил Российской Федерации. Находясь на должности главного военного дирижера страны, В.М. Халилов много сделал для того, чтобы престиж службы военных музыкантов после развала некогда великой державы, вновь был поднят на должную высоту.

Средствами достижения этой высоты стали: работа по внедрению новых штатов военных оркестров; разработка принципиально новых руководящих документов, регламентирующих административно-хозяйственную деятельность военных дирижеров, возглавляющих оркестры; обогащение репертуара новыми интересными военными маршами и концертными произведениями различных жанров, а также организация и проведение многих праздничных театрализованных мероприятий с участием духовых оркестров России и зарубежных коллективов...

Ощущая острую необходимость введения в репертуар военных духовых оркестров России принципиально новых произведений, отвечающим современным требованиям, В.М. Халилов непосредственно сам написал более семидесяти музыкальных пьес для духового оркестра. Среди них с завидной легкостью можно назвать марши: «Александр», «Генерал Милорадович», «Кант», «Красноармеец Сухов», «Лефортовский», «Молодежный», «Рында», «Улан», «Юнкер»; фанфары на темы армейских песен, вальсы: «Сирень», «Бегония»; ряд вокальных сочинений: романсов и песен.

Необходимо отметить, что многие из этих музыкальных произведений сегодня прочно вошли в служебно-строевой и концертный репертуар духовых оркестров Вооруженных Сил РФ, а несколько военных маршей В.М. Халилова вот уже несколько лет подряд звучат 9 мая на Красной площади при проведении военных парадов.

Увы, никто не может заглянуть в свое будущее... Поэтому для всех нас, военных дирижеров и музыкантов-духовиков, стало огромной утратой и поистине большим потрясением известие о том, что ранним утром 25 декабря 2016 года в Сочи потерпел

крушение самолет ТУ-154 Минобороны России, следовавший в Хмеймим (Сирия). На его борту находился 91 человек, в том числе и 64 артиста возглавляемого В.М. Халиловым Академического ансамбля песни и пляски имени А. Александрова. Выжить не удалось никому...

Время лечит раны, прошло уже пять лет с тех трагических событий, но по-прежнему звучат на военных парадах марши генерала В. Халилова, проводятся военные фестивали духовых оркестров в его честь, многие его начинания на посту директора «Ассоциации музыкантов-духовиков», которую он возглавлял, воплощаются в жизнь. А как говорили древние мудрецы: «Человек живет столько, сколько он живет в сердцах людей! Столько, сколько его помнят!» И, с позиции времени, уже можно сказать, что Валерий Михайлович Халилов обладал не только замечательными организаторскими способностями в руководстве военных оркестров, но и теми душевными качествами, которые ему помогли в жизни сделать военную карьеру, достигнув таких высот, при этом сохранив о себе добрую память в сердцах сослуживцев и всех, кто его хорошо знал...

Именно, поэтому, когда предложили написать книгу, посвященную Валерию Михайловичу Халилову, у меня сразу возникла идея посвятить ее именно личностным человеческим качествам этого выдающегося деятеля в области военной музыки России.

Автору, наверное, в этой жизни очень повезло: окунуться с головой в биографию этого известного человека. На протяжении почти двух лет он вместе с членами семьи Валерия Михайловича: женой Натальей Владленовной, братом Александром Михайловичем Халиловым, дочерью Марией кропотливо и скупуплезно собирали материал по творческому и жизненному пути Валерия Михайловича. Результатом этого труда стало публикация в издательстве "Молодая гвардия" в конце 2019 года в серии "Жизнь замечательных людей" книги "Валерий Халилов. Любить всю жизнь"...

Изучая многие архивные документы, личные дела и послужные списки военных дирижеров нескольких поколений, анализируя многочисленные воспоминания его: родственников, кадетов, его однокурсников, сослуживцев, становилось все более ясно и очевидно, что Валерий Михайлович Халилов представлялся в сознании людей уже не какой-то там одиозной недосыгаемой фигурой, этаким бронзовым памятником для всех последующих поколений военных дирижеров, а... обыкновенным человеком с Большой буквы, чей жизненный путь был достаточно негладким, а само его "восхождение" на вершину Олимпа военно-оркестровой службы было достаточно непростым!

Почему именно Валерий Михайлович добился таких успехов, которые способствовали его назначению на должность главного дирижера страны? Чей пример его воспитал в детстве и юношестве, какие нравственные идеалы позволили ему стать не только прекрасным руководителем, но и замечательным композитором концертных произведений для духового оркестра? На эти поставленные вопросы автор и постарается ответить...

Родился В.М. Халилов в 1952 году в городе Термез (ныне этот город находится в одной из среднеазиатских республик - в Узбекистане), и родился он в семье военного дирижера старшего лейтенанта Михаила Николаевича Халилова. Его отец служил в одном из боевых полков 360-ой Краснознаменной Невельской мотострелковой дивизии, расквартированного в пригороде Термеза. И с детства, будучи уже третьим ребенком в большой семье, Валера Халилов на себе испытал трудности быта и военной службы в этих жарких климатических условиях, где в тени температура воздуха порой достигала 45-50 градусов, где не было водопровода, а неочищенную воду приходилось таскать домой в ведрах из ближайшего арыка! Где за продуктами, в том числе и за хлебом, приходилось выстаивать огромные очереди в единственном магазине «Военторга», расположенного в военном городке...

Кто постарше, помнит широко бытовавшую среди выпускников военных училищ еще Советского Союза шутливую поговорку: «Лейтенант, да ты не бойся!!! Дальше Кушки не пошлют, а меньше взвода не дадут!» Так вот эта «злаполучная» Кушка как раз была расположена рядом с тем самым Термезом! Ну, а тот, кто волею судьбы, все-таки попал

служить в этот, крайне непрестижный, Туркестанский военный округ, знал еще одну поговорку: «Есть на свете три дыры: Термез, Кушка и Мары!»

И вот что удивительно, прекрасный строевой офицер с блестящими характеристиками, в дипломе у которого были только одни «пятерки» и «четверки» по всем дисциплинам! Выпускник института военных дирижеров, которому предлагали на выбор сразу два престижнейших места службы: одно в группе советских войск Германии, а другое - в Таманской гвардейской мотострелковой дивизии, что расположена недалеко от Москвы в подмосковном Алабино! А он вдруг взял, ... и написал рапорт начальнику своего курса с просьбой «направить его служить в войска... Туркестанского военного округа!» И как тот его не отговаривал, лейтенант Халилов был непреклонен в своем решении!! И, наверное, было бы интересно знать суть такого неординарного поступка главы большого семейства?

А объяснение было простым: там далеко - в Намангане, где прошло его детство, он, по восточным традициям, после смерти его родителей, остался за старшего в своей большой семье. Его младший брат двенадцати лет Алик обучался в то время в школе музыкантских воспитанников в Ташкенте, в которой, кстати, когда-то учился и сам Михаил, а младшая сестра Зинаида только-только заканчивала 9-й класс школы! И он, как старший в семье считал, что должен непременно быть рядом с ними! Оказывая им свою поддержку, как глава семейства!

Ну, и вторым веским аргументом в пользу его выбора именно этого не престижного места службы, было то, что он-то прожил там, в тех жарких местах и детство, и юность, привык к этому непростому жаркому климату и условиям жизни, а вот другие его товарищи-однокурсники могли и не выдержать и, как следствие, сломаться?!

Закономерный вопрос: а как вообще его семья, в частности его жена Клавдия Васильевна, отнеслась к данному решению своего супруга? Ведь у нее на руках была годовалая дочь Нина, да и сама она была на пятом месяце беременности!? А ведь она могла никуда не уезжать, так как она работала машинисткой в институте военных дирижеров, да и проживала она вместе с мамой на квартире в Москве?! Зачем ей этот несчастный далекий городок Термез!? Но Клавдия Васильевна в данной ситуации рассудила как очень умная женщина: она полностью согласилась с решением своего мужа и поехала с годовалой дочкой на руках, беременная вторым ребенком вслед за мужем в отдаленный гарнизон Невельской мотострелковой дивизии!!!

И создавала для мужа все условия быта: и в Термезе, а в последствие и в Кирки, и в Джамбуле, то есть во всех военных отдаленных гарнизонах, где проходил свою службу капитан Михаил Николаевич Халилов!

Везде он и его члены семьи чувствовали надежный быт, созданный руками мамы Валеры Халилова Клавдией Васильевной! Вот, наверное, этот наглядный пример его отца и матери, а также воспитание в детстве его родителями в нем добрых человеческих моральных качеств и стали той основой, что послужили в дальнейшем его карьерному служебному росту!

В 1963 году Валерий Халилов принимает решение поступать в Московскую военно-музыкальную школу. Не нужно думать, что тогда младшим воспитанникам в стенах школы жилось очень хорошо. В то время в школу дети поступали в возрасте 10-11 лет, а вот выпускались они уже зрелыми юношами 18-ти лет! И, конечно же, часто младшим воспитанникам 1-й роты доставались элементы, так называемой «дедовщины», от более старших воспитанников 2-й и 3-й роты! Именно, тогда еще старшина роты прапорщик Киреев разглядел в маленьком щуплом мальчишке Валере Халилове очень важные человеческие качества: кристальную честность, нетерпимость к воровству, а также полное отрицание нанесения обид и унижения младше себя по возрасту ребят!

Как-то, зайдя в каптерку своей роты, он увидел двух дерущихся воспитанников. Один из них был рослый, физически развитый, со всей силы бил маленького воспитанника, твердившего сквозь зубы одно «Отдай аксельбант! Отдай аксельбант!» Кровь из разбитого носа заливало ему лицо, но Валера Халилов, крепко сцепившись с гораздо более сильным

противником из второй роты, пытался отобрать у него сорванный с одной из парадных форм, висевших на вешалке, белый аксельбант! Как потом оказалось, старший воспитанник хотел потом его обменять в деревне Троице-Лыково на курево!

После этого случая прапорщик Киреев, а в последствии и старшина второй роты прапорщик Василий Васильевич Шмыров, которого все звали не иначе как «Батя», назначил Валеру Халилова своим помощником, доверяя ему, как в последствии, и его брату Александру, всю военную форму, обувь и фурнитуру к ней, ценя честность и порядочность этих двух ребят, воспитанных в одной дружной семье!

Будучи воспитанником 1-го класса "кадетки" Витя Аникин вспоминал такой случай: как-то раз они с классом поздней осенью убирали территорию, а мимо из столовой по дороге проходила 3-я рота. И вдруг из строя он услышал голос Валеры Халилова: "Витя! Аникин? Ты чего без шинели!? Заболеешь? Бегом в роту, оденься!" Что его тогда поразило: во-первых, кто он? "Салага - первогодок!" И второе: в отношении его проявил заботу воспитанник 7-го выпускного класса Валерий Халилов!? При этом обратившись к нему и по имени, и по фамилии!?

Не нужно говорить, что на протяжении всех лет военной службы эта дружба между кадетами разных поколений только окрепла! Когда, только что переведенному из учебного центра "Десна" в Киевское общевойсковое командное училище дирижеру была поставлена "двойка" Московской комиссией, и был устроен форменный разнос его выступления на конкурсе военных оркестров: дескать, и программа выбрана слабо! И классики нет в его репертуаре, а одни "шлягеры" и "сплошная цыганщина"! И что рано «этому капитану переводиться в военное училище! Явно еще не дорос!» Тогда только один инспектор военных оркестров майор Халилов заступился за Аникина, сказав, что тот «только десять дней назад принял должность в училище и вовсе не виноват в выборе подобного репертуара, который разучивался оркестром до его назначения»!

Ну, а когда на военно-дирижерском факультете на кафедре инструментов военного оркестра освободилась вакантная преподавательская должность, подполковник Валерий Халилов, конечно же, вспомнил своего друга-кадета, пригласив его продолжить службу в Москве. О чем ни разу не пожалел, так как сегодняшнее барабанное шоу на Международном фестивале военных духовых оркестров «Спасская башня» - родное детище этих двух высокопрофессиональных музыкантов! В. Халилов смог одним из первых разглядеть перспективы тогда еще, почти никому неизвестного, барабанного шоу «Фиеста», придуманного в 2000 году (то есть 22 года назад!!!) на кафедре инструментов военного оркестра Виктором Ивановичем Аникиным, которого все ударники сегодня хорошо знают.

Разглядеть, поддержать это начинание и представить через несколько лет на Красной площади его уже в совершенно другом масштабе и формате: со светящимися в темноте флуоресцентными барабанными палочками, с впечатляющими элементами фаер-шоу, безукоризненно выполняемыми большим оркестром ударников. В общем, все то, что сейчас мы наблюдаем в исполнении сводного оркестра Московского военно-музыкального училища, носящего по праву имя выдающегося дирижера генерал-лейтенанта Валерия Халилова! Но, это, если говорить о сегодняшнем дне, а тогда, закончив Московскую военно-музыкальную школу в числе лучших воспитанников, Валерий Михайлович Халилов поступил учиться на военно-дирижерский факультет при Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского.

Там он обучался у великолепных педагогов: по дирижированию у капитана I ранга Георгия Петровича Алявдина, по инструменту военного оркестра – у профессора Авангарда Алексеевича Федотова, а по инструментовке – у молодого капитана Леонтия Федоровича Дунаева. Именно, эти высокопрофессиональные педагоги факультета дали ему те профессиональные знания в области музыкального искусства, что пригодились ему потом в его служебной деятельности, и, конечно же, в его творчестве!

В числе лучших выпускников своего курса, по окончании училища, лейтенант Валерий Халилов был распределен на должность военного дирижера в Ленинградский военный округ в Пушкинское военное училище радиоэлектроники ПВО.

В то время на военно-дирижерском факультете была широко распространена практика преемственности поколений дирижеров, обучавшихся у одного педагога. Так как и Валерий Михайлович, и младше его по возрасту кадет Юрий Срывков обучались у одного и того же педагога- Г.П. Алявдина, то на первую свою войсковую стажировку курсант Ю. Срывков попал в оркестр, которым руководил молодой лейтенант Валерий Халилов.

И что его тогда поразило, так это то, что его начальник, на время отсутствия его супруги Наташи с детьми, (*они на лето уехали к маме в Москву - авт.*), предложил пожить у него дома на его квартире вместе с ним!? В нормальных человеческих условиях, где можно и поесть приготовить, и принять горячую ванну, и телевизор посмотреть! И вот они уже попеременно: начальник и подчиненный, по утрам готовят друг другу немудреные завтраки: яичницу, омлеты, чистят и жарят картошку...

А ведь лейтенант Халилов мог поступить и по-другому, отправив жить своего курсанта-стажера, например, в казарму училища? Или же, к примеру, поставить койку в канцелярии оркестра?! Как это делали тогда многие военные дирижеры со стажерами-курсантами? Но он этого не сделал, так как отнесся к своему младшему кадету Юрию Срывкову исключительно по-человечески. Конечно же, такие поступки запоминаются на всю оставшуюся жизнь, поэтому на протяжении всей жизни между этими двумя сослуживцами установились добрые взаимоотношения. И когда встал вопрос отбора на преподавательскую должность на кафедру военно-оркестровой службы, именно Валерий Михайлович Халилов предложил в качестве одной из кандидатур победителя окружного смотра военных оркестров Среднеазиатского военного округа, воина-афганца капитана Юрия Срывкова! И в этом был весь Валерий Михайлович Халилов!

Когда, спустя годы, он приезжал к своим одноклассникам по «кадетке» или факультету с проверкой их оркестров, те никак не могли привыкнуть к мысли, как Халилов, достигнувший таких высот в военно-оркестровой службе, мог оставаться при этом простым и душевным человеком!? Сидя за столом, он мог запросто: и на гитаре сыграть, и рассказать какой-нибудь смешной анекдот! С ним было всегда легко, комфортно и интересно!

В начале 90-х годов прошлого века при проверке военных оркестров Ленинградского военного округа, только что назначенный на должность начальника службы его однокурсник полковник Николай Ущাপовский был поражен, что полковник Халилов отказался пойти к нему в гости домой! Аргумент был простой: «Ну, не могу я прийти к твоей супруге Любе с пустыми руками и без цветов!?!»

И только после того, как ими, после долгих поисков, были куплены для жены Ущাপовского красивый букет красных роз, (а тогда в вечернее время их было очень сложно найти), он согласился зайти к ним ненадолго в гости! На короткий вопрос: «Валера?! Зачем тебе это!?!», он ответил просто: «Неужели ты думаешь, что, не видя тебя и твою супругу столько лет, я могу поступить по-другому!? Ведь мы же дружили семьями еще с курсантских времен!?!» И в этом поступке был тоже весь Валерий Михайлович Халилов!

Безусловно, главным помощником в его жизни и в его творчестве стала супруга Наталья Владленовна Халилова, с которой Валерий Михайлович познакомился, будучи еще курсантам в отпуске в Гаграх в Абхазии.

Это была, действительно, любовь, как говорится "с первого взгляда", насколько они стали по жизни для друг-друга близки! И Наталья Владленовна, также как когда-то мама Валерия Михайловича, постоянно следовала за своим мужем к его новому месту службы, обеспечивая ему надежный тыл, и пронеся свою первую любовь через многие годы!

И вот оно – его первое место службы, и сразу в Пушкинском военном училище радиоэлектроники ПВО! Это его был первый коллектив, на котором он уже обыгрывал свои первые сочинения: песни для курсантов военного училища ПВО, свои первые марши и вальсы...

К ним относится: "Молодежный марш", вальс "Бегония" и другие оркестровые сочинения...

По итогам двух смотров-конкурсов военных оркестров Ленинградского военного округа военный оркестр старшего лейтенанта Валерия Халилова был признан лучшим, занявшим 1 место!!! И по ходатайству инспекции военно-оркестровой службы Валерий Михайлович был назначен сначала преподавателем только тогда созданной кафедры Военно-оркестровой службы,

Ну а затем и инспектором военно-оркестровой службы Вооруженных Сил СССР! И вот что удивительно: достигнув в своем положении, в своей карьере достаточно высокого положения, Валерий Михайлович Халилов остался по-прежнему... обычным человеком, с которым можно было спокойно говорить, рассуждать, и даже спорить!

Улыбчивый, заряжающий позитивными эмоциями, человек! Не думающий о какой-то корысти, что-то "урвать" со своей должности, кого-то подмять, как это происходило, увы, с его вышестоящими руководителями! В то время, как у начальника военно-оркестровой службы МО РФ генерала Афанасьева было восемь машин-иномарок, часть из которых стояло в гараже Московской военной консерватории, и это видели все: офицеры, курсанты, гражданский персонал! У Валерия Михайловича была всего только одна машина – отечественные «Жигули» первой модели, которую люди тогда называли за глаза «копейкой».

В начале 90-х годов прошлого века большая семья Валерия Михайловича Халилова решила построить свой дом в деревне Новинки Киржачского района Владимирской области. Ведь именно с этим родовым местом было связано его и детство, и юность! И у него уже тогда родилась прекрасная идея: объединить на пенсии всех своих друзей: кадетов, одноклассников! Чтобы, будучи в отставке, они жили все в одной деревне: воспитывали бы внуков, ходили бы вместе по грибы и ягоды, а по вечерам – друг к другу в гости, встречали бы семьями вместе все праздники!? А ведь эта идея могла родиться только у человека, который жил не для себя, а для других, дарил бескорыстно добро другим людям!

И что удивительно, «утопическая» идея Валерия Михайловича: собрать своих друзей в одном месте, в одной деревне после демобилизации, удалась! Он сумел построить свой дом, ну а его соседями стали семьи его друзей: Виктора Романовича Худолея – профессора РАМ имени Гнесиных, Александра Сергеевича Данильченко, сослуживца по Ленинградскому военному округу, автора «Развода караулов» Владимира Николаевича Павлова, брата Александра Михайловича Халилова и других близких ему по духу людей!

В то время практика строительства личных дач командного состава Военно-оркестровой службы и военно-дирижерского факультета силами солдат хозяйственного взвода широко практиковалась. Но, к чести Валерия Михайловича, свою дачу он возводил лично, или с помощью своих родственников и знакомых. Либо с помощью нанятых за его деньги рабочих.

Может быть, поэтому его дом получился без всяких излишеств и изысков, как у других высоких начальников: обыкновенный деревянный (*не кирпичный - авт.*). Валерий Михайлович сам лично вырезал наличники на деревянных рамах окон, сам своими руками сделал всю мебель в доме. В самом доме нет даже парового отопления, зато стоит обыкновенная деревенская печь, которая до сих пор топится дровами! В общем, в доме достаточно "спартанская" обстановка!

Но, благодаря помощи его жены Натальи Владленовны и его дочерей, обустроивших их деревенский быт, в этом доме всегда ощущается атмосфера душевности и доброты. И сегодня, кто бы к ним не приехал в гости в деревню, большая семья Халиловых всегда им рада, в этом простом деревенском доме, с любовью построенном руками Валерия Михайловича!

Будучи в должности инспектора военных оркестров, Валерий Халилов вместе с полковником Ю.К. Питиримовым объездили с проверками многие военные гарнизоны. И везде, где бы они не были, все военные дирижеры вместе со своими начальниками военно-

оркестровых служб округов и флотов четко знали: "Полковник Питиримов и майор Халилов – честнейшие офицеры! Взятки и подношений не берут, справедливо оценивая на местах нелегкий труд военных дирижеров!"

Пройдут годы, но даже, когда он станет Начальником военно-оркестровой службы и ему присвоят высокое звание генерал-лейтенанта, Валерий Михайлович никогда не позволял себе вписывать в свой райдер гастрольной или инспекторской деятельности какие-то излишества или требования к своему приезду. Многие главы республик, районов, городов были в изумлении, или даже в шоке, когда в пожеланиях главного военного дирижера страны видели всего два пункта:

- посещение центральным военным оркестром МО РФ какого-нибудь монастыря или древнего храма;

- и ...купание в водоеме!

Эта его скромность была видна во всем: в его делах, в его поступках, в его отношении с подчиненными... В последние годы своей жизни он часто посещал церкви, в разговоре со своими близкими затрагивал тему о своем предназначении как человеку, зачем-то пришедшем в этот мир!

И при этом, Валерий Михайлович Халилов не был глубоко религиозным человеком, выдерживающим все религиозные посты, посещающим все службы в храмах. Он был скорее, по воспоминаниям его родных и близких, глубоко верующим человеком. Верующим в: добро, справедливость, любовь к ближним. В командировках центрального военного оркестра, когда они посещали какой-нибудь храм, Валерий Михайлович в обязательном порядке покупал иконы и дарил своим друзьям и сослуживцам, искренне считая их оберегом для них от всех бед и несчастий!

Ну, а на счет купания в водоемах, по воспоминаниям начальника центрального военного оркестра полковника С.Ю. Дурыгина, музыканты оркестра часто шутили, что "купание их дирижеров: Дурыгина и Халилова может не состояться только при двух условиях: если будет мороз за 50 градусов и все проруби будут замерзшими"!

В последние годы своей жизни до трагической гибели в декабре 2016 года Центральный военный оркестр МО Российской Федерации под руководством генерал-лейтенанта Валерия Халилова неоднократно прилетал в отдаленные гарнизоны и города: в Хабаровск, Владивосток, на Сахалин. И вот в один из таких первых прилетов на Сахалин произошел такой забавный случай. Военный борт с оркестром прилетел на аэродром поздно ночью, и Валерий Михайлович вместе с полковником Дурыгиным решили поехать на машине чуть раньше, чтобы увидеть: в каких условиях будут размещаться их подчиненные в городе Александровске на Сахалине.

И вот картина: три часа ночи, после долгих звонков и громких стуков во входную дверь общежития педагогического училища, засов двери открывает подслеповатая старушка - вахтерша и спрашивает: "Сынки? А вы, собственно - кто?"

-Да, мы - оркестр, бабуля! – представился ей одетый в «гражданку» Валерий Михайлович.

-Ээ, сынки... Так вы бы утром приезжали? Все равно кастаньянши-то нет? Матрасов и подушек нет! Как вы спать-то будете?

- А ты, бабуля, хоть покажи, где нам можно будет разместиться, и в каких комнатах? – продолжил Халилов.

- Да, заходи, милоч, в любую комнату! И ложись на любую кровать, студенты-то пока на каникулах!

И что вы думаете? Генерал, ни слова ни говоря, прошел в первую же попавшуюся комнату, и просто лег в куртке на панцирную сетку обыкновенной солдатской койки, сразу же при этом уснул!!!

Прибывшие чуть позже музыканты оркестра, тихо, чтобы не разбудить своего начальника, разместились на соседних кроватях с ним рядом...

В той ситуации генерал Халилов проявил себя исключительно как спокойный и уравновешенный руководитель, понимая, что бабуля здесь совсем не причем. А на утро, после извинений администрации Сахалинской области о таком вот конфузном «приеме», он решил все вопросы с дальнейшим уже суперкомфортным размещением своих подчиненных!

Безусловно, одним из "детищ" Валерия Михайловича являются также международные фестивали: "Кремлевская зоря", а затем и "Спасская башня"! Именно, благодаря ему, многие военные оркестры мира считают за честь выступить на этом международном фестивале! Взрослые духовые оркестры – это правильно и нужно! Но мало кто знает, что проект "Спасская башня детям!" – это тоже детище Валерия Михайловича! Именно он предложил в рамках фестиваля конкурс именно детских духовых коллективов! Что и происходит теперь каждый год на Красной площади! Лучшие детские коллективы имеют сегодня возможность выступить на главной площади нашей страны!

В качестве главного военного дирижера, Валерий Михайлович принимал также участие во всех военных парадах на Красной площади. И именно при нем, значительно расширился служебно-строевой репертуар военных оркестров, стали вводиться в репертуар новые военные и даже концертные марши, значительно обогащая палитру музыкальных красок в звучании духовых оркестров!

Если же говорить о вкладе Валерия Михайловича в дело развития именно детских духовых оркестров, то необходимо особо отметить, что первым председателем Ассоциации "Духового общества музыкантов-духовиков России" был именно он! Именно ему принадлежит идея, высказанная им в 2015 году на одном из первых заседаний данного "Общества": выезд детей музыкантов-духовиков в детский оздоровительный лагерь "Артек", игра в сводном духовом оркестре. Кроме того, приглашение на проведение мастер-классов лучших музыкантов-духовиков в "Артек", чтобы это была именно творческая школа, дающая стимул детям для дальнейшего их совершенствования, как будущих музыкантов!

И после нескольких успешных творческих смен в "Артеке", детские духовые оркестры теперь имеют возможность подобным образом выступать и в других лагерях: лагере "Орленок" в Краснодарском крае, а также в лагере на Дальнем Востоке "ОКЕАН".

Можно еще долго приводить подобного рода положительные примеры предложений, которые планировал воплотить в жизнь Валерий Михайлович Халилов. В вышедшей же книге «Валерий Халилов. Любить всю жизнь», представляющей первый художественно-публицистический роман о военно-оркестровой службе России, каждый из читателей, сможет прочесть много подобных жизненных историй, в которых Халилов показал свои человеческие качества: скромность, тактичность и интеллигентность во взаимоотношении со своими подчиненными, а также любовь к своей профессии военного дирижера!

Ну, и в самом конце своей статьи автору хотелось бы сделать выводы и подчеркнуть главную мысль, проходящую через все строки: становление и развитие любого музыканта духового оркестра неразрывно связано с несколькими факторами, одним из которых является наглядный пример родителей, то есть, воспитание его в семье среди родных и близких.

Второе: большое значение в выработке правильных общечеловеческих и профессиональных качеств имеют окружающие его учителя и педагоги, офицеры-воспитатели, которые с юношеских лет вкладывают в него: знания, умение, правильные жизненные моральные ориентиры и патриотическое и духовное воспитание.

И третье: выпускаясь из стен музыкальных учебных заведений, только тот сможет достичь высот в своей карьере, кто в течение всей своей жизни продолжает совершенствоваться и оттачивать свой профессионализм в области музыкального искусства. Кто не останавливается на достигнутых успехах, кто постоянно ищет что-то новое в своей профессии, увлекая за собой всех остальных! Именно таким примером творческого горения и патриотизма может служить жизненный путь Заслуженного деятеля искусств Российской Федерации, генерал-лейтенанта Валерия Михайловича Халилова.

Литературно-художественное издание

РОССИЯ. АРМИЯ. СУДЬБА

КНИГА ТРЕТЬЯ

Поэзия, проза, публицистика

2002–2021 годы

Составитель

Силкин Владимир Александрович

Вёрстка – Игорь Витюк

Корректор – Михаил Силкин

Дизайн обложки – Александр Кабин

Компьютерный набор – Владимир Силкин

Сдано в набор 12.01.2022. Подписано в печать 23.05.2022

Формат 60x90 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.

Условных печ. л. 21,125.

Электронное издание

Федеральное государственное бюджетное учреждение
культуры и искусства

«Центральный Дом Российской Армии имени М.В.Фрунзе»

Министерства обороны Российской Федерации

129110, Москва, Суворовская площадь, д. 2, стр. 1